

СЕБАСТЬЕН-РОК-НИКОЛА ШАМФОР
(1740-1794)

Максимы и мысли
Характеры и анекдоты

ШАМФОР И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

В ряду французских моралистов XVII—XVIII вв. Себастьян-Рок-Никола Шамфор занимает не первое

место. Паскаль как мыслитель глубже его, Ларошфуко острее и последовательнее, Лабрюйер излагает материал систематичнее и обстоятельнее. Тем не менее Шамфору присущи особенности, в силу которых он ближе к современности, чем его великие предшественники.

Он родился в 1740 г., умер в 1794 г.; таким образом, перед его глазами прошли те грозные события, которые наложили отпечаток на всю последующую историю Европы, причем он был не только наблюдателем, но и участником этих событий. Биография его представляет немалый интерес: как биография всякого незаурядного человека и литератора, она впитала в себя характерные приметы эпохи.

Шамфор был незаконнорожденным. Он родился в деревне близ города Клермон-Феррана в Оверни. Отец его неизвестен, скорее всего он был духовным лицом. Воспитала его женщина по имени Тереза Круазе; была ли она его настоящей или приемной матерью, тоже неизвестно. Фамилию Шамфор он присвоил себе сам, будучи уже взрослым. Терезе Круазе удалось определить его на половинную стипендию в парижский коллеж Де Грассен. Учился он отлично, но от карьеры священника отказался, заявив, что слишком любит покой, философию, женщин, истинную славу и честь и слишком мало ценит раздоры, лицемерие, почести и деньги.

В жизнь он вступил, не имея ни состояния, ни

связей, ни имени, ни страсти к наживе. У него были способности к литературе, и он подумывал о ремесле литератора. Но в те времена стать литератором, не прибегая к покровительству людей богатых и знатных, было делом очень трудным, а Шамфор покровителей не искал; для этого у него была слишком независимая, не идущая на сделки натура. Впоследствии он скажет: «Природа не говорит мне: Будь беден!»—и уж подавно: Будь богат!», но она взывает: Будь независим!»».

Как и Дени Дидро, он перепробовал много профессий: был репетитором в богатых семействах, писал за гроши проповеди тщеславным, но ленивым священникам, занимался всякими литературными поделками. Наконец в 1761 г. он добился первого успеха—получил премию Французской академии за стихи на заданную тему: «Послание отца сыну по случаю рождения внука». Стихи эти риторичны и вялы. Академикам они понравились, но Руссо их сурово разбил: с его точки зрения, юнцу незачем было прикидываться дедушкой.

В 1764 г. на сцене Французского театра была поставлена одноактная стихотворная комедия Шамфора «Молодая индианка». В печати встретили ее холодно, но Вольтер, чуткий к веяньям времени, отнесся к ней благосклонно. Он написал Шамфору любезное письмо, где есть такие слова: «Я уверен, что вы далеко пойдете. Какое это утешение для меня—знать, что в Париже существуют столь

достоинные молодые люди!» Комедия имела успех и у публики. Объясняется это тем, что хотя «Индианка» — пьеса незрелая, наивная, в литературном отношении слабая, но в ней уже сказалась важная черта таланта Шамфора: способность живо отзываться на идеи, волновавшие его современников. Руссоистская тема духовного превосходства человека, не тронутого цивилизацией, над человеком, ею уже развращенным, занимала в последующие десятилетия умы многих писателей и поэтов. Этой теме, почти при самом ее зарождении, и посвятил Шамфор свою юношескую пьесу.

Дальнейшая литературная деятельность Шамфора протекала с переменным успехом, и он почти все время терпел нужду. Только к 1770-м годам кривая жизненных его удач резко пошла вверх. В 1769 г. он получил премию Французской академии за «Похвальное слово Мольеру», в 1770 г. была поставлена его одноактная прозаическая комедия «Смирнский купец»; наконец, в 1774 г. Марсельская академия присудила ему премию за «Похвальное слово Лафонтену», хотя все были уверены, что победу одержит другой соискатель — известный впоследствии критик и поэт Ж.-Ф. Лагарп.

Таким образом, имя Шамфора становится широко известным. Эти годы — наиболее благополучные в его жизни. Он не бедствует, его пошатнувшееся здоровье понемногу восстанавливается, самые высокопоставленные

дамы и вельможи ищут его дружбы. Красивый, начитанный, блестяще остроумный, он вращается в высших кругах общества, наблюдая их, так сказать, изнутри. Не отказываясь от светских развлечений, он не забывает и о литературе: пишет пятиактную трагедию «Мустафа и Зеангир», построенную по всем правилам классицизма и носящую отпечаток внимательного чтения Расина и Вольтера. Трагедия эта, как в общем все, напечатанное при жизни ее автора, особого интереса не представляет, но и она, подобно «Индианке» и «Смирнскому купцу», отмечена характерной для Шамфора восприимчивостью к злободневным общественным и нравственным проблемам.

В 1776 г. трагедия была поставлена в придворном театре Фонтенебло и понравилась Людовику XVI и Марии-Антуанетте, а следовательно, и всему двору. Королева пожаловала Шамфору пенсию в 1200 ливров, принц Конде — в 2000 ливров. Он же предложил ему место своего секретаря. Шамфор согласился, но ему очень быстро стало невмоготу во дворце этого вельможи. Он дружил со многими титулованными и знатными людьми—во Франции XVIII в. круг людей образованных, способных вести интересную беседу, оценить ум, остроумие, начитанность, был узок и входили в него главным образом высшие слои дворянства. Но выступать у них в роли слуги он не желал. Шамфор засыпал принца стихотворными и прозаическими

посланиями, умоляя уволить его. Любая неуверенность в завтрашнем дне была для него лучше благосостояния, купленного ценой независимости. Вся эта история длилась полгода. Шамфору сорок лет, и он начинает тяготиться своим образом жизни и светским обществом, которое слишком хорошо изучил. В 1777 г. он поселился в Отейле, городке близ Парижа, где более полувека назад жил престарелый Буало. Там Шамфор познакомился с женщиной, внушившей ему глубокую любовь — быть может, единственную за всю его жизнь. Имя его возлюбленной осталось неизвестным. По некоторым письмам можно сделать вывод, что она была уже немолода, образованна и что вкусы ее совпадали со вкусами Шамфора. Они уединились в маленьком поместье Водулер неподалеку от Этампа, но продолжалась эта идиллия недолго: подруга Шамфора внезапно заболела и умерла. Смерть ее он перенес очень тяжело. Друзья насильно извлекли его из Водулера и повезли путешествовать по Голландии. По приезде в Париж он снова вернулся к литературной деятельности.

К этому времени у Шамфора уже твердо сложились демократические убеждения, которым он не изменял до конца своей жизни. Характерна фраза, оброненная им в Антверпене, когда, стоя на мосту с графом де Водрейлем, он глядел на грузчиков и плотников: «Чего стоит французский дворянин по сравнению с этими людьми!», —

воскликнул он. Эти слова он подкрепил всей своей дальнейшей деятельностью. Впрочем, следует заметить, что такие высказывания Шамфора не производили впечатления на его высокопоставленных друзей, которые видели в них всего лишь острословие; подобная позиция была характерна для многих аристократов предреволюционной Франции. «Хотя у самых наших ног, — замечает в своих «Мемуарах» Сегюр, — [писатели] закладывали мины, которые должны были подорвать наши привилегии, наше место в обществе, остатки прошлого нашего могущества, нам эти покушения даже нравились: не видя грозящей опасности, мы развлекались».

Убеждениям своим Шамфор не изменял никогда. С графом де Водрейлем его связывала искренняя дружба, но когда граф попросил Шамфора написать что-нибудь поязвительней против «защитников черни», Шамфор ответил письмом — мягким, дружелюбным, но непреклонным. Он отмечал в этом очень интересном документе, что речь идет о «тяжбе между 30-миллионным народом и 700 тысячами привилегированных». «Разве вы не видите, — писал Шамфор, — что столь чудовищный порядок вещей должен быть изменен, или погибнем мы все — и духовенство, и знать, и третье сословие?». - Я осмеливаюсь утверждать, что если привилегированные на всеобщую беду выиграют тяжбу, то нация, взорванная изнутри, еще века будет

вызывать к себе такое же презрение, какое она вызывает в наши дни». «Что благороднее — принадлежать к отдельной корпорации, пусть даже к самой почтенной, или же ко всему народу, столь долго унижаемому, к народу, который, возвысившись до свободы, прославит имена тех, кто связал все свои чаяния с его благом, но может сурово отнестись к именам тех, кто был ему враждебен?».

Наступил 1789 год. Революция не застала Шамфора врасплох. Он пишет одной из своих приятельниц: «Вы как будто опечалены кончиной нашего друга—покойного деспотизма. Меня, как вам известно, смерть его нисколько не удивила. Правда, он испустил дух скоропостижно, поэтому какое-то время положение наше будет затруднительно, но мы выкарабкаемся».

14 июля 1789 г. Шамфор в числе первых вступает в Бастилию.

Довольно ленивый по природе, он теперь лихорадочно работает: много пишет, принимает участие в выпуске серии «Картины революции», где под гравюрами, изображающими такие события, как взятие Бастилии или присяга членов Национального собрания в зале для игры в мяч, дает восторженный комментарий происходящего. Одновременно он подготавливает для Мирабо, с которым тесно сдружился еще в 1784 г., речь против Академии: хотя Шамфор еще с 1781 г. сам стал ее членом, он тем не менее считает, что должны быть

уничтожены все привилегии, в том числе и литературные. Когда в 1790 г. аббат Ранжар преподнес Шамфору грамоту о присвоении ему звания члена Анжерской королевской академии, в которой состоял ранее Вольтер, он отказался, мотивируя свой отказ тем, что намеревается выступить против всех академий. «Пусть процветают ваши ученые, ваши аббаты и каноники, но да здравствуют неза висимость и равенство! Долой все оковы, все заслоны! Каждый человек должен иметь право на счастье и славу!». В том же 1790 г. он пишет по поводу отмены литературных пенсий, которые были единственным источником его существования: «Я пишу вам, а в ушах у меня звенят слова: Отмена всех пенсий во Франции!» — и я отвечаю: Отменяйте что хо тите, я всегда буду верен своим взглядам и чувствам. Люди ходили на голове, теперь они встали на ноги. У них всегда были недостатки, даже пороки, но это — недостатки их натуры, а не чудовищные извращения, привитые чудовищным правительством». Эта формулировка очень существенна для мировоззрения Шамфора.

Придерживаясь руссоистских взглядов, но отнюдь не считая «естественного человека» совершенством, наделенным всеми добродетелями, он утверждал, что тирания уродует людей, воспитывая в них не присущие им от природы свойства. И когда французский народ сверг тиранию, Шамфор стал надеяться на век если не золотой, то по крайней мере разумный.

Шамфору принадлежат афоризмы, которые дожили до наших дней, хотя об авторстве его все давно забыли. Это он придумал название для брошюры аббата Сийеса: «Что такое третье сословие? Всё. Чем оно владеет? Ничем». И он же бросил лозунг «Мир хижинам, война дворцам». Шамфор не любил речей, произносил их редко, а когда произносил, то оставался верен своей афористической манере. «Я—всё, остальные—ничто”—вот что такое деспотизм... Я—это мой ближний, мой ближний—это я”—вот что такое народовластие» (стр. 90)—такова одна из его речей, в которой, так же как в высказываниях по поводу академий и пенсий, заключена суть позиции Шамфора по отношению к старому режиму и революции. Он был демократом до мозга костей, ненавидел привилегии любого сорта и вида, считал свободу величайшим и необходимейшим благом для человечества. На первых порах он горячо приветствовал революцию, его не испугали ее крайности — слова о том, что авгиевы конюшни не чистят метелочкой, тоже принадлежат ему. Он дружил с якобинцами, был даже одним из организаторов якобинского клуба, но, когда начался террор, принять его не смог.

В 1792 г. он был назначен директором Национальной библиотеки. Времена становились все суровее, но Шамфор ни в чем не менял своего поведения и продолжал говорить то, что думал. Заслуги Шамфора перед республикой были велики,

к нему относились снисходительно, пока им специально не занялся один из сотрудников библиотеки, некто Тобьезен Дюби, метивший на его место. Он записывал словечки Шамфора и строил доносы. «Во имя Республики никаких полумер! Сотрите в порошок этих людей, недостойных иной участи, и пусть патриоты радуются при виде своих врагов, поверженных во прах», — вот образец литературных упражнений Дюби. Шамфор ответил на его клевету печатно. И все же она возымела действие, тем более что в это время Шамфор отказал Эро де Сешелю в просьбе написать брошюру против свободы слова. 21 июля 1793 г. Шамфора арестовали и посадили в тюрьму Ле Мадлонет. Через несколько дней его выпустили, приставив к нему и его знакомым, выпущенным вместе с ним, жандарма, которого они должны были совместно содержать.

Тюрьма произвела на Шамфора тягчайшее впечатление. Он говорил потом, что это не жизнь и не смерть, а для него невозможна середина: он должен или видеть небо, или закрыть глаза под землей. И он поклялся, что покончит с собой, если его опять арестуют. На воле он продолжал острить, и через месяц жандарм предъявил ему новый ордер на арест. Шамфор попросил позволения выйти в другую комнату и там выстрелил себе в голову. Вот как он сам рассказал впоследствии об этом своему другу, литератору Женгене: «Я пробуравил себе глаз и переносицу, вместо того чтобы размозжить череп,

потом искромсал горло, вместо того чтобы его перерезать, и расцарапал грудь, вместо того чтобы ее пронзить. Наконец, я вспомнил Сенеку и в честь Сенеки решил вскрыть себе вены. Но он был богат, к его услугам было все: горячая ванна, любые удобства, а я бедняк, ничего такого у меня нет. Я причинил себе чудовищную боль — и без всякого прока. Впрочем, пуля у меня по-прежнему в черепе, а это главное. Немногим раньше, немногим позже — вот и все».

Истекающего кровью, его перенесли на кровать, и там он твердым голосом продиктовал следующее: «Я, Себастьян-Рок-Никола Шамфор, заявляю, что предпочитаю умереть свободным человеком, чем рабом отправиться в арестный дом; заявляю также, что если меня, в моем теперешнем состоянии, попытаются потащить туда, у меня еще останется сил успешно завершить то, что я начал. Я свободный человек. Никогда меня не заставят живым войти в тюрьму». Все, естественно, считали, что он не выживет. Тем не менее к нему и на этот раз приставили жандарма, которого, опять-таки, он сам должен был содержать. Но Шамфор оправился, начал даже ходить, перебрался на другую, более дешевую квартиру: после того как он был принужден подать в отставку, средств к существованию у него совсем почти не было. Впрочем, прожил он недолго. Через несколько месяцев одна из его ран нагноилась, и 13 апреля 1794 г. Шамфор умер.

Умирая, он сказал аббату Сийесу: «Мой Друг, я ухожу, наконец, из этого мира, где человеческое сердце должно или разорваться, или оледенеть». За гробом Шамфора—в те времена это было актом большого мужества—шли три человека: Сийес, Ван-Прат и Женгене.

Приблизительно год спустя П.-Л. Редерер попытался подвести итог литературной деятельности Шамфора, выступив на страницах «Журналь де Пари» со статьей «Диалог между редактором и другом Шамфора». Как видно уже из заглавия, статья написана в форме разговора двух людей, один из которых спрашивает, а второй отвечает. На вопрос редактора, что же сделал для революции Шамфор, не напечатавший о ней ни строчки, следует ответ: «Шамфор печатал непрерывно, только печатал он в умах своих друзей. Он не оставил произведений, написанных на бумаге, но все, что он говорил, будет когда-нибудь написано. Его слова долго будут цитировать, будут повторять их во многих хороших книгах, ибо каждое его слово—сгусток или росток хорошей книги». И дальше: «Чтобы [мысль] стала общим достоянием, ее должен отчеканить человек красноречивый, тогда чеканка будет тонкая и четкая, а проба — полновесная. Шамфор не переставал чеканить такую монету, порою — из чистого золота. Он не сам раздавал ее людям, этим охотно занимались его друзья. И нет сомнения, что он, ничего не написавший, больше оставил после себя, чем те люди, которые столько

писали за эти пять лет и произносили столько слов».

Редерер говорил это, не зная и даже не подозревая, что труд всей жизни его друга сохранился. Между тем после смерти Шамфора Женгене обнаружил папки с его записями. Возможно, кое-что и пропало, но большая часть была спасена. Эти заметки на клочках бумаги и есть «Максимы и мысли», «Характеры и анекдоты», — словом, все, что составляет живое литературное наследие Шамфора. Произведения, напечатанные при его жизни и принесшие ему кратковременную известность — стихи, пьесы, похвальные слова, — теперь устарели и не представляют большого интереса, если не считать подписей к «Картинам революции». Материалы же, собранные им для труда, который он хотел озаглавить «Творения усовершенствованной цивилизации», стали памятником человеческой мысли, вызывающей отклик и через полтора столетия.

Впервые «Максимы» и «Анекдоты» появились в свет в 1795 г.—их издал Женгене, предпослав книге рассказ о жизни и смерти Шамфора. Конечно, очень ощущается, что не автор подготовил книгу к печати. В ней есть повторения, проходные, малозначительные пассажи. Особенно это относится к «Характерам и анекдотам». Тем не менее книга и в таком виде достаточно едина, значительна и по-новому освещает темы, разработанные предшественниками Шамфора в жанре моралистики.

Если обратиться к Монтеню, Ларошфуко, Лабрюйеру, то общим у этих столь различных писателей-моралистов оказывается их взгляд на неизменность человеческой природы, который согласуется со всем мировоззрением философов-рационалистов. Меняются формы проявления корысти, тщеславия, честолюбия, но существо их остается тем же. Поэтому не только бесполезны, но и вредны попытки коренного переустройства любого социального строя. Начинать надо с человека. Если удастся изменить его к лучшему, усовершенствуется и общество. Добиться этого можно, только разъяснив людям, что порок ничего хорошего им не сулит и что в конечном счете добродетель выгоднее. Заняться таким разъяснением должны философы и писатели.

Монтень в доказательство того, что человеческая природа всегда и везде одинакова, привлекает широчайший материал, черпая примеры из истории и Древней Греции, и Рима, и, конечно, Франции. Политические и социальные перемены не вносят, с его точки зрения, существенных поправок в эту природу. Более того, любая ломка общественного строя может привести к следствиям неожиданным и губительным. «Я разочаровался во всяких новшествах, в каком бы обликах они нам не являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь губительные последствия они вызывают», — пишет он в 23-й главе первой части «Опытов». Нигде не становясь в позу проповедника,

невозможную для этого великого скептика, он все же исподволь старается внушить читателю, насколько неудобен, обременителен порок и насколько существование чело' века, которым руководит разум, спокойнее и приятнее, чем жизнь того, кто подчиняется страстям.

Этическая система Ларошфуко еще асоциальнее, герметичнее. Стараниями автора из нее изъято все, что носит следы конкретной исторической обстановки. С каждым новым изданием Ларошфуко все больше очищал свою книгу от упоминаний конкретных лиц и реальных событий. Людьюми правит корысть — это положение он хочет сделать универсальным, хочет вынести его за скобки всей истории человечества. Систему свою, основанную на наблюдениях над современной жизнью, он строит как незыблемую и внеисторическую. Ларошфуко не учит, а только констатирует, предоставляя людям самим делать выводы.

Лабрюйер, живший во второй половине XVII в., уже куда историчнее Ларошфуко. Его придворные, судейские, горожане относятся к определенной стране и эпохе. Он широко пользуется литературными «портретами с ключом», т. е., не называя оригиналов, рисует их с такой достоверностью, что его современники мгновенно узнают и называют тех, кого он имел в виду. Тем не менее он остается верным эстетике классицизма и характеры его одноплановы: ханжа—это только

ханжа, болтун—только болтун, рассеянный—только рассеянный. Они не люди, а типы, свойственные всем временам и народам. «Нельзя свести содержание моего труда к одному королевскому двору и к одной стране, — пишет Лабрюйер в предисловии к «Характерам»,—это... исказит его замысел, состоящий в том, чтобы изобразить людей вообще».

Как и Монтень, Лабрюйер считал, что лучший строй — это тот, при котором человек родился. «Когда человек, не предубежденный в пользу своей страны, сравнивает различные образы правления, он видит, что невозможно решить, какой из них лучше: в каждом есть свои дурные и свои хорошие стороны. Самое разумное и верное — счесть наилучшим тот, при котором ты родился, и примириться с ним». Отсюда вывод: менять надо не политическую систему, а существо человека. В отличие от Монтеня и Ларошфуко Лабрюйер откровенно поучает; более того, он видит в этом смысл существования литературы, так как, с его точки зрения, для писателей «нет и не может быть ... награды более высокой и бесспорной, чем перемена в нравах и образе жизни их читателей и слушателей. Говорить и писать стоит только для просвещения людей». В этом вопросе— да и в ряде других — Лабрюйер уже полностью сближается с просветителями XVIII в.

Иные предпосылки у Шамфора. В отличие от Монтеня, Ларошфуко, Лабрюйера он утверждал,

что человек изменяется под влиянием общественного строя, при котором живет. Таким образом, Шамфор первый внес во французскую моралистику социальные категории. В канун революции 1789 г. устои монархии были уже так расшатаны, что исторические закономерности, еще недостаточно очевидные для сознания людей XVII в., обнажились и отмахнуться от них было трудно. Коррупция правящих слоев общества — высших кругов дворянства и духовенства, финансистов, откупщиков — дошла до крайнего предела. Говорить об их «исправлении» или о том, что такова человеческая природа, не приходилось. Любому вдумчивому наблюдателю было ясно, что коренные перемены неизбежны. Правда, и энциклопедисты, и Руссо боялись революции, считали, что ее можно и нужно избежать, но никому из них уже не пришло бы в голову сказать, что «самое разумное и верное — счесть наилучшим тот строй, при котором ты родился». Не приходило это в голову, конечно, и Шамфору. То, что он видел вокруг себя, повергало его в ужас. Как произойдут перемены, к чему они сведутся, он не знал, но равнодушно смотреть на происходящее не мог. Он делал посильное; клеймил людей и явления словами, такими точными и язвительными, что, расходясь по Парижу, они становились общим достоянием. Это был его способ борьбы с произволом власть имущих, с социальной несправедливостью.

Как было уже сказано, Шамфор находился под

влиянием Руссо. Отправная его точка в «Максимах» чисто руссоистская, правда своеобразно преломленная. В первой же главе, «Общие рассуждения», он постулирует: «Общество отнюдь не представляет собой лучшее творение природы, как это обычно думают; напротив, оно—следствие полного ее искажения и порчи» (стр. 8). Затем, в той же главе, он заявляет, что создать общество людей вынудили «стихийные бедствия и все превратности, которые претерпел род человеческий» (стр. 19), а в главе восьмой делает окончательный вывод: «Труд и умственные усилия людей на протяжении тридцати-сорока веков привели только к тому, что триста миллионов душ, рассеянных по всему земному шару, отданы во власть трех десятков деспотов, причем большинство их невежественно и глупо, а каждым в отдельности вертит несколько негодяев, которые к тому же подчас еще и дураки» (стр. 83). Шамфор не разделяет иллюзий Руссо относительно идеального «естественного человека». И дикарю, по его мнению, свойственны недостатки. Но в цивилизованном обществе каждый человек является носителем не только своих недостатков, но и недостатков социального слоя, к которому он принадлежит. Если же все это усугубляется пороками чудовищного строя, каким, с точки зрения Шамфора, является французская монархия XVIII в., то картина получается удручающая.

Общество разделено на две неравные части.

Большая, девятнадцать двадцатых, лишена всего, всех человеческих прав. Это бедняки, «негры Европы», как со свойственной ему энергией пишет Шамфор, определяя одновременно свою позицию в отношении социального угнетения в Европе и национального гнета в других частях света. Меньшая часть, одна двадцатая, обладает всеми правами, привилегиями, преимуществами. Она состоит из знатных вельмож, прелатов, откупщиков, людей невежественных, ничтожных, корыстолюбивых, думающих только о своей выгоде, плюющих на народ. В этот узкий круг тех, кто правит Францией, нет доступа таланту, бескорыстию, честности. «Когда видишь, как настойчиво ревнители существующего порядка изгоняют достойных людей с любой должности, на которой те могли бы принести пользу обществу, когда присматриваешься к союзу, заключенному глупцами против всех, кто умен, поневоле начинает казаться, что это лакеи вступили в сговор с целью устранить господ» (стр. 41). Но именно лакеи во главе со своим державным хозяином — королем управляют страной, позоря ее и ведя к гибели. Франция превратилась в лес, «который кишит грабителями, причем самые опасные из них — это стражники, облеченные правом ловить остальных» (стр. 38). Человеку даровитому и благородному нег места в этом обществе. Положение людей искусства, в частности литераторов, трагично: они — шуты, забавники, и только. Чтобы существовать, им приходится драться

за милости, вырывать их друг у друга изо рта. Тому, кто не совсем утратил чувство собственного достоинства, смотреть на это невыносимо. «Когда какая-нибудь глупость правительства получает огласку, я вспоминаю, что в Париже находится, вероятно, известное число иностранцев, и огорчаюсь: я ведь все-таки люблю свое отечество» (стр. 87).

За Шамфором закрепились слава мизантропа. Но это несправедливо: он глубоко человеколюбив. Именно поэтому он так негодует, язвит, насмехается. Редерер приводит следующее его высказывание: «Кто дожил до сорока лет и не сделался мизантропом, тот, значит, никогда не любил людей». Ненависть и отвращение к тем, кто облечен властью, и бессильная любовь к бесправным — вот источник одного из лейтмотивов «Максим»: человек, в котором еще живо чувство собственного достоинства, не может жить в обществе, дошедшем до такой степени мерзости. Он должен покинуть его, поселиться на лоне природы и там совершенствовать свой разум и характер.

Сколько-нибудь последовательной социальной программы у Шамфора не было, но, подобно своим современникам, таким как Вольтер, Дидро и другие, он мечтал о конституционной монархии или хотя бы о просвещенном монархе. Ряд анекдотов свидетельствует о том, что его интересовала личность Фридриха II, короля прусского, хотя тот

уже не внушал ему особых иллюзий, как это было с Вольтером, пока последний не оказался при дворе этого солдафона в обличий философа и поэта. Опыт Вольтера не мог быть неизвестен Шамфору. Особенно привлекала его английская конституционная монархия — об этом говорят и его афоризмы, и прямые высказывания в письмах к де Водрейлю. Шамфор не помышлял с коренных преобразованиях социального строя Франции, об уничтожении дворянства, о равенстве состояний и т. д. Он, как и большинство просветителей, считал, что конституционная монархия покончит с главным злом — с тиранией, развяжет руки третьему сословию и гарантирует людям элементарные права; французу второй половины XVIII в. уже это представлялось огромным благом. Тем более удивительно, что при такой умеренности взглядов он принял революцию с истинным ликованием, не только как гражданин, но и как литератор. В маленьких «Философских диалогах», также при его жизни не изданных, есть такой диалог: «А: Не думаете ли вы, что изменения, которые произошли в конституции, окажутся пагубными для искусства? Б: Ничуть. Они вдохнут в умы твердость, благородство, уверенность. Век Людовика XIV оставил нам в наследство хороший вкус — плод прекрасных творений, созданных в то время. В наши дни он сочетается с энергией, преисполнившей ныне национальный дух, энергией, которая поможет нам выйти из круга мелких условностей,

мешавших его свободному полету».

Особенный интерес представляет последний раздел «Максим», озаглавленный «О рабстве и о свободе во Франции до и после революции». Туда входят самые блестящие и беспощадные его афоризмы, касающиеся французской монархии: «Во Франции не трогают поджигателей, но преследуют тех, кто, завидев пожар, бьет в набат» (стр. 87); «Дворянство, утверждают дворяне, это посредник между монархом и народом. Да, в той же мере, в какой гончая — посредница между охотником и зайцами» (стр. 88), и т. п. В том же разделе собрано и то немногое, что он успел написать после революции; в частности, там есть такое замечательное рассуждение: «В миг сотворения мира богом хаос, пришедший в движение, несомненно казался еще более беспорядочным, чем когда он мирно пребывал в неподвижности. Точно так же обстоит дело и с нашим обществом: оно сейчас перестраивается и в нем царит неразбериха, которая со стороны должна казаться верхом беспорядка» (стр. 92).

По стилю Шамфор отличается от своих предшественников не меньше, чем по существу взглядов. Прежде всего нельзя забывать, что он делал эти записи для себя, рассчитывая когда-нибудь связать их воедино. Он тщательно отделявал каждую максиму, но вовсе не заботился о последовательном развитии мыслей, о том, чтобы одна максима не противоречила другой. Да и в главы

располагала их не его, а чужая рука. Поэтому книга Шамфора по сравнению с книгами Ларошфуко и Лабрюйера проигрывает в стройности; зато она живее, непосредственнее, на ней есть отпечаток мысли, все время движущейся и ищущей.

Но не в этом основа стилистического отличия Шамфора от моралистов XVI и XVII вв. Человек, живший в эпоху катастрофическую, в канун революции, которая до основания потрясла его страну, залила ее кровью, освободила народ от рабства и перед всей Европой открыла новые пути, не мог писать ни бесстрастно-иронически, ни поучительно. Стиль Шамфора — это довольно сложный конгломерат, в котором традиция Ларошфуко и Лабрюйера соединилась с новыми, руссоистскими особенностями, предвещавшими уже французских романтиков. Наряду с короткими, лапидарными сентенциями, в которых парадоксальность доведена до предела и которые подчас трудно отличить от афоризмов Ларошфуко («Мало на свете пороков, которые больше мешают человеку обрести многочисленных друзей, чем слишком большие достоинства», — стр. 25), мы находим записи, по приподнятой интонации и лексике немыслимые в рассудочном XVII веке: «Когда сердце мое жаждет умиления, я вспоминаю друзей, мною утраченных, женщин, отнятых у меня смертью, живу в их гробницах, лечу душой на поиски их душ. Увы! В моей жизни уже три могилы!» (стр. 61). Таких примеров немного, но они

показательны, так как говорят о том, что изменившееся сознание людей искало новые формы выражения. Большой частью интонация Шамфора очень эмоциональна: гневная, саркастическая, скорбная, и за нею почти всегда — открыто или затушеванно — стоит авторское «я», но не ироническое и отстраняющееся, а воинственно-пристрастное, даже в самой скорби. Именно эта интонация придает книге Шамфора особенную непосредственность и современность.

Вторая часть книги — «Характеры и анекдоты» — это сборник исторических анекдотов. С точки зрения Шамфора, любой деспотический строй только такой истории и заслуживает. Ничего общего с «Характерами» Лабрюйера эти анекдоты не имеют. Шамфор не ставил перед собой задачи дать сколько-нибудь обобщенные типы. Его целью было показать не галерею портретов или даже карикатур, а лишь серию моментов тальных снимков.

Не он изобрел этот жанр. Достаточно назвать очень известные в свое время «Маленькие истории» Тальмана де Рео — забавные, часто непристойные эпизоды из жизни придворных кругов XVII в. Но Тальман де Рео стремился прежде всего развлечь.

Намерения Шамфора со всем иные: он стремится заклеить.

В «Характерах и анекдотах» немало проходного материала: острых словечек (в искусстве острословия мало кто мог сравниться с Шамфором), забавных происшествий, бытовых

сценок, не несущих особой смысловой нагрузки. Но суть не в них, а в поразительных по своей обличительной силе характеристиках и зарисовках. Не обойден и не пощажён никто — ни король, ни фавориты и фаворитки, ни министры, ни придворные, ни прелаты. Шамфор действительно бьёт в набат — тут ещё раз не обходимо подчеркнуть, что словечки его и характеристики имели широкое хождение при его жизни и таким образом играли немалую роль в формировании передовой общественной мысли.

Жадность, скарденность, беззастенчивая подлость, раболепие, скудоумие, цинизм — вот набор пороков, которые Шамфор регистрирует тщательно, методично, со злорадной издевкой. Он ненавидит этот строй, при котором у меньшинства нет аппетита, а у большинства — обеда, и порою его ненависть облекается в слова, для того времени необычайно смелые: «Хочу дожить до того дня, когда последнего короля удавят кишками последнего попа» (стр. 165).

По форме эта часть книги очень пестра. Есть в ней исторические анекдоты в собственном смысле слова, т. е. рассказы о реальных фактах, не очень значительных, но забавных или характерных, как например записи высказываний крупных вельмож: «Граф д'Аржансон, человек умный, но без всяких правил и любивший выставлять свое бесстыдство напоказ, говаривал: Мои недруги напрасно стараются—им меня не свалить: в лакействе меня

никто не превзойдет» (стр. 123); и рассуждения: «Я считаю короля Франции государем лишь тех ста тысяч человек, которым он приносит в жертву двадцать четыре миллиона девятьсот тысяч французов и между которыми делит пот, кровь и последние достатки нации» (стр. 189); и афоризмы в стиле Ларошфуко: «В каждую пору своей жизни человек всегда вступает новичком» (стр. 216); и жанровые или даже скабрёзные сценки; и маленькие новеллы, вроде истории о командире мушкетеров, которого послали усмирять оголодавший и взбунтовавшийся народ, приказав ему «открыть огонь по сволочи» (стр. 131). В этой пестроте чувствуется отсутствие авторского отбора. Тем не менее «Анекдоты» производят сильное впечатление: как в мозаике из отдельных камушков, так и здесь из отдельных штрихов складывается цельная картина.

Когда в 1795 г. Женгене впервые напечатал это сочинение, которое посмертно принесло Шамфору истинную славу, на автора обрушились со всех сторон. Справа — потому что он с радостью принял революцию, уничтожение привилегий, торжество третьего сословия; слева — потому что не принял террора и не только во всеуслышание заявлял об этом, но и смертью своей подтвердил отказ примириться с ним. Аристократы-эмигранты не уставали попрекать Шамфора неблагодарностью, хотя он и до революции не скрывал своих республиканских симпатий.

Однако у Шамфора быстро нашлись не только

хулители, но и поклонники, и отнюдь не в одной Франции. В Германии первое издание его книги восторженно приняли братья Шлегели, особенно Фридрих Шлегель, сказавший, что в своем жанре произведение Шамфора занимает первое место. Несомненное влияние оказал Шамфор и на Лихтенберга, немецкого сатирика и моралиста второй половины XVIII в. Это отметил еще Стендаль в своей «Истории живописи в Италии» (1816).

Очень ценили Шамфора и в России. Его переводили и печатали, можно сказать, по горячим следам: «Молодая индианка» появилась в печати в 1774 г., «Смирнский купец» — в 1789 г.

В 1799 г. в журнале «Иппокрена» были напечатаны «Отборные анекдоты и острые мысли Шамфортовы».

В 1806 г. несколько «Шамфоровых мыслей» опубликовал журнал «Минерва», и с этого времени имя Шамфора довольно часто появляется на страницах русской печати. В 1807 г. к нему еще раз обращается «Минерва», в 1809 г. — «Вестник Европы», в 1812 г.— снова тот же журнал, в 1819 г.— «Сын отечества» и т.д. В переписке с Шамфором состоял А. П. Шувалов, его цитировал в письмах и записных книжках П. А. Вяземский. С большим уважением относился к нему и Пушкин, писавший: «Добродетельный Томас, простодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как и честные люди, не беспримерные гении, но литераторы с отменным талантом...». В набросках к

статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин приводит цитату из Шамфора.

Наконец, в списке авторов, которых читает Евгений Онегин, есть и Шамфор.

В прошлом веке Шамфора во Франции несколько раз переиздавали, но писали о нем сравнительно мало. Прочувствованные слова посвятили ему Гонкуры: «Он был воплощением острого ума и щедро рассыпал вокруг себя не медные гроши, но великолепные золотые монеты, которые когда-нибудь потомки будут хранить как медали. Он видел, как несчастен человек, и был безутешен, но благородно нес свою мизантропию, как верность мужественного сердца».

В конце XIX и в XX в. интерес к Шамфору резко повысился: его часто переиздают, о нем пишут монографии Пелиссон, Дуссе, Тепп и др. Он жил в эпоху острейших социальных конфликтов, когда пали твердыни, которые на протяжении многих веков казались несокрушимыми, он был человеком кризисного мироощущения, и неудивительно, что его творчество находит в наши дни столь живой и сочувственный отклик на Западе. Но и советским людям творчество Шамфора во многом близко и понятно. Писатель, бесстрашно боровшийся за свободу, за права и высокое достоинство человека, не может не привлечь к себе внимания советского читателя и его искренних симпатий.

Максимы и мысли

Глава 1

ОБЩИЕ РАССУЖДЕНИЯ

Максимы, сентенции, краткие нравоучения создаются людьми острого ума, которые трудятся, в сущности, на потребу умам ленивым или посредственным. Усваивая чужую сентенцию, ленивец избавляет себя от необходимости самолично делать наблюдения, приведшие ее автора к выводу, которым он и поделился с читателем. Люди ленивые или посредственные, полагая, что сентенция освобождает их от обязанности углубляться в предмет, придают ей значение гораздо более широкое, нежели автор, если только он — а это иногда случается — сам не грешит посредственностью. Напротив, человек выдающийся умеет с первого же взгляда подметить сходство и различие явлений и решить, приложима ли к этим явлениям та или иная сентенция. Происходит то же, что в естественной истории,¹ где, стремясь внести какой-то порядок, ученые придумали отряды и виды. Для этого понадобилось немало ума, так как им пришлось сопоставлять предметы и постигать связь между ними. Однако поистине великий естествоиспытатель,²

в своем роде гений, знающий, в каком изобилии природа порождает совершенно несхожие между собой существа, понимает, как недостаточны все эти отряды и виды, к которым столь охотно прибегают умы ленивые или посредственные. Впрочем, лень и посредственность можно объединить, а подчас и отождествить: нередко одна из них выступает причиной, другая — следствием.

* * *

Те, кто составляет сборники стихов или острот, в большинстве своем подобны людям, которые угощаются вишнями или устрицами: сперва они выбирают лучшие, потом поглощают уже все подряд.

* * *

Презабавно было бы написать книгу и перечислить в ней все идеи, которые развращают человека, общество, нравы и тем не менее явно или скрыто содержатся в знаменитейших творениях самых признанных авторов, идеи, насаждающие суеверие, дурные политические доктрины, деспотизм, сословное чванство и прочие распространенные предрассудки. Такое сочинение доказало бы, что почти все книги действуют развращающе и от лучших из них пользы немногим больше, чем вреда.

* * *

О воспитании пишут без устали, и сочинения на эту тему вызвали к жизни кое-какие удачные новшества, кое-какие разумные методы, одним словом отчасти принесли пользу. Но какой в общем прок от подобных писаний, пока они не подкреплены реформами законодательства, религии, нравов? У воспитания одна цель — образовать детский ум соответственно взглядам общества в каждой из трех названных выше областей. Но если взгляды эти противоречат друг другу, что же усвоит из них ребенок? Как сформируется его ум, если мы первым делом невольно научаем его видеть всю нелепость правил и обычаев, освященных авторитетом церкви, общества и закона, и тем самым внушаем презрение к ним?

* * *

Приятно и поучительно разобраться в идеях, определяющих суждения человека или круга людей. Не менее, а подчас еще более интересно вдуматься в идеи, которые лежат в основе взглядов целого общества.

* * *

Цивилизация напоминает кулинарию. Видя на столе легкие, здоровые, отлично приготовленные блюда, мы радуемся тому, что гастрономия стала

подлинной наукой; когда же нас пичкают сиропами, подливами, паштетами из трюфелей, мы проклинаяем поваров с их пагубным искусством. Все дело в применении.

* * *

Мне кажется, что в современном обществе человека развращает скорее его разум, нежели страсти: только в них (я имею в виду страсти, присущие и людям, не испорченным цивилизацией) проявляются те остатки естественности, которые человечество сохраняет при нынешнем социальном устройстве. Общество отнюдь не представляет собой лучшее творение природы, как это обычно думают; напротив, оно — следствие полного ее искажения и порчи. Общество — это здание, возведенное из обломков другой, первоначальной постройки. Обнаруживая следы ее, мы испытываем восторг, смешанный с удивлением. Такое же действие оказывает на нас естественное, неподдельное чувство, когда оно вдруг прорывается у светского человека. Видеть проявления подобного чувства подчас тем отраднее, чем выше на общественной лестнице, а значит, и дальше от природы, стоит тот, кто дает ему волю. Особенно приятно поражает оно в монархе, ибо он находится на самом верху этой лестницы. Подобное проявление естественности все равно что обломок древней дорической или коринфской колонны на фасаде неуклюжего

современного здания.

* * *

Я убежден, что, не будь общество насквозь искусственным, простое и подлинное чувство производило бы на людей куда менее сильное впечатление, чем производит в наши дни. Оно радовало бы, но не удивляло; сейчас оно и радует, и удивляет. Наше удивление — это насмешка над обществом; наша радость — дань уважения природе.

* * *

Плуты всегда стараются хотя бы отчасти казаться честными людьми. В этом они весьма схожи с полицейскими шпионами, которым платят тем дороже, чем лучше общество, где они вращаются.

* * *

Простолюдин, нищий человек, который безразлично сносит презрение власть имущих к его бедности, отнюдь еще не может считаться человеком низким; но если этот нищий простолюдин позволяет кому бы то ни было, пусть даже первому из европейских государей, оскорблять свое человеческое достоинство, он заслуживает презрения и за свою низость, и за нищету. Надо признать, что, живя в свете, каждый из нас вынужден время от

времени притворяться. Однако честный человек притворяется лишь по необходимости или чтобы избежать опасности. В этом его отличие от плута — тот опережает события.

* * *

Свет рассуждает порою престранным образом. Если я говорю о другом человеке хорошее, а мнение мое хотят опровергнуть, мне твердят: «Он же ваш друг!». Ах, черт побери, да ведь он мне друг именно потому, что я превозношу его вполне заслуженно: этот человек таков, каким я его изображаю) Нельзя же путать причину со следствием и следствие с причиной! Зачем предполагать, будто я хвалю человека лишь потому, что он мне друг? Почему не предположить иное: он мне друг потому, что достоин похвалы?

* * *

Моралисты и политики бывают двух сортов. Одни — их большинство — подмечают лишь гнусные и смешные стороны человеческой природы; таковы Лукиан,³ Монтень,⁴ Лабрюйер,⁵ Ларошфуко,⁶ Свифт,⁷ Мандевиль,⁸ Гельвеций⁹ и т.д. Другие видят лишь ее лучшие стороны и совершенства; таковы Шефтебери¹⁰ и кое-кто еще. Первые судят о дворце по отхожим местам; вторые — восторженные мечтатели, которые закрывают глаза на то, что

оскорбляет их взгляд, но тем не менее существует. Est in media verum. (Истина посредине (лат.)).

* * *

Угодно вам убедиться в полной бесполезности всяческих нравоучительных сочинений, проповедей и т.д.? Обратите взор на такой предрассудок, как привилегии рождения. Найдется ли на свете нелепость, которая вызывала бы больше сарказмов, чаще подвергалась бы осмеянию со стороны множества остроумцев, служила бы философам, ораторам, поэтам лучшей мишенью для сатирических стрел? Но разве это отбило хоть у кого-нибудь охоту быть представленным ко двору, отучило от притязаний на место в королевской карете?¹¹ Разве это заставило упразднить ремесло Шерена?¹²

* * *

Драматический писатель всегда стремится к сильным эффектам. Однако хороший поэт достигает их с помощью разумных средств, чем и отличается от поэта плохого: для того годятся любые средства. Выходит то же, что с порядочными людьми и плутами: и тем, и другим хочется преуспеть, но первые добиваются этого лишь честными путями, вторые — любыми.

* * *

Философия, равно как и медицина, частенько пичкает нас дрянными снадобьями, реже — хорошими и почти никогда не предлагает по-настоящему полезных лекарств.

* * *

В Европе миллионов полтора жителя, в Африке их больше в два, в Азии — в три с лишним раза; в Америке и на Южном континенте населения, вероятно, в половину меньше, чем в нашем полушарии. Отсюда можно сделать вывод, что на земном шаре ежедневно умирает больше ста тысяч человек. Следовательно, тот, кто прожил хотя бы тридцать лет, уже успел примерно тысячу четыреста раз избежать этой страшной бойни.

* * *

Я знавал мужчин, которые не отличались особой широтой и возвышенностью взглядов, но были наделены умом простым и здравым. Этому ума им хватало на то, чтобы должным образом оценить людскую глупость и тщеславие, привить себе чувство собственного достоинства и научиться уважать его в ближнем. Я знавал женщин, наделенных примерно такими же свойствами; возвыситься до подобных представлений им помогла подлинная и вовремя пришедшая любовь. Из двух этих наблюдений

следует, что те, кто придает слишком большое значение людским глупостям и тщеславным затеям, представляют собой наихудшую разновидность человеческой породы.

* * *

Кто недостаточно остер умом, чтобы вовремя отшутиться, тот часто вынужден либо лгать, либо пускаться в скучнейшие рассуждения. Выбор не из приятных! Избежать его порядочному человеку обычно помогают обходительность и веселость.

* * *

Нередко в ранней молодости мы объявляем нелепым какое-нибудь ходячее мнение или обычай; однако с годами мы начинаем понимать их смысл и они представляются нам не столь уж нелепыми. Не следует ли из этого, что люди напрасно смеются над некоторыми условностями? Порою невольно думаешь, что установлены они были теми, кто прочел книгу жизни целиком, а вот судят о них люди пусть умные, но прочитавшие в этой книге всего несколько страниц.

* * *

Насколько можно судить, общественное мнение и светские приличия требуют, чтобы простой священник, скажем кюре, был не слишком нетерпим,

если он не склонен прослыть фанатиком, но все-таки хоть чуточку веровал в бога, если не желает прослыть лицемером. Генеральному викарию¹⁴ уже дозволено улыбнуться при кощунственной шутке, епископу — откровенно посмеяться, а кардиналу — вставить и свое словечко.

* * *

Нынешняя знать большей частью так же похожа на своих предков, как итальянский чичероне¹⁵ на Цицерона.¹⁶ Не помню уж, у кого из путешественников читал я о том, что некоторые африканские дикари верят в бессмертие души. Они не пытаются понять, что с ней происходит после смерти, а просто предполагают, что она бродит в зарослях вокруг селения, и несколько дней на заре ищут ее там, но, ничего не обнаружив, прекращают поиски и перестают о ней думать. Примерно так же поступили наши философы, и это самое разумное, что они могли сделать.

* * *

Порядочному человеку не подобает гнаться за всеобщим уважением; пусть оно придет к нему само собою и, так сказать, помимо его воли: тот, кто старается снискать уважение, сразу выдает свою подлинную натуру.

Как удачна библейская аллегория с деревом познания добра и зла, ¹⁷ таящим в себе смерть! Не следует ли толковать этот символ так: проникнув в суть вещей, человек теряет иллюзии, а это влечет за собой смерть души, то есть полное безразличие ко всему, что трогает и волнует других людей. В мире есть всего понемногу. Даже в свете, с его искусственными хитросплетениями, встречаются личности, умеющие противопоставить природу обществу, правду — предубеждению, действительность — условности. Умы и характеры такого склада пробуждают мысль в окружающих и действуют на них гораздо сильнее, чем мы обычно предполагаем. Бывают люди, которым нужно лишь показать, где истина, и они устремляются к ней с простодушным и трогательным изумлением: они дивятся, как это столь очевидная вещь (если, конечно, кто-то сумел убедить их, что она очевидна) не открылась им раньше.

В обществе принято считать глухого человека несчастным. Не внушено ли такое убеждение самомнением, которое нашептывает нам: «Ну, можно ли его не пожалеть? Ведь он не слышит, что мы говорим».

* * *

Мысль всегда утешает и от всего целит. Если порой она причиняет вам боль, требуйте у нес лекарства от этой боли, и она даст вам его.

* * *

Нельзя отрицать, что и новейшая история являет нам подчас подлинно могучие личности. Трудно понять, как удалось им сформироваться: современность — такое же подходящее для них место, как антресоль для кариатид!

* * *

Правильнее всего применять к нашему миру мерилу той жизненной философии, которая взирает на него с веселой насмешкой и снисходительным презрением.

* * *

Человек, утомленный славой, удивляет меня не больше, чем человек, который недоволен шумом у себя в передней.

* * *

Бывая в светском обществе, я постоянно видел,

как завсегдатаи его жертвуют покоем ради известности и уважением честных людей ради показного почета.

* * *

По мнению Дориласа, ¹⁸ лучшим доказательством существования бога является существование человека в наиболее полном, недвусмысленном, точном и, следовательно, несколько ограниченном значении этого слова — короче говоря, человека знатного. Он — прекраснейшее из всего, что создало провидение, вернее, единственное, что оно создало собственноручно. Но говорят и даже уверяют, будто на свете есть существа, в точности похожие на этот венец творения. Неужели? — удивляется Дорилас. Как! У них такие же лица? Такая же внешность? Ладно, он готов сделать даже такое допущение. Правда, раньше он начисто отрицал существование этих тварей — виноват, этих людей, раз уж их так именуют, но, убедившись, к великому своему изумлению, что многие из тех, кого он считает себя ровней, держатся иного взгляда на них, согласился признать, что подобные создания действительно живут на земле. На этот счет у него остаются теперь лишь невольные и вполне простительные сомнения, эдакая легкая неуверенность; он даже не спорит больше, разве что иногда отпустит высокомерное замечание, чуть-чуть нарушит приличия или выкажет презрительную снисходительность. Но как же все-таки быть с этими

непонятными существами? Как объяснить, почему они населяют наш мир? Как согласовать это с его теорией? В какой физической, метафизической или, если угодно, мифологической системе искать решение этой проблемы? Дорилас размышляет, взвешивает, силится понять: доводы его противников оказались настолько вескими, что с ними приходится считаться. Но Дорилас неглуп, начитан и непременно найдет ключ к загадке. Так и есть! Он найден, и Дорилас схватился за него - недаром он так радостно сверкает глазами. Т-с-с, послушаем! Персидская философия учит нас, что есть два начала¹⁹ — доброе и злое... Как! Вы все еще не поняли? Но это же так просто! Гений, талант, добродетель — все это изобретения злого начала, Аримана, дьявола, придуманные им для того, чтобы вытащить из безвестности на свет божий нескольких жалких, хотя и знаменитых плебеев-простолюдинов или, в лучшем случае, захудалых дворян.

* * *

Сколько заслуженных воинов, сколько генералов умерли, так и не сделав свое имя достоянием потомства, и до чего в этом смысле счастливее их Буцефал²⁰ или даже пес Бересильо, выдрессированный испанцами, чтобы травить индейцев на Сан-Доминго²¹ и получавший за это тройной солдатский оклад!

* * *

Как не пожелать, чтобы негодяй был ленивцем, а глупец — молчальником!

* * *

Вот наилучшее объяснение того, почему подлец, а подчас и дурак, чаще преуспевает в свете, нежели человек порядочный и умный: подлецам и дуракам легче подладиться к тону и повадкам высшего общества, где, как правило, царят лишь подлость и глупость, между тем как люди порядочные и здравомыслящие не сразу находят с ним общий язык, а потому теряют драгоценное время и остаются ни с чем. Первые — это купцы, говорящие на языке той страны, куда их занесло; поэтому они немедленно сбывают привезенные товары и запасаются местными. Вторые должны сперва выучить язык своих покупателей и поставщиков — лишь после этого они могут разложить товары и приступить к продаже. А если они, что случается довольно часто, не желают снизойти до изучения этого языка, им остается лишь уехать восвояси, так и не сделав почина.

* * *

Бывает благоразумие двух родов — общепринятое и другое, куда более возвышенное. Первое — это благоразумие крота; второе —

благоразумие орла, и состоит оно в том, что человек, наделенный им, смело следует своей натуре и, не ведая страха, принимает все сопряженные с этим невыгоды и неудобства.

* * *

Чтобы простить разуму все горести, которые он приносит большинству людей, достаточно только представить себе, чем стал бы человек, будь он его лишен. Разум — зло, но зло необходимое.

* * *

Бывают отлично одетые глупцы, бывают и принаряженные глупости.

* * *

Если бы сразу после смерти Авеля Адаму сказали, что через несколько веков на земле появятся такие места, где на нескольких квадратных лье скучится и поселится тысяч по семьсот-восемьсот человек, он никогда бы не поверил, что такое множество людей сумеет ужиться друг с другом, и, вероятно, предположил бы, что там будет еще больше злодейств и ужасов, нежели их творится на самом деле. Вот чем следует утешаться ври мысли о преступлениях, которыми чревато это невероятное скопление народа.

Непомерные притязания — вот источник наших горестей, и счастье в жизни мы познаем лишь тогда, когда он иссякает. Даже в те годы, когда красота уже блекнет, женщина все еще может быть привлекательной; однако пустые притязания делают ее несчастной или смешной. Но проходит еще лет десять, она окончательно превращается в безобразную старуху, и к ней приходят мир и покой. Достигнув возраста, когда уже нельзя рассчитывать на безусловный успех у женщин, мужчина то и дело ставит себя в двусмысленное, а порой и в унижительное положение. Но вот он перестал быть мужчиной, с неуверенностью покончено, и он вновь спокоен. Наша беда — в отсутствии у нас твердого и ясного представления о том, что мы такое; поэтому самое разумное — быть поскромнее, то есть по-настоящему быть самим собой. Положение французского герцога и пэра более выгодно, чем любого иностранного государя: тот вынужден вечно бороться с другими за первенство. Избери Шаплен²² тот удел, который указал ему Буало своим знаменитым полустигматом: «Пусть пишет только в прозе», он избежал бы многих огорчений и составил бы себе имя, отнюдь не вызывающее смех.

«Не стыдно ли тебе притязать на красноречие, к которому ты неспособен?», — увещевал Сенека²³ одного из своих сыновей, который, начав длинную речь, не справился даже со вступлением к ней. Тому, кто пытается следовать правилам, чересчур для него строгим, можно бросить такой же упрек: «Не стыдно ли тебе притязать на мудрость, которой у тебя нет?».

* * *

Светские люди в большинстве своем живут так легкомысленно и бездумно, что вовсе не знают того самого света, который постоянно у них перед глазами. «Они не знают его, шутил г-н де Б* по той же причине, по какой мотылек несведущ в естественной истории».

* * *

При мысли о Бэконе,²⁴ еще в начале шестнадцатого века указавшем человеческому разуму тот путь, каким должно следовать, чтобы заново отстроить храм науки, мы почти перестаем восхищаться его великими преемниками — Бойлем,²⁵ Локком²⁶ и др. Он как бы заранее раздает им земли, которые они призваны распахать или завоевать, я напоминаю Цезаря после битвы при Фарсале,²⁷ когда, став властелином мира, тот наделял царствами и провинциями своих приверженцев и любимцев.

* * *

Наш разум приносит нам подчас не меньше горя, чем наши страсти; в таких случаях о человеке можно сказать: «Вот больной, отравленный своим врачом».

* * *

Обычно нам бывает горько избывать иллюзии и страсти юности; однако случается и так, что человек с ненавистью вспоминает об их обманчивых чарах, уподобляясь Армиде,²⁸ предающей огню и разрушению свой волшебный дворец.

* * *

Как обыкновенные люди, так и врачи не умеют заглянуть внутрь нашего тела и распознать его недуги. И те, и другие незрячи, но врачи это слепцы из богадельни «Трехсот»:²⁹ они лучше знают город и увереннее пробираются по его улицам.

* * *

Хотите знать, как делают карьеру? Поглядите на то, что творится в партере театра³⁰ при большом скоплении публики: одни все время остаются на месте, других оттесняют назад, третьи проталкиваются вперед. Это сравнение настолько верно, что выражение, передающее его суть, вошло в язык народа: простолудин говорит не «сделать

карьеру», а «пробиться в люди» («мой сын, мой племянник пробьется в люди») Человек светский употребляет иные слова — «продвинуться», «выдвинуться», «занять подобающее место», но хотя эти смягченные обороты и освобождены от побочных представлений о насилии, неистовстве, грубости, суть дела отнюдь не меняется.

* * *

Физический мир кажется творением некоего могучего и благого существа, которому пришлось часть своего замысла препоручить другому. злонамеренному существу. Зато мир нравственный — тот уж, несомненно, плод забав самого настоящего и к тому же рехнувшегося дьявола.

* * *

Подкреплять общими словами утверждение, которое приобретает вес, только если его доказать, это все равно что объявить: «Имею честь уверить вас, что земля вращается вокруг солнца».

* * *

В серьезных делах люди выказывают себя такими, какими им подобает выглядеть; в мелочах — такими, какие они есть. Что такое философ? Это человек, который законам противопоставляет

природу, обычаям — разум, общепринятым взглядам — совесть, а предрассудкам — собственное мнение.

* * *

Дурак, которого вдруг осенила умная мысль, удивляет и озадачивает, как извозчичья кляча, несущаяся галопом.

* * *

Людей, которые ни к кому не подлаживаются, живут как им велит сердце, поступают согласно своим правилам и чувствам, — вот кого мне почти не доводилось встречать.

* * *

Стоит ли исправлять человека, чьи пороки невыносимы для общества? Не проще ли излечить от слабодушия тех, кто его терпит?

* * *

Три четверти безумств на поверку оказываются просто глупостями.

* * *

Молва царит в свете по той простой причине, что

глупость — царица дураков.

* * *

Нужно уметь делать те глупости, которых требует от нас Наша природа.

* * *

Почтительность без уважения — вот награда за чванство без заслуг.

* * *

Людей напрасно делят на значительных и ничтожных. Следует всегда держать в памяти слова кучера из «Жавельской мельницы»,³¹ который говорит куртизанкам: «Ни вам, ни нам друг без друга не обойтись».

* * *

Кто-то заметил, что провидение — христианское имя случая; святоша, пожалуй, сказал бы, что случай уличная кличка провидения.

* * *

Мало кто решается неуклонно и безбоязненно руководиться своим разумом и только его мерилom

мерить любое явление. Настало, однако, время, когда именно такое мерило следует применить ко всем нравственным, политическим и общественным вопросам, ко всем монархам, министрам, сановникам, философам, к основам наук, искусств и т.д. Кто неспособен на это, тот навсегда останется посредственностью.

* * *

Бывают люди, которые хотят первенствовать и возвышаться над остальными, чего бы это ни стоило. Им важно одно — быть всегда на виду, как ярмарочный зазывала на подмостках; они согласны взойти на что угодно — на сцену, на трон, на плаху, лишь бы приковать к себе все взгляды.

* * *

Собираясь толпой, люди как бы уменьшаются в размерах: они — милтоновы бесы,³² которые вынуждены превращаться в пигмеев, чтобы уместиться в Пандемониуме.

* * *

Чтобы не привлекать к себе взглядов и внимания, иной человек подавляет свою истинную натуру, а уж чтобы не попасть на перо, он и вовсе готов сойти на нет.

* * *

Стихийные бедствия и все превратности, которые претерпел род человеческий, вынудили людей создать общество. Общество умножило несчастья, на которые обрекла их природа. Несовершенство общества породило потребность в государстве, а государство усугубило пороки общества. Вот и вся история человечества.

* * *

Честолюбие воспламеняет низменные души гораздо легче, нежели возвышенные: омет соломы или хижина загораются быстрее, чем дворец.

* * *

Человек часто остается наедине с самим собой, и тогда он нуждается в добродетели; порою он находится в обществе других людей, и тогда он нуждается в добром имени.

* * *

Образ Тантала³³ почти всегда служит олицетворением алчности, хотя с таким же успехом мог бы олицетворять тщеславие, славолюбие — словом, почти все страсти.

* * *

Природа наделила человека одновременно и разумом, и страстями, надо думать, для того, чтобы с помощью последних он заглушал страдания, которые причиняет ему первый. После того как человек избывает свои страсти, природа оставляет ему всего несколько лет жизни и, видимо, руководится при этом жалостью: она не хочет обречь его на существование, поддерживаемое одним только разумом.

* * *

Любая страсть всегда все преувеличивает, иначе она не была бы страстью.

* * *

Философ, который силится подавить в себе страсти, подобен химику, который вздумал бы потушить огонь под своими ретортами. Разум — величайший дар природы: он не только поднимает нас над нашими страстями и слабостями, но и помогает с пользой распорядиться нашими достоинствами, талантами и добродетелями.

* * *

Почему люди так недалеки умом, так порабощены обычаем, что составляют завещание только в пользу родственников, или, наоборот, так боятся смерти, что вовсе не составляют его; короче говоря, почему они так глупы, что, умирая, чаще отказывают свое достояние тем, кто радуется их кончине, нежели тем, кто оплакивает их?

* * *

Природа устроила так, что питать иллюзии свойственно не только безумцам, но и мудрецам: в противном случае последние слишком сильно страдали бы от собственной мудрости.

* * *

Кто хоть раз видел, как обращаются в наших больницах с больными, тот поневоле начинает думать, что эти мрачные заведения созданы не для того, чтобы исцелять болящих, а для того, чтобы убрать их с глаз долой: зрелище чужих страданий помешало бы здоровым наслаждаться жизнью.

* * *

В наши дни каждого, кто любит природу, упрекают в излишней восторженности.

* * *

С точки зрения нравственной, главный недостаток трагедии в том, что она придает слишком большое значение жизни и смерти.

* * *

Наименее полезно прожит тот день, который мы провели, ни разу не засмеявшись.

* * *

В основе большинства безумств лежит глупость.

* * *

Люди извращают свою душу, совесть, разум точно так же, как портят себе желудок.

* * *

Выслушать чужую тайну — это все равно что принять вещь в заклад.

* * *

Подчас разум и сердце находятся в связи не более тесной, чем библиотека замка и личность ее владельца.

* * *

Все, что поэты, ораторы, даже философы говорят нам о славолюбии, мы уже слышали в школе от наставников, побуждавших нас добиваться первых мест и наград. Детям внушают, что они должны предпочесть сладкому пирожку похвалу няньки; взрослым доказывают, что им надлежит пожертвовать личной выгодой ради славословий современников или потомков.

* * *

Кто стремится стать философом, тот не должен пугаться первых печальных открытий на пути к познанию людей. Чтобы постичь человека до конца, нужно преодолеть ту неприязнь, которую он в нас вызывает: нельзя стать искусным анатомом, пока не научишься взирать без гадливости на человеческое тело и его органы.

* * *

Постигая зло, заложенное в природе, преисполняешься презрения к смерти; постигая пороки общества, научаешься презирать жизнь.

* * *

Цена людям подобна цене на алмазы: до

известной крупности, чистоты и блеска у них есть точная, раз навсегда известная стоимость; за этим пределом установить ее уже невозможно, и покупателей на них не находится.

* * *

Глава 2

ОБЩИЕ РАССУЖДЕНИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Во Франции все как один кажутся остряками, и объяснить это нетрудно: жизнь у нас полна противоречий, а чтобы заметить и сопоставить два противоречивых явления, не надо особой наблюдательности. Сами собой получаются такие контрасты, что стоит человеку обратить на них внимание, как его уже начинают считать необыкновенно остроумным. Сейчас, что ни расскажи, все выгладит забавной выдумкой, любой вестовщик кажется шутником; зато потомкам бытописатель наших дней покажется сатириком.

* * *

Свет не верит в подлинность иных добродетелей и чувств: как правило, он поднимается лишь до весьма низменных понятий. Если взять любого человека в отдельности, он никогда не будет столь достоин презрения, как какая-нибудь корпорация; но

ни одна корпорация не будет столь достойна презрения, как общество в целом.

* * *

Бывают времена, когда нет мнения зловернее, чем общественное мнение.

* * *

Надежда — это просто-напросто обманщица, которая только и знает что водить нас за нос. Должен сказать, что, лишь утратив ее, я обрел счастье. Я с радостью написал бы на райских вратах стих, который Данте начертал на вратах ада:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.³⁴
(«Входящие, оставьте упования» (итал.). Пер. М. Лозинского.)

* * *

Человек бедный, но независимый состоит на побегушках только у собственной нужды; человек богатый, но зависимый — на побегушках у другого человека, а то и у нескольких сразу.

* * *

Честолюбец, не достигший своей цели и погруженный в отчаянье, приводит мне на ум Иксиона,

³⁵ прикованного к вращающемуся колесу за то, что он обнял облако.

* * *

Между злобным остряком и благородным, доброжелательным остроумцем та же разница, что между наемным убийцей и светским человеком, хорошо владеющим шпагой. Так ли уж важно, чтобы люди думали, будто у вас меньше слабостей, чем у других, и поэтому меньше о вас злословили? Хоть одна-то слабость у вас всегда есть, и все о ней знают. Чтобы заткнуть молве рот, надо быть Ахиллесом без пяты, ³⁶ а как раз это и невозможно.

* * *

Таково жалкое положение человека, что у общества он ищет утешения в тех бедах, виною которым природа, а у природы — в тех, виною которым общество. Сколько людей ни тут, ни там не нашло облегчения своим печалям!

* * *

Придумайте глупейшее и несправедливейшее имущественное притязание, которое с презрением отвергло бы за бездоказательностью судилище людей порядочных, и сделайте его предметом разбирательства в обычном суде. Не пытайтесь

угадать, каково будет решение: каждую тяжбу можно и выиграть, и проиграть. Так же обстоит дело с любым бессмысленным утверждением, любым предрассудком: поставьте его на обсуждение в какой-нибудь корпорации или собрании, и может случиться, что оно встретит почти единодушное одобрение.

* * *

Всеми признано, что наш век поставил каждое слово на его место, что, отринув схоластические, диалектические и метафизические ухищрения, он вернулся к простоте и правде в вопросах естественной истории, нравственности и политики. Ограничимся областью нравственности и возьмем, к примеру, слово «честь», в котором, как все мы чувствуем, заключено немало сложных, метафизических представлений. Наш век уразумел, до чего это неудобно, и, чтобы достичь простоты, чтобы пресечь злоупотребление словами, решил считать безусловно честным человеком всякого, кто не был наказан правосудием. Некогда слово «честь» было источником недоразумений и споров; теперь оно ясней ясного. Надо только узнать — ставили человека к позорному столбу или нет, а ведь это обстоятельство простое, очевидное, его легко проверить, справившись в судебных реестрах. Такой-то у позорного столба не стоял — значит, он человек чести и может претендовать на что угодно, скажем, на государственную должность и т.д., может состоять

членом любой корпорации, академии, парламента. Всякому понятно, как много ссор и споров предотвращено такой точностью и ясностью и насколько проще и удобнее стало поэтому жить!

* * *

Славолюбие — добродетель? Странная добродетель, которая прибегает к помощи всех пороков, которую подстегивают гордость, честолюбие, зависть, тщеславие, порою даже скупостью. Стал бы разве Тит Титом,³⁷ будь у него в министрах Сеян, Нарцисс и Тигеллин?³⁸

* * *

Слава нередко подвергает порядочных людей тем же испытаниям, что и богатство, то есть сперва заставляет их совершить или стерпеть недостойные поступки и лишь потом подпускает к себе. Человек, несокрушимый в добродетели, равно отвергает и славу, и богатство, обрекая себя безвестности или нужде, а иногда тому и другому.

* * *

Даже когда человек равно удален и от нас, и от наших врагов, нам кажется, что к ним он ближе. Таково уж действие оптических законов: ведь и струя фонтана бьет, на наш взгляд, ближе к тому краю

бассейна, который дальше от нас.

* * *

Общественное мнение — это судебная инстанция такого рода, что порядочному человеку не подобает ни слепо верить его приговорам, ни бесповоротно их отвергать.

* * *

«Суетный» первоначально означало «пустой»;³⁹ таким образом, суетность — свойство столь презренное, что никакого более уничижительного слова для нее не придумаешь. Она сама выдает себя за то, чем является в действительности.

* * *

Умение нравиться обычно считают отличным способом преуспеть, однако умением скучать можно добиться еще большего успеха: к нему, в общем, и сводится искусство преуспевать, равно как кружить головы женщинам.

* * *

В складе ума или души человека с могучим характером почти всегда есть некая романическая черта. Рядом с ним тот, кто лишен этой черты, будь

он трижды умен и порядочен, все равно что художник искусный в своем ремесле, но не стремящийся к идеалу прекрасного, рядом с художником гениальным, который с этим идеалом сроднился.

* * *

Добродетели иных людей сверкают в частной жизни ярче, нежели они сверкали бы на поприще общественных добродетелей. Оправа лишила бы их блеска. Чем прекраснее бриллиант, тем она должна быть незаметней, ибо чем она богаче, тем меньше бросается в глаза сам камень.

* * *

Кто не хочет быть фигляром, пусть избегает подмостков: взобравшись на них не фиглярствовать уже нельзя, иначе публика забросает вас камнями.

* * *

Мало на свете пороков, которые больше мешают человеку обрести многочисленных друзей, чем слишком большие достоинства.

* * *

Иной раз довольно не примириться с высокомерием и чванством, чтобы обратить их в

ничто; порой их довольно не заметить, чтобы они стали безвредны.

* * *

Лишь тот, кто глубоко изучил нравы, умеет распознать все приметы, отличающие гордость от тщеславия. Первая высоко держит голову, невозмутима, отважна, спокойна, непреклонна; второе — низменно, неуверенно в себе, трусливо, суетливо и переменчиво. Гордость как бы прибавляет людям росту, тщеславие лишь раздувает их. Первая — источник многих добродетелей, второе — почти всех пороков и дурных дел. Иногда гордость заключает в себе все заповеди господни; в тщеславии кроется подчас семь смертных грехов.

* * *

Жизнь — это болезнь, которую каждые шестнадцать часов облегчают сном, но он — мера временная, настоящее же лекарство односмерть.

* * *

Природа пользуется для своих целей людьми словно инструментами, нисколько о них не заботясь; почти так же действуют и тираны: они отделяются от тех, кто им больше не нужен.

* * *

Чтобы жизнь не казалась невыносимой, надо приучить себя к двум вещам: к ранам, которые наносит время, и к несправедливостям, которые чинят люди.

* * *

Я не мыслю себе мудрости без недоверия: в священном писании сказано, что источник мудрости — в страхе божием, а я вижу его в человекобоязни.

* * *

Как перемежающаяся лихорадка спасает людей от чумной заразы, так и некоторые недостатки помогают им избежать иных прилипчивых пороков.

* * *

Беда страстей не в том, что они причиняют страдания, а в том, что они толкают на проступки, на гнусности, унижительные для человеческого достоинства. Если бы не это досадное свойство, они имели бы слишком большие преимущества над холодным рассудком, который отнюдь не приносит счастья. Подчиняться страстям — значит жить, следовать благоразумию — значит только длить существование.

* * *

Кто не обладает возвышенной душой, тот неспособен на доброту: ему доступно только добродушие.

* * *

Было бы очень хорошо, если бы люди умели совмещать в себе такие противоположные свойства, как любовь к добродетели и равнодушие к общественному мнению, рвение к труду и равнодушие к славе, заботу о своем здоровье и равнодушие к жизни!

* * *

Не тот печется о благе больного водянкой, кто дарит ему бочку вина, а тот, кто излечивает от жажды; примените это к богачам.

* * *

И дурные люди совершают иногда хорошие поступки: они словно хотят проверить, впрямь ли это так приятно, как утверждают люди порядочные.

* * *

Доживи Диоген⁴⁰ до наших дней, ему пришлось бы сменить свой фонарь на потайной.

* * *

Скажем прямо: счастливо живет в свете только тот, кто полностью умертвил некоторые стороны своей души.

* * *

Богатство со всеми его пышными декорациями превращает жизнь в некий спектакль, и как бы ни был порядочен человек, живущий среди этих декораций, он в конце концов невольно становится комедиантом.

* * *

В природе каждое явление — запутанный клубок, в обществе каждый человек — камешек в мозаичном узоре. И в мире физическом, и в мире духовном все переплетено, нет ничего беспримесного, ничего обособленного.

* * *

Если бы жестокие истины, горестные открытия, изнанка жизни общества — словом, все, что составляет опыт сорокалетнего светского человека, стали известны тому же человеку в двадцать лет, он

или впал бы в отчаянье, или намеренно предался бы пороку. Однако существуют люди возвышенного разума, пусть немногочисленные, которые, достигнув зрелого возраста, все узнали, все постигли и тем не менее отнюдь не развращены и не слишком несчастны. Благоразумие прокладывает их добродетели путь сквозь всеобщую развращенность, а сильный характер в соединении с широким и просвещенным умом возносит их над скорбью, внушаемой людской порочностью.

* * *

Хотите узнать, до какой степени искажает природу человека положение, занимаемое им в обществе? Понаблюдайте за людьми после того, как они уже много лет пользовались этим положением, то есть в старости. Хорошенько взгляните в старого царедворца, судью, чиновника, лекаря и т.д.

* * *

Человек без твердых правил почти всегда лишен и характера: будь у него характер, он почувствовал бы, как необходимы ему правила.

* * *

Можно побиться об заклад, что любое ходячее мнение, любая общепризнанная условность глупы: в

противном случае они не были бы общепризнаны.

* * *

Признание ценнее известности, уважение ценнее репутации, честь Ценим славы.

* * *

Нередко все душевные силы человека проявляются только под напором тщеславия. Прикрепите к стали дерево — получится копье; прикрепите к дереву два пера получится стрела.

* * *

Слабовольные люди — это легкая кавалерия армии дурных людей? Они приносят больше вреда, чем сама армия, потому что все разоряют и опустошают.

* * *

Иные вещи легче возвести в закон, чем узаконить в общественном мнении.

* * *

Известность — удовольствие быть знакомым тем, кто с тобой незнаком.

* * *

Мы с радостью готовы разделить приязнь наших друзей к тому, «то сам по себе нам безразличен, но редко когда сочувствуем даже самой справедливой ненависти.

* * *

Такого-то люди боялись из-за его талантов и ненавидели за добродетели. Они успокоились, только до конца поняв, что он за человек. Но сколько времени понадобилось, чтобы оценить его по справедливости!

* * *

Ни в своей физической жизни, ни в жизни общественной человек не должен притязать на то, на что он неспособен.

* * *

Глупость не была бы подлинной глупостью, если бы не боялась ума. Порок не был бы подлинным пороком, если бы не питал ненависти к добродетели.

* * *

Неверно утверждение (высказанное Руссо⁴¹

вслед за Плутархом), ⁴² будто чем больше человек думает, тем меньше чувствует. Верно другое: чем больше он рассуждает, тем меньше любит. На свете мало людей, которых можно было бы назвать исключением из этого правила.

* * *

Люди, которые в любых вопросах ссылаются на общественное мнение, напоминают актеров, играющих плохо потому, что у публики дурной вкус, а им хочется сорвать аплодисменты; между тем иные из них могли бы играть хорошо, будь у публики вкус поутонченней. Порядочный человек старается играть свою роль как можно лучше, не думая при этом о галерке.

* * *

Стойкость характера порою приносит человеку такие радости, которые превыше всех благ судьбы. Пренебречь золотом — это все равно что свергнуть короля с трона: очень острое ощущение!

* * *

Иной раз терпимость доходит до такого предела, что ее скорее на зовешь глупостью, нежели добротой или великодушием. г-н де Ш* так терпим, что мне он просто смешон и напоминает арлекина, который

твердит: «Ты дал мне затрещину? Ну что ж, а я все еще не рассердился!». У человека должно хватать ума на то, чтобы ненавидеть своих врагов.

* * *

Робинзон, лишенный всего на своем необитаемом острове и вынужденный самым тяжким трудом добывать себе хлеб насущный, тем не менее стойко переносил эту жизнь и даже, по собственному признанию, испытал несколько счастливых минут. Теперь представьте, что он очутился на волшебном острове, где мог бы, ни о чем не хлопоча, вести беззаботную жизнь; вполне вероятно, что праздность сделала бы его существование невыносимым.

* * *

Убеждения людей похожи на карты и прочие игры. Иные из них еще на моей памяти считались опасными и слишком дерзкими, а теперь они общепризнаны, почти тривиальны и распространены даже среди людей, мало их достойных. Точно так же убеждения, которые ныне мы именуем смелыми, нашим потомкам покажутся робкими и заурядными.

* * *

Читая книги, я не раз отмечал, что первым движением тех, кто совершил какой-нибудь подвиг,

отдался благородному порыву, спас обездоленных, на многое отважился и многого добился для всего общества или для отдельных людей, повторяю, я не раз отмечал, что первым их движением было отказаться от предложенной награды. Чувством этим были движимы люди самые неимущие, из самых низших слоев общества. Что же это за нравственный инстинкт, который даже невежественному человеку подсказывает, что награда за добрые деяния заключена в сердце того, кто их совершил? Нам кажется, что, когда нам платят за благородный поступок, его у нас отнимают.

* * *

В основе добродетельных поступков и готовности жертвовать своим интересами и самим собою лежат потребность благородной души, самолюбие великодушного сердца и, в какой-то степени, эгоизм сильной натуры.

* * *

Братья столь редко живут в согласии между собой, что до нас дошло только одно предание о двух братьях-друзьях, ⁴³ да и то оно гласит, будто они никогда не встречались, ибо в то время как один из них жил на земле, другой пребывал в Елисейских полях; таким образом, у них не было повода для раздоров и ссор.

* * *

Людей безрассудных больше, чем мудрецов, и даже в мудреце больше. безрассудства, чем мудрости.

* * *

Прописные истины — это в повседневной жизни то же, что приемы и навыки в искусстве.

* * *

Убеждение — это совесть разума.

* * *

Человек бывает счастлив или несчастлив по тысяче причин, которые никому неизвестны, о которых он не говорит и о которых нельзя сказать.. Наслаждение может питаться иллюзией, но счастье всегда зиждется на истине, ибо только такое счастье способно удовлетворить человеческую природу. Человек, воображающий себя счастливым, подобен тому, кто поместил свои деньги в ненадежные бумаги, а человек подлинно счастливый — тому, чье богатство — земля и другие прочные ценности.

* * *

В светском обществе мало такого, что могло бы принести отдохновение — уму и сердцу порядочного человека.

* * *

Когда при мне утверждают, что человек тем счастливее, чем меньше — способен чувствовать, я вспоминаю индийскую поговорку: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, а еще лучше быть мертвым».

* * *

Ловкость в сравнении с хитростью то же самое, что проворство рук в сравнении с шулерством.

* * *

Упрямство имеет примерно такое же отношение к силе воли, как любострастно к любви.

* * *

Любовь — милое безумие; честолюбие — опасная глупость.

* * *

Предрассудки, тщеславие, расчет — вот что правит миром. У человека, который в своем поведении соотнобразуется лишь с разумом, истиной, чувством, мало точек соприкосновения с обществом. Счастье он почти, всегда ищет и находит в себе самом.

* * *

Сперва нужно быть справедливым, а уже потом великодушным: сперва нужно обзавестись рубашками, а уже потом кружевами. Голландцы не знают сострадания к должникам: по их мнению, всякий человек, обремененный долгами, живет за счет своих сограждан, если он беден, и своих наследников, если богат.

* * *

Судьба нередко похожа на богатую мотовку, разоряющую то самое семейство, куда она принесла изрядное приданое.

* * *

Изменения моды — это налог, которым изобретательность бедняков — облагает тщеславие богачей.

* * *

Для ничтожных людишек корысть — самое сильное искушение, для людей достойных — самое слабое; от человека, презирающего деньги, еще очень далеко до человека истинно порядочного.

* * *

Богаче всех человек бережливый, беднее всех скряга.

* * *

Порою два человека сближаются и становятся неразлучны только потому, что в их характерах есть черты кажущегося сходства. Постепенно заблуждение рассеивается, и эти люди с удивлением обнаруживают, что они бесконечно далеки друг от друга и все точки их соприкосновения превратились в точки отталкивания.

* * *

Разве не забавно размышлять о том, что иные из великих людей стяжали славу, всю жизнь сражаясь с самыми жалкими предрассудками и нелепостями, которые, казалось бы, и в голову-то никому не могут прийти? Бейль, ⁴⁴ например, прославился тем, что показал бессмысленность философских и схоластических ухищрений, над которыми посмеялся

бы любой крестьянин из Гатине, ⁴⁵ где все здравым смыслом; Локк — тем, что объяснил, как нехорошо возражать, не понимая, на что возражаешь, и, ничего не понимая, считать, будто понимаешь; еще несколько философов — сочинением толстенных книг, направленных против таких суеверий, от которых с презрением отмахнулся бы дикарь из Канады; Монтескье⁴⁶ и два-три автора до него — намеком на то, что не подданные существуют для правителей, а правители для подданных (при этом они ни словом не обмолвились о множестве гнусных предрассудков). Если мечта философов, верящих, что общество можно улучшить, исполнится, что скажут наши потомки, читая о том, какие огромные усилия потребовались для достижения столь простых и само собой разумеющихся результатов?

* * *

Человек разумный и в то же время порядочный должен быть не только чист перед своей совестью, но, из уважения к себе, еще и предусмотрителен, чтобы заранее разгадать и отвратить клевету.

* * *

Роль предусмотрительного человека весьма печальна: он огорчает друзей, предсказывая им беды, которые они навлекают на себя своей неосторожностью; ему не верят, а когда беда все-таки

приходит, эти же у самые друзья злятся на него за то, что он ее предсказал. Их самолюбие потупляет глаза перед человеком, который должен быть их утешителем и к которому они сами прибегли бы, если бы в его присутствии не чувствовали себя униженными.

* * *

Тот, кто хочет, чтобы его счастье целиком зависело от разума, кто слишком пристально вглядывается в это счастье, подвергая его, так сказать, допросу с пристрастием, кто согласен лишь на самые высокие радости, тот в конце концов совсем их лишается. Он подобен человеку, который так рьяно взбивал пух в перине, что от нее ничего не осталось и он принужден спать на досках.

* * *

Время притупляет в нас способность к наслаждениям абсолютным, как выражаются метафизики, но, пожалуй, преподносит нам больше наслаждений относительных; с помощью этой уловки природа, надо полагать, привязывает людей к жизни даже после того, как все, что особенно красило ее, все наслаждения стали для них недоступны.

* * *

После того как человека вволю истерзает и утомит собственная его чувствительность, он приходит к убеждению, что надо многое забыть, надо жить сегодняшним днем, одним словом, каплю за каплей впитывать утекающую жизнь.

* * *

Из всех разновидностей лицемерия самая пристойная — это ложная скромность.

* * *

Нам говорят, что мы должны, не жалея стараний, каждодневно избавляться от какой-нибудь своей потребности. Это верно. И всего настоятельнее следует уничтожать в себе потребности, порожденные самолюбием: они особенно тиранят нас и потому с ними надо бороться особенно упорно.

* * *

Нередко приходится видеть, как люди слабодушные, которым довелось провести много времени в обществе людей более крепкого закала, селятся возвыситься над собственным своим характером. Притязания эти так же смешны, как потуги дурака на остроумие.

* * *

Добродетель, как и здоровье, нельзя назвать высшим благом. Она не столько благо, сколько его местонахождение. Утверждать, что добродетель непременно приносит счастье, тоже нельзя; с уверенностью можно сказать лишь, что порок влечет за собой несчастье. Стремиться к добродетели нужно главным образом потому, что она — полная противоположность пороку.

Глава 3

О ВЫСШЕМ ОБЩЕСТВЕ. ВЕЛЬМОЖАХ, БОГАЧАХ И СВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

Жизнь по книгам не узнаешь — об этом уже не раз говорили; умалчивали лишь об одном — о причине этого. Она же такова: знание жизни складывается из множества разрозненных наблюдений, но самолюбие не позволяет нам делиться ими с кем бы то ни было, даже с лучшим другом, — мы боимся, как бы нас не сочли людьми, чье внимание поглощено одними лишь мелочами, хотя мелочи эти очень важны для успеха в больших делах.

* * *

Просматривая мемуары и другие литературные памятники времен Людовика XIV, мы убеждаемся, что

В ту пору компании самого дурного тона было присуще нечто такое, чего не хватает лучшему обществу наших дней. Когда общество не скреплено разумом, не оживлено чувством, когда в нем нет неподдельной благожелательности и обмена достойными мыслями, что видит в нем большинство его сочленов? То ярмарку, то игорный притон, то постоянный двор, то лес, то разбойничий — вертеп, то публичный дом.

* * *

Мы можем представить себе светское общество в виде здания, состоящего из ниш и каморок ббльших или меньших размеров. Эти ниши и каморки соответствуют разным местам в обществе с их прерогативами, правами и т.д. Места постоянны, а люди, занимающие их, приходят и уходят. Люди то велики ростом, то малы, но никогда или почти никогда не соответствуют своему месту. Вот скорчившийся исполин, сидящий в клетушке на корточках, а вон карлик, затерянный под аркадой; словом, ниши и статуи редко подходят друг к другу. Вокруг здания теснится толпа. Это все люди разного роста, и каждый из них ждет, когда же для него освободится хоть какая-нибудь каморка. В надежде получить ее они наперебой выхваляют свое происхождение и связи: кто попытался бы объяснить свои притязания тем, что место должно соответствовать человеку, как футляр инструменту, того немедленно освистали бы. Даже соперники не решаются попрекнуть друг друга

подобным несоответствием.

* * *

Избыв свои страсти, люди уже не в силах жить в обществе: с ним можно мириться лишь в том возрасте, когда источником наслаждения для нас служит желудок, а средством убить время — собственная персона. Чиновники и судейские знают двор и то, чем он живет в данную минуту, примерно так же, как знает свет школьник, который получил отпускной билет и разок пообедал вне стен коллежа.

* * *

Все, что говорится в гостиных, в салонах, на званых ужинах, в собраниях и в книгах, даже в тех, цель которых — рассказать нам об обществе — все это ложь или, в лучшем случае, полуправда. Про такие разговоры уместно сказать по-итальянски «*per la predica*» или по-латыни ((Для красного словца» (итал.)) «*ad populum pllaleras*» («Краснобайство для публики»(лат.)). По-настоящему же правдиво только то, что, не лукавя, говорит у камелька другу порядочный человек, многое повидавший и многое уразумевший. Такие беседы порою давали мне больше, чем книги и обычная светская болтовня: они быстрее выводили меня на верную дорогу и учили глубже мыслить.

Все мы не раз замечали, как сильно действует на душу несходство наших представлений о предмете с самим этим предметом; но особенно наглядно убеждаешься в этом, когда такое несходство обнаруживается неожиданно и мгновенно. Представьте себе, что вы гуляете вечером по бульвару и видите прелестный сад, в глубине которого стоит со вкусом освещенная беседка. Вы замечаете группы хорошеньких женщин, боскеты; из глубины аллеи к вам доносится смех. Прелестницы так стройны, что вам кажется — это нимфы, и т.д. Вы осведомляетесь, кто вон та дама; вам отвечают: «Госпожа де Б* хозяйка дома...». К несчастью, вы с ней знакомы. Чары рассеялись. Вы встречаете барона де Бретейля.⁴⁷ Он принимается рассказывать о своих любовных похождениях, невзыскательных интрижках и пр., а в заключение показывает вам портрет королевы⁴⁸ в оправе, имеющей вид усыпанной бриллиантами розы.

Глупец, чванящийся орденой лентой, стоит в моих глазах ниже того чудака, который, предаваясь утехам, заставлял своих любовниц втыкать ему в зад павлиньи перья. Второй, по крайней мере, испытывал наслаждение. Но первый!.. Барон де Бретейль куда ничтожнее Пейсото.⁴⁹

* * *

Пример Бретейля доказывает, что можно таскать в карманах полтора десятка усыпанных бриллиантами монарших портретов и при этом оставаться дураком.

* * *

Глуп, глуп... А не слишком ли вы щедры на это слово? Не слишком ли строги? В чем, собственно, глупость этого человека? Он действительно считает свою должность приложением к своей персоне, а вес и влияние в свете — наградою за свои таланты и добродетели. Но разве остальные чем-нибудь отличаются от него? Из-за чего же тогда весь шум?

* * *

Даже лишившись должности — будь то портфель министра или место старшего письмоводителя, глупец сохраняет всю свою спесь и нелепое чванство.

* * *

Умный человек всегда может привести тысячи примеров глупости и низкой угодливости, очевидцем которых он был и которые то и дело повторяются на наших глазах. Эти пороки столь же древни, как

монархия, что убедительно доказывает их неистребимость. Из множества слышанных мною рассказов я заключаю, что если бы обезьяны, как попугаи, умели говорить, их охотно назначали бы министрами.

* * *

Нет ничего труднее, чем вывести из употребления предвзятое суждение или общепринятый оборот речи. Людовик XV несколько раз объявлял частичное банкротство; тем не менее мы продолжаем клясться «словом дворянина». Не отучит нас от этой привычки и скандал с г-ном де Гемене.⁵⁰

* * *

Стоит светским людям собраться где-нибудь в толпу, как они уже мнят, что находятся в обществе.

* * *

Я видел людей, которые поступались совестью, чтобы угодить человеку в адвокатском мантии или судейской шапочке, Стоит ли после этого возмущаться теми, кто торгует ею ради самой мантии или шапочки? И первые и вторые одинаково подлы, но первые, сверх того, еще и глупы.

* * *

Люди делятся на две части: у одной, меньшей, есть обед, но нет аппетита; у другой, большей, отличный аппетит, но нет обеда.

* * *

Мы кормим обедами ценою в десять-двадцать луидоров таких людей, ни одному из которых не дадим даже экю, если бы это понадобилось ему, чтобы переварить наши роскошные яства.

* * *

Вот превосходное правило, которым следует руководиться в искусстве насмешки и шутки: осмеивать и вышучивать нужно так, чтобы осмеянный не мог рассердиться; в противном случае считайте, что шутка не удалась.

* * *

М* сказал как-то, что главная моя беда — неумение примириться с засильем глупцов. Он был прав: я убедился, что, вступая в свет, глупец с самого начала обладает существенным преимуществом передо мной он оказывается там среди себе подобных, совсем как брат Лурди⁵¹ во дворце Глупости:

И всем он так доволен в зданье том,
Что мнит себя в монастыре родном.

* * *

Когда мы видим, как плутуют маленькие люди и разбойничают сановные особы, нас так и подмывает сравнить общество с лесом, который кишит грабителями, причем самые опасные из них — это стражники, облеченные правом ловить остальных.

* * *

Светские люди и царедворцы определяют стоимость человека или поступка по некоему ценнику условностей, а потом изумляются, что попали впросак. Они похожи на математиков, которые сначала придали бы переменным величинам задачи произвольные значения, а потом, подставив на их место значения истинные, удивлялись бы, почему в итоге у них получается несуразица.

* * *

Порою мне кажется, что те, из кого состоит светское общество, втайне знают истинную себе цену. Я не раз замечал, что они уважают людей, которые нисколько с этим обществом не считаются. Нередко, чтобы стяжать уважение света, нужно лишь глубоко

презирать его, и притом презирать откровенно, искренне, прямодушно, без притворства и бахвальства.

* * *

Свет настолько достоин презрения, что немногие честные люди, которых можно в нем встретить, уважают тех, кто его презирает, и уважают именно за это. Дружба придворных, прямодушные лисиц, общество волков.

* * *

Я советовал бы всякому, кто добивается милостей от министра, обращаться к нему с видом скорее печальным, чем радостным: люди не любят тех, кто счастливее их.

* * *

В обществе, особенно в избранном, все искусственно, все рассчитано и взвешено, даже самые располагающие к себе непритязательность и простота. Это правда — жестокая, но бесспорная. Я знавал людей, у которых непринужденный, казалось бы, порыв оказывался на самом деле лишь ловким ходом, обдуманым, правда, молниеносно, но тем не менее очень тонко. Встречал я и таких, что соединяли самую трезвую расчетливость с напускным

простодушием, легкомыслием и беззаботностью — точь-в-точь кокетка в неглиже столь искусном, что оно кажется совершенно безыскусным. Все это досадно, но, как правило, необходимо: горе человеку, обнаружившему свои слабости и пристрастия даже перед самыми близкими людьми¹ Я не раз наблюдал, как, случайно проникнув в нашу тайну, друзья ранят потом наше самолюбие. Не допускаю даже мысли, что в нынешнем обществе (я имею в виду общество высшее) хотя бы один человек решился раскрыть лучшему другу глубины своей души, свой истинный характер и, в особенности, свои слабости. Повторяю еще раз: в обществе нужно лгать, и притом настолько тонко, чтобы вас не заподозрили во лжи и не начали презирать, как дрянного фигляра, затесавшегося в труппу отличных актеров.

* * *

Человек, обласканный государем и после этого восплававший любовью к нему, напоминает мне ребенка, который, поглядев на величавую процессию, мечтает сделаться священником, а побывав на параде, решает стать солдатом.

* * *

Фавориты и сановники стремятся подчас окружать себя выдающимися личностями, но предварительно так унижают их, что отталкивают от

себя всякого, кто не вовсе лишен стыда. Я знавал людей, которые рады были бы стать угодниками любого министра или фаворита; однако обращение, которому они подвергались, приводило их в такое негодование, что и человек, наделенный самыми совершенными добродетелями, не мог бы возмущаться сильнее. Некто говаривал мне: «Вельможам хочется, чтобы мы позволили попирать себя не за благодеяния, а за надежду на них; они пытаются купить нас не за наличные, а за лотерейный билет. Я знаю плутов, которых они по видимости не третируют и которым, несмотря на это, удалось вытянуть из них не больше, чем честнейшим людям на свете». Какие бы деяния и подвиги ни совершил человек, какие бы подлинные и величайшие услуги он ни оказал стране или даже двору, они остаются лишь «блестящими грехами», как выражаются богословы,⁵² если этот человек не пользуется благоволением высших кругов.

* * *

Мы и не представляем себе, сколько нужно ума, чтобы не казаться смешным !

* * *

Люди, проводящие много времени в свете, на мой взгляд, неспособны глубоко чувствовать: я не вижу там почти ничего, что могло бы трогать душу, если

не считать зрелища всеобщего равнодушия, легкомыслия и тщеславия, которое лишь ожесточает ее.

* * *

Если монарх и забывает о нелепом этикете, то всегда ради потаскушки или шута, а не человека истинно достойного. Если женщина и обнаруживает свое чувство, то всегда ради какого-нибудь ничтожества, а не человека порядочного. Если уж мы сбрасываем с себя оковы общественного мнения, то чаще всего не затем, чтобы подняться над ним, а затем, чтобы себя уронить.

* * *

В наши дни люди уже не совершают иных промахов или совершают их гораздо реже. Мы стали настолько утонченны, что даже подлец — если он следует рассудку, а не зову своей природы и дает себе труд хоть немного поразмыслить — воздерживается от известных низостей, которые в старину могли бы оказаться отнюдь не бесполезны. Я наблюдал, как независимо, пристойно, без всякого раболепства и т.д. держатся подчас при государе или министре весьма бесчестные люди. Этим они вводят в заблуждение юношей и новичков, то ли не знающих, то ли забывающих о том, что человека следует судить по всей совокупности его правил и поступков.

* * *

Когда видишь, как настойчиво ревнители существующего порядка изгоняют достойных людей с любой должности, на которой те могли бы принести пользу обществу, когда присматриваешься к союзу, заключенному глупцами против всех, кто умен, поневоле начинает казаться, что это лакеи вступили в сговор с целью устранить господ.

* * *

Кого встречает молодой человек, вступая в свет? Людей, которые уверяют, что жаждут взять его под свое покровительство, почтить своим вниманием, руководить им, стать его советчиками. (О тех, кто стремится повредить ему, обмануть его. устремить. погубить, я просто умалчиваю). Если душа у него возвышенная и он ищет покровительства лишь у своей добродетели, не нуждается ни в почестях, ни в чьем бы то ни было внимании, руководится собственными правилами, а советов просит только у своего разума, сообразуясь при этом со своей натурой и положением, ибо знает себя лучше, чем его знают другие, свет объявляет его чудачком, оригиналом, дикарем. Если же это человек недалекого ума, заурядного характера, нетвердых правил, если он не замечает, что им руководят и ему покровительствуют, если он орудие в руках тех, кто им вертит, свет

находит его очаровательным и, как говорится, добрым малым.

* * *

Общество, вернее, так называемый свет, это не что иное, как арена борьбы множества мелких и противоречивых интересов, вечной схватки тщеславных притязаний, которые сталкиваются, вступают в бой, ранят и унижают друг друга, расплачиваясь за вчерашнюю победу горечью сегодняшнего поражения. Про того же, кто предпочитает жить уединенно и держаться подальше от этой омерзительной свалки, где человека, только что приковавшего к себе все взоры, через секунду уже топчут ногами, про того говорят, что он ничтожество, что он не живет, а прозябает. Бедное человечество!

* * *

Глубокое равнодушие, с которым люди относятся к добродетели, кажется мне гораздо более странным и возмутительным, чем порок. Чаще всего таким гнусным равнодушием грешат те, кого людская низость угодливо именуется высокими особами, вельможи, сановники. Не объясняется ли оно у них смутным, утаенным от самих себя сознанием того, что человека добродетельного нельзя превратить в орудие интриги? Вот они и пренебрегают им, считая,

что в стране, где без интриг, фальши и хитрости ничего не добьешься, от него нет пользы ни им, ни кому бы то ни было.

* * *

Что повсеместно видим мы в свете? Искреннее и ребячливое преклонение перед нелепыми условностями, перед глупостью (глупцы приветствуют свою царицу!) или вынужденную мягкость по отношению к ней (умные люди боятся своего тирана!).

* * *

Нелепое тщеславие побуждает буржуа делать из своих дочерей навоз для земель знати.

* * *

Предположим, что десятка два людей, притом даже порядочных, знают и уважают человека признанного таланта, например Дориласа. Допустим, они собрались вместе и принялись восхвалять его дарования и добродетели, которых никто из них не ставит под сомнение. — Жаль только, — добавляет один из собеседников, — что ему так несладко живется. — Да что вы! — возражает ему другой. Просто он скромн и чуждается роскоши. Разве вам не известно, что у него двадцать пять тысяч ренты? — Неужто? — Уверяю вас — да. У меня есть тому

доказательства. Вот сейчас этому талантливому человеку самое время появиться и сравнить прием, который окажут ему в подобном обществе теперь, с той большей или меньшей холодностью — вполне учливой, конечно, — с какой его встречали там раньше. Он так и делает; сравнение исторгает у него горестный стон. Однако среди присутствующих нашелся все же человек, который держится с ним по-прежнему. «Один на двадцать? — восклицает наш философ. — Ну, что же, я вполне доволен!».

* * *

Что за жизнь у большинства придворных! Они досадают, из себя выходят, мучатся, раболепствуют — и все ради самых ничтожных целей. Они вечно жаждут смерти своих врагов, соперников, даже тех, кого зовут друзьями. Вот уж тогда они заживут, вот тогда им, наконец, улыбнется счастье! А пока что они сами сохнут, чахнут и умирают, но до последнего своего часа не забывают справиться о здоровье г-на такого-то или г-жи такой-то, которые так еще и не удосужились отправиться на тот свет.

* * *

Современные физиономисты понаписали немало глупостей;⁵³ однако не подлежит сомнению, что то, о чем постоянно думает человек, накладывает известный отпечаток на его лицо. У многих

придворных лживые глаза, и это так же естественно, как кривые ноги у большинства портных.

* * *

От многих, в том числе от людей очень неглупых, я слышал, что большая карьера непременно требует ума. Такое утверждение, на мой взгляд, не совсем верно. Правильнее было бы сказать иначе: бывают ум и сметливость такого рода, что обладатели этих свойств просто не могут не сделать карьеры, даже если наделены добродетелью, которая, как известно, представляет собою наиопаснейшее препятствие на пути к житейскому успеху.

* * *

Говоря о высоком положении в обществе, Монтень замечает: «Раз уж нам его не добиться, вознаградим себя тем, что посмеемся над ним».⁵⁴ Эти слова остроумны, во многом верны, но циничны и, сверх того, могут стать оружием для глупцов, взысканных милостями фортуны. Действительно, наша ненависть к неравенству часто объясняется лишь тем, что мы сами ничтожны. Однако человеку подлинно мудрому и порядочному оно ненавистно главным образом, потому, что, как стена, разделяет родственные души. Трудно найти людей благородного характера, которым ни разу не пришлось бы подавлять в себе симпатию к лицу,

стоявшему выше их на общественной лестнице, и, к прискорбию своему, отвергать его дружбу, хотя эта дружба обещала стать для них источником радостей и утешения. Такой человек не станет вторить Монтеню, а скажет: «Я ненавижу неравенство: из-за него мне пришлось избегать тех, кого я любил или мог полюбить».

* * *

Есть ли на свете человек, который имел бы дело только с людьми действительно достойными? У кого из нас нет таких знакомств, за которые мы краснеем перед друзьями? Кто видел женщину, которой ни разу не приходилось объяснять гостям, почему они неожиданно застали у нее г-жу такую-то?

* * *

Вы — друг придворного, человека, как говорится, благородного, не так ли, и вы хотите, чтобы он отнесся к вам с самой горячей симпатией, на какую только способно человеческое сердце. Вы окружаете его нежнейшей дружеской заботой, поддерживаете в несчастьях, утешаете в горестях; вы посвящаете ему каждую свободную минуту, при случае даже спасаете его от смерти или бесчестья. Но это пустяки, этого мало. Не тратьте же зря время и сделайте для него кое-что посерьезнее и поважнее: составьте его родословную.

* * *

Министр или сановник заявляет, что он держится такого-то взгляда; вы слышите его слова, принимаете их на веру и остерегаетесь обращаться к нему с просьбами, которые противоречили бы его излюбленному правилу. Однако вскоре вы узнаете, что введены в заблуждение: его поступки доказывают вам, что у министров нет правил, а есть только привычка, вернее, страсть, разглагольствовать о них.

* * *

Мы зря ненавидим иных царедворцев: они раболепствуют без всякой для себя выгоды, а просто так, ради удовольствия. Это ящерицы, которые, пресмыкаясь, ничего не выигрывают, зато частенько теряют хвост.

* * *

Вот человек, неспособный снискать уважение к себе. Значит, ему остается одно: сначала сделать карьеру, потом окружить себя всякой сволочью.

* * *

Как бы ни опорочила себя корпорация (парламент, академия, собрание), вступать с ней в

борьбу бесполезно: она устоит благодаря своей многочисленности. Позор и насмешки лишь скользят по ней, как пули по кабану или крокодилу.

* * *

Глядя на то, что творится в свете, развеселится даже самый мрачный мизантроп, Гераклит⁵⁵ — и тот лопнет со смеху.

* * *

Даже при равном уме и образованности бедняк, на мой взгляд, знает природу, человеческое сердце и общество лучше, нежели человек, богатый от рождения: в те минуты, когда второй наслаждался жизнью, первый заходил утешение в том, что размышлял о ней.

* * *

Когда видишь, что коронованная особа по собственному почину совершает похвальный поступок, невольно хочется объяснить большинство ее ошибок и слабостей влиянием тех, кто окружает трон, и мы восклицаем: «Как жаль, что этот государь избрал друзьями Дамиса и Арамона!». При этом мы забываем, что, если бы Дамис и Арамон отличались благородным и сильным характером, они не были бы друзьями монарха.

* * *

Чем больше успехов делает философия, тем ревностней силится глупость установить всевластие предрассудков. Посмотрите, например, как поощряет правительство всяческие дворянские привилегии. Дело дошло до того, что женщинами у нас считают только знатных дам или девок, другие в счет не идут. Никакие добродетели не могут возвысить женщину над ее положением в обществе; это в силах сделать лишь порок. Выдвинуться и снискать уважение к себе, если у вас нет знатных предков и дорогу вам преграждает толпа людей, которые с колыбели обладают всеми благами жизни, — это все равно что выиграть или по крайней мере свести вничью шахматную партию, дав партнеру ладью вперед. Когда же — что случается довольно часто — светские условности даруют вашим соперникам слишком большие преимущества, вам приходится и вовсе прекращать игру: фора ладьи — это еще куда ни шло, фора ферзя — это уж слишком.

* * *

Наставники юного принца, которые надеются дать ему хорошее воспитание, а сами примиряются с унижительным придворным этикетом и церемониями, похожи на учителя арифметики, который, вознамерившись сделать из своих питомцев

отменных математиков, для начала согласился бы с ними в том, что дважды три-восемь.

* * *

Кто более чужд своему окружению — француз в Пекине или Макао, лапландец в Сенегале или, может быть, все-таки одаренный человек без денег и дворянских грамот, попавший в среду людей, которые обладают одним из этих преимуществ или обоими сразу? Общество как бы молчаливо условилось лишиться всяких прав девятнадцать двадцатых своих сочленов. И такое общество тем не менее продолжает существовать. Чудеса, да и только!

* * *

Свет и общество в целом кажутся мне книжной полкой, где на первый взгляд все в образцовом порядке, поскольку книги расставлены на ней по формату и толщине, а на самом деле царит полная неразбериха, потому что при расстановке их не посчитались ни с областью знания, ни с предметом изложения, ни с именем автора. Дружба с человеком значительным и даже прославленным давно уже не почитается достоинством в стране, где людей нередко ценят за их пороки, а знакомства/с ними ищут потому, что они смешны.

* * *

Бывают люди неприятные в обхождении, но не вынуждающие ближних вести себя так же, как они; поэтому мы подчас легко переносим их общество. Бывают и другие, не только нелюбезные сами по себе, но одним своим присутствием уже мешающие проявлять любезность всем остальным; такие люди совершенно невыносимы. Вот почему мы так избегаем педантов.

* * *

Опыт наставляет частного человека, но, развращает государей и сановников.

* * *

Наша публика похожа на нынешнюю трагедию: она глупа, жестока и лишена вкуса.

* * *

Царедворство — это ремесло, которое пытаются возвести в ранг науки: всякому хочется занять место повыше.

* * *

Светские знакомства, приятельские отношения и т.д. — все это в большинстве случаев имеет такое

же касательство к дружбе, как волокитство к любви.

* * *

Умение вскользь обронить фразу — один из важнейших секретов светского красноречия. При дворе всяк придворный: и принц крови, и дежурный капеллана и очередной врач,⁵⁶ и аптекарь.

* * *

Судьи по уголовным и гражданским делам, начальник полиции и многие другие должностные лица, чья обязанность — блюсти установленный порядок, почти всегда видят людей в самом мрачном свете. Они полагают, что изучили общество, хотя знают только его подонки. Но разве можно судить о городе по сточным канавам, о доме — по нужнику? Такие чиновники обычно приводят мне на ум сторожей при коллеже, которым отводят жилье вблизи отхожих мест и о которых вспоминают, лишь когда надо кого-нибудь высечь.

* * *

Шутка призвана карать любые пороки человека и общества; она оберегает нас от постыдных поступков, помогает нам ставить каждого на его место и не поступаться собственным, утверждает наше превосходство над людьми, чье поведение мы

осмеиваем, не давая при этом им повода сердиться на нас, если только они не совсем уж чужды юмора и учтивости. Люди, пусть даже незнатные, но ловко владеющие этим оружием, всегда стяжают себе в свете, в хорошем обществе такое же уважение, какое военные питают к искусным фехтовальщикам. Один неглупый человек — я сам это слышал — говаривал: «Запретите шутку, и я завтра же перестану бывать в свете». Обмен шутками — это поединок, правда бескровный; однако, подобно настоящей дуэли, он вынуждает нас быть сдержанней и учтивей.

* * *

Трудно даже представить себе, сколько вреда может принести стремление заслужить столь банальную похвалу, как: «Господин такой-то очень приятный человек». Не знаю уж почему, но получается так, что покладистость, беззаботность, слабодушие и ветреность, сдобренные известной долей остроумия, всегда по сердцу людям; что человек бесхарактерный и живущий сегодняшним днем кажется им привлекательнее, чем тот, кто последователен, тверд, верен своим правилам, кто не забывает отсутствующего или больного друга, готов покинуть веселую компанию, чтобы оказать ему услугу, и т.д. Но не стоит перечислять недостатки, пороки и дурные черты, на которые мы взираем с одобрением, это слишком долго и скучно. Скажу только, что именно поэтому светские люди,

размышляющие об искусстве нравиться, куда чаще, чем то предполагают другие да и они сами, так подвержены названным выше слабостям — они жаждут, чтобы о них отозвались: «Господин такой-то — очень приятный человек».

* * *

Есть вещи, о которых юноша из знатной семьи даже не догадывается. Как, например, в двадцать лет заподозрить, что человек с красной лентой⁵⁷ тоже может быть полицейским шпионом?

* * *

И во Франции, и в других странах самые нелепые обычаи, самые смешные условности пребывают под защитой двух слов: «Так принято». Именно этими словами отвечает готтентот на вопрос европейцев, зачем он ест саранчу и пожирает кишасящих на нем паразитов. Он тоже говорит: «Так принято».

* * *

Глупейшее и несправедливейшее имущественное притязание, которое наверняка было бы осмеяно в собрании порядочных людей, может стать поводом для судебного иска и, следовательно, сделаться законным — ведь любую тяжбу можно и проиграть, и выиграть. Точно так же самое нелепое и смехотворное мнение торжествует в обществе или

корпорации над мнением куда более разумным. Добиться этого нетрудно: стоит только представить это последнее как точку зрения противной партии — а почти всякая корпорация расколота на два враждебных лагеря, — и оно тотчас будет освистано и отвергнуто.

* * *

Что останется от фата, если отнять у него самомнение? Оборвите бабочке крылья — получите безобразную гусеницу.

* * *

Придворные — это нищие, которые сколотили состояние, выпрашивая милостыню.

* * *

Чего стоит слава — определить нетрудно: для этого достаточно самых простых понятий. Тот, кто стяжал себе ее с помощью таланта или добродетели, становится предметом равнодушного доброжелательства со стороны немногих порядочных людей и страстного недоброжелательства со стороны людей бесчестных. Подсчитайте, сколько на свете тех и других, и сравните их силы.

* * *

Философ мало в ком вызывает любовь. Ведь он, живя среди людей и видя лживость их поступков, их непомерные притязания, говорит каждому: «Я считаю

тебя лишь тем, что ты есть на самом деле, и поступки твои оцениваю так, как они того заслуживают». Человек, столь решительный в суждениях, почти всегда всем враг, .и для него стяжать любовь « уважение к себе — дело очень нелегкое.

* * *

Когда душа ваша глубоко удручена бедствиями и ужасами, которые творятся в столице и прочих больших городах, скажите себе: «А ведь стечение обстоятельств, в силу которого двадцать пять миллионов человек оказались подвластны одному единственному и семьсот тысяч душ скучились на пространстве в два квадратных лье, могло привести к последствиям куда более страшным!».

* * *

Слишком большие достоинства подчас делают человека непригодным для общества: на рынок не ходят с золотыми слитками — там нужна разменная монета, в особенности мелочь.

* * *

Кружки, гостиные, салоны словом, все то, что именуют светом, это дрянная пьеса, скверная и скучная опера, которая держится лишь благодаря машинам и декорациям.

* * *

Если вы хотите составить себе верное представление обо всем, что творится в свете, вам надлежит употреблять слова в значении, прямо противоположном тому, какое им придается там. Например, «человеконенавистник» на самом деле значит «друг человечества», «дурной француз» это «честный гражданин, который обличает безобразные злоупотребления», «философ» — «здравый человек, полагающий, что дважды два четыре», и т.д.

* * *

В наши дни портрет пишут за семь минут, рисовать обучают за три дня, английский язык втолковывают за сорок уроков, восемь языков одновременно преподают с помощью нескольких гравюр, где изображены различные предметы и названия их на этих восьми языках. Словом, если бы можно было собрать воедино все наслаждения, чувства и мысли, на которые пока что уходит целая жизнь, и вместить их в одни сутки, сделали бы, вероятно, и это. Вам сунули бы в рот пилюлю и объявили: «Глотайте и проваливайте!».

* * *

Не следует считать Бурра⁵⁸ безусловно честным

человеком: он кажется честным лишь по контрасту с Нарциссом.⁵⁹ Сенека⁶⁰ и Бурр — это порядочные люди того века, который не знал, что такое порядочность.

* * *

Кто хочет нравиться в свете, тот должен заранее примириться с тем, что его станут там учить давно известным ему вещам люди, которые понятия о них не имеют.

* * *

С теми, кого мы знаем лишь наполовину, мы все равно как незнакомы; то, что нам известно на три четверти, вовсе нам неизвестно. Этих двух положений вполне довольно для того, чтобы по достоинству оценить почти все светские разговоры.

В стране, где каждый силится чем-то казаться, многие должны считать и действительно считают, что лучше уж быть банкротом, нежели ничем.

* * *

Страх перед запущенной простудой — такая же золотая жила — для врача, как страх перед чистилищем — для священника.

* * *

Разговор подобен плаванию: вы даже не замечаете, что корабль отчалил, и, лишь выйдя в открытое море, убеждаетесь, что покинули сушу.

* * *

Один умный человек в присутствии людей, наживших миллионы, стал доказывать, что счастливым можно быть и при ренте в две тысячи экю. Собеседники резко и даже запальчиво утверждали противное. Расставшись с ними, он стал думать о причине такой резкости со стороны людей, обычно расположенных к нему, и наконец догадался: своим утверждением он дал им понять, что не зависит от них. Каждый, чьи потребности скромны, представляет собой как бы угрозу для богачей — он может ускользнуть от них, и тираны потеряют раба. Это наблюдение нетрудно применить к любой из страстей. Например, человек, подавивший в себе вожделение, проявляет к женщинам равнодушие, всегда им ненавистное, и они немедленно утрачивают всякий интерес к нему. Вероятно, по той же причине никто не станет помогать философу выдвинуться: он чужд всему, чем живет общество, и люди, видя, что почти ничем не могут способствовать его счастью, оставляют его в покое.

* * *

Философу, который дружен с вельможей (если,

конечно, в мире найдется вельможа, терпящий подле себя философа), опасно выказывать свое бескорыстие: его тут же поймают на слове. Вынужденный скрывать истинные свои чувства, он становится, так сказать, лицемером из самолюбия.

Глава IV

О ЛЮБВИ К УЕДИНЕНИЮ И ЧУВСТВЕ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Философ смотрит на положение человека в светском обществе как кочевники-татары на города: для него это тюрьма, тесное пространство, где мысль сжата, сосредоточена на одном предмете, где душа и разум лишены широты и способности к развитию. Если человек занимает в свете высокое положение, камера у него попросторнее и побогаче обставлена; если низкое, у него уже не камера, а карцер. Свободен лишь человек без всякого положения, но и то при условии, что он живет в довольстве или, на худой конец, не нуждается в себе подобных.

* * *

Даже самый скромный человек, если он беден, но не любит, чтобы с ним обходились свысока, вынужден держать себя в свете с известной твердостью и самоуверенностью. В этом случае

надменность должна стать щитом скромности.

* * *

Слабость характера, отсутствие самобытных мыслей, словом любой недостаток, который препятствует нам довольствоваться своим собственным обществом, — вот что спасает многих из нас от мизантропии.

* * *

В уединении мы счастливей, чем в обществе. И не потому ли, что наедине с собой мы думаем о предметах неодушевленных, а среди людей о людях?

* * *

Грош цена была бы мыслям человека, пусть даже посредственного, но разумного и живущего уединенно, если бы они не были значительнее того, что говорится, и делается в свете.

* * *

Кто упрямо не желает изменять разуму, совести или хотя бы щепетильности в угоду нелепым и бесчестным условностям, которые тяготеют над обществом, кто не сгибается даже там, где согнуться выгодно, тот в конце концов остается один, без друга

и опоры, если не считать некое бестелесное существо, именуемое добродетелью и отнюдь не препятствующее нам умирать с голоду.

* * *

Не следует избегать общения с теми, кто неспособен оценить нас по достоинству: такое стремление свидетельствовало бы о чрезмерном и болезненном самолюбии. Однако свою частную жизнь следует проводить только с теми, кто знает нам истинную цену. Самолюбие такого рода не осудит даже философ.

* * *

О людях, живущих уединенно, порою говорят: «Они не любят общества». Во многих случаях это все равно, что сказать о ком-нибудь: «Он не любит гулять» — на том лишь основании, что человек не склонен бродить ночью по разбойничьим вертепам.

* * *

Не думаю, чтобы у человека безупречно прямодушного и взыскательного достало сил ужиться с кем бы то ни было. «Ужиться», в моем понимании, значит не только общаться с ближним без применения кулаков, но и обоюдно стремиться к общению, находить в нем удовольствие, любить друг друга.

* * *

Беда тому, кто умен, но не наделен при этом сильным характером. Если уж вы взяли в руки фонарь Диогена, вам необходима и его клюка.

* * *

Больше всего врагов наживает себе в свете человек, который прямодушен, горд, щепетилен и предпочитает принимать всех за то, что они есть, а не за то, чем они никогда не были. В большинстве случаев светское общество ожесточает человека; тот же, кто неспособен ожесточиться, вынужден приучать себя к напускной бесчувственности, иначе его непременно будут обманывать и мужчины и женщины. Даже краткое пребывание в свете оставляет в порядочном человеке горький и печальный осадок; оно хорошо лишь тем, что после него уединение кажется особенно приятным.

* * *

Светская чернь почти всегда мыслит подло и низко. Ей по сердцу только мерзости и непотребства; поэтому она готова усматривать их в любом поступке, в любых словах, которые становятся ей известны. Как, например, толкует она дружбу, пусть даже самого бескорыстного свойства, между вельможей и

талантливым человеком, между сановником и частным лицом? В первом случае — как отношения между патроном и клиентом; во втором — как плутовство и соглядатайство. В великодушии, проявленном при обстоятельствах самых возвышенных и волнующих, она чаще всего видит лишь ловкий ход, с помощью которого у простака выманили деньги. Стоит порядочной женщине и достойному любви мужчине случайно выдать связующее их и подчас глубоко трогательное чувство, как толпа объявляет любовников развратницей и распутником, и все потому, что суждения ее предвзяты, — она наблюдала слишком много случаев, где ее презрение и порицание были вполне заслужены. Из этого рассуждения следует, что честным людям лучше всего держаться подальше от толпы.

* * *

Природа не говорит мне: «Будь беден» — и уж подавно: «Будь богат», но она взывает: «Будь независим!».

* * *

Философ — это человек, который знает цену каждому; стоит ли удивляться, что его суждения не нравятся никому?

* * *

Светский человек, баловень счастья и даже любимец славы — словом. всякий, кто дружен с фортуной, как бы идет по прямой, ведущей к неизвестному пределу. Философ, дружный лишь с собственной мудростью. движется по окружности, неизменно возвращающей его к самому себе. Этот путь — как у Горация:⁶¹ «Talus tores atque rotundus». («Как шар, и круглый, и гладкий» (лат.). Пер. М. Дмитриева.)

* * *

Не следует удивляться любви Ж.Ж. Руссо к уединению: такие натуры, подобно орлам, обречены жить одиноко и вдали от себе подобных; но, как это происходит и с орлами, одиночество придает широту их взгляду и высоту полету.

* * *

Человек бесхарактерный — это не человек, а неодушевленный предмет.

* * *

Мы недаром восхищаемся ответом Медеи «Я!»:⁶² кто не в силах сказать то же самое при любой житейской превратности, тот немногого стоит, вернее,

НЕ СТОИТ НИЧЕГО.

* * *

По-настоящему мы знаем лишь тех, кого хорошо изучили; людей же, достойных изучения, очень мало. Отсюда следует, что человеку подлинно выдающемуся не стоит, в общем, стремиться к тому, чтобы его узнали. Он понимает, что оплошность его могут лишь немногие и что у каждого из этих немногих есть свои пристрастия, самолюбие, расчеты, мешающие им уделить его дарованиям столько внимания, сколько они заслуживают. Что же касается избитых и банальных похвал, в которых не отказывают таланту, когда его, наконец, замечают, то в них он не найдет ничего для себя лестного.

* * *

Когда у человека настолько незаурядный характер, что можно заранее предвидеть, с какой безупречной честностью поведет он себя в любом деле, от него отшатываются и на него ополчаются не только плуты, но и люди наполовину честные. Более того, им пренебрегают даже люди вполне честные: зная, что, верный своим правилам, он в случае необходимости всегда будет на их стороне, они обращают все свое внимание не на него, а на тех, в ком они сомневаются.

* * *

Почти все люди — рабы, и это объясняется той же причиной, какой спартанцы объясняли приниженность персов: они не в силах произнести слово «нет». Умение произносить его и умение жить уединенно — вот способы, какими только и можно отстоять свою независимость и свою личность.

* * *

Когда человек принимает решение вести дружбу лишь с теми людьми, которые хотят и могут общаться с ним в согласии с требованиями нравственности, добродетели, разума и правды, а приличия, уловки тщеславия и этикет рассматривают лишь как условности цивилизованного общества, — когда, повторяю, человек принимает такое решение (а это неизбежно, если только он не глуп, не слаб и не подл), он быстро убеждается, что остался почти в полном одиночестве.

Любой человек, способный испытывать возвышенные чувства, вправе требовать, чтобы его уважали не за положение в обществе, а за характер.

Глава V

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВАХ

Философы насчитывают четыре основные

добродетели и уж из них выводят все остальные. Это — справедливость, умеренность, сила характера и благоразумие. Последнее, думается, включает в себе две первых — справедливость и умеренность — и в известной степени заменяет силу характера, ибо во многих случаях спасти человека, лишённого этой силы, может только благоразумие.

* * *

Моралисты, подобно философам, создавшим физические и метафизические системы, позволили себе слишком широкие обобщения, придали слишком всеобщий смысл максима́м, касающимся нравственности. Что остается, например, от изречения Тацита:⁶³ «Neque limner, amissa pudicitia, alia abnuerit», [«Женщина, хоть раз позабывшая о стыдливости, уже ни в чем не откажет» (лат.).] после того как столько женщин на деле доказали, что один проступок не мешает им проявить многие добродетели? Я был свидетелем того, как г-жа де Л*, чья юность мало отличалась от юности Манон Леско,⁶⁴ в зрелые годы питала чувство, достойное Элоизы.⁶⁵ Эти примеры таят в себе мораль слишком опасную, чтобы приводить их в книгах, но о них всегда следует помнить, иначе можно попасться на удочку моралистов-шарлатанов.

* * *

В светском обществе распутству придали такое благообразие, что оно больше не оскорбляет хороший вкус; реформе этой уже лет десять.

* * *

Когда душа больна, она ведет себя совершенно так же, как больное тело: мечется и не находит себе места, но все же наконец немного успокаивается, сосредоточиваясь на чувствах и мыслях, помогающих ее исцелению.

* * *

Иным людям, как воздух, нужны иллюзии в отношении всего, что им дорого. Порою, однако, у них бывают такие прозрения, что кажется, они но — вот придут к истине, но они тут же спешат удалиться от нее, подобно детям, которые бегут за ряженым, но пускаются наутек, стоит тому обернуться.

* * *

Чувство, которое человек в большинстве случаев испытывает к своему благодетелю, похоже на его признательность зубодеру. Он говорит себе, что ему сделали добро, избавили от страданий, но тут же вспоминает, как это было больно, и уже не питает к своему спасителю особой нежности.

* * *

Подлинно великодушному благотворителю следует помнить, что тот, кому он хочет помочь, не должен знать о материальной стороне, которая есть в каждом благодеянии. Пусть мысль о ней, так сказать, утонет, растворится в чувстве, вызванном добрым делом, как мысль о наслаждении растворяется для любовников в очищающем очаровании любви, которая эту мысль породила.

* * *

Всякое благодеяние, не милое сердцу, отвратительно. Благодеяние это или святыня, или мертвый прах. Мысль о нем надо хранить как драгоценность или навсегда отбросить.

* * *

Большинство благотворителей, которые, совершив добрый поступок, делают потом вид, что хотят остаться в тени, на самом деле убегают от признательности так же, как убегала вергилиева Галатея:⁶⁶ «Et se cupit ante videri». ((«Но жаждет, чтобы ее раньше увидел»)(лат.).Пер. С.Шервинского.)

* * *

Считается признанным, что люди привязываются

к тем, кому они помогли. Это говорит о доброте природы: способность любить — вот поистине заслуженная награда за благое дело.

* * *

Клевета похожа на докучную осу: если у вас нет уверенности, что вы тут же на месте убьете ее, то и отгонять ее не пытайтесь, не то она вновь нападет на вас с еще большей яростью.

* * *

Новые друзья, которыми мы обзаводимся в зрелом возрасте, пытаюсь заменить ими утраченных, в сравнении со старыми нашими друзьями все равно что стеклянные глаза, искусственные зубы и деревянные ноги по сравнению с настоящими глазами, собственными зубами и ногами из плоти и крови.

* * *

В простодушных рассуждениях ребенка из хорошей семьи заключена порой презанятная философия.

* * *

Людская дружба в большинстве случаев

порастает множеством колючих «если» и «но» и в конце концов переходит в обыкновенные приятельские отношения, которые держатся только благодаря недомолвкам.

* * *

Между нравами старинными и нашими такое же сходство, как между Аристидом,⁶⁷ министром финансов у афинян, и аббатом Терре.⁶⁸

* * *

Род человеческий, дрянной уже по своей натуре, стал еще хуже под влиянием цивилизованной жизни. Каждый человек вносит в эту жизнь недостатки, присущие, во-первых, всем людям, во-вторых, ему самому и, в-третьих, тому сословию, к которому он принадлежит. С возрастом недостатки эти возрастают, и чем старше становится человек, чем больше он уязвлен пороками ближних, чем несчастнее из-за собственных пороков, тем сильнее его презрение к человечеству и обществу, на которые он и готов обрушить свой гнев.

* * *

Со счастьем дело обстоит как с часами: чем проще механизм, тем реже он портится. Самые неточные — это часы с репетицией, особенно если у

них есть минутная стрелка; ну, а если они еще показывают дни недели и месяцы года, то поломкам нет конца.

* * *

У людей все суетнорадости и печали; но уж лучше пусть мыльный пузырь будет золотистый или лазурный, чем черный или грязно-серый.

* * *

Человек, который именем дружбы прикрывает свое тиранство, покровительство или даже благодеяния, напоминает мне того злодея священника, который подносил яд в причастной облатке.

* * *

Мало на свете благотворителей, которые не говорили бы, подобно Сатане:⁶⁹ «Si cadens adoraveris me». ((«Если, падши, поклонисься мне» (лат.).))

* * *

Нищета сбавляет цену преступлению.

* * *

Стоики⁷⁰ — это своего рода поэты: в учение о нравственности они вносят поэтический пыл и вдохновение.

* * *

Если бы человек неумный мог понять изящество, утонченность, широту и прочие достоинства чужого ума и умел выказать это понимание, многие искали бы общества такого человека, даже при том, что сам он неспособен сказать ничего умного. Это относится и к душевным свойствам.

* * *

Наблюдая или испытывая страдания, причиняемые глубоким чувством, например любовью или дружбой, утратой близкого человека или иными обстоятельствами, невольно начинаешь думать, что беспутство и ветреность не так уж бессмысленны и что светские люди правильно относятся к жизни другого отношения она и не стоит.

* * *

Иная страстная дружба дарит не меньшим счастьем, чем страсть и вдобавок еще не противоречит разуму.

* * *

Пылкую и нежную дружбу можно ранить даже лепестком розы.

* * *

Великодушие — это не что иное, как сострадание благородного сердца.

* * *

Наслаждайся и дари наслаждение, не причиняя зла ни себе, ни другим — в этом, на мой взгляд, заключена суть нравственности.

* * *

Для истинно порядочных людей, у которых есть какие-то правила и заповеди господни кратко изложены в надписи над входом в Телемскую обитель: «Делай, что хочешь».⁷¹

* * *

Воспитание должно опираться на две основы — нравственность и благоразумие: первая поддерживает добродетель, вторая защищает от чужих пороков. Если опорой окажется только нравственность, вы воспитаєте одних простофиль или мучеников; если только благоразумие одних

расчетливых эгоистов. Главным принципом всякого общества должна быть справедливость каждого к каждому, в том числе и к себе. Если ближнего надо возлюбить как самого себя, то, по меньшей мере столь же справедливо возлюбить себя как других.

* * *

Иные люди вполне раскрывают все свойства своего ума и сердца только в истинной дружбе; в обществе же они могут проявить лишь качества, которые приятны для светских отношений. Эти люди подобны деревьям, которые под лучами солнца дают чудесные плоды, а в теплице — несколько красивых, но бесполезных листков.

* * *

Когда я был молод и страсти настойчиво влекли меня к мирской суете, могла в светском обществе и в наслаждениях я искал забвения жестоких горестей, тогда мне проповедовали любовь к уединенному труду и усыпляли скучнейшими тирадами на эту тему. К. сорока годам, когда страсти угасли и свет мне опротивел, — когда я обнаружил его пустоту и ничтожество, когда горести мои развеялись и прошла нужда в суетной жизни, как в прибежище от них, вкус к уединению так развился во мне, что заглушил все остальное. Я перестал бывать в свете, и вот тогда-то меня начали донимать уговорами вернуться туда,

обвиняя в мизантропии и т.д. Чем объяснить эту удивительную перемену? Только потребностью людей все порицать.

* * *

Я изучаю лишь то, что мне нравится, и утруждаю свой ум лишь теми новыми идеями, которые меня занимают, не размышляя о том, полезны они или бесполезны мне или кому-нибудь другому, придет или не придет время, когда я смогу разумно применить приобретенные мною знания. Так или иначе, у меня всегда будет бесценное преимущество над многими людьми, и заключается оно в том, что я не перечил самому себе и был неизменно верен своему разумению и своей натуре.

* * *

Я свел на нет свои страсти примерно тем же способом, каким горячий человек запаливает коня, которого не в силах объездить.

* * *

Обстоятельства, ставшие причиной первых моих горестей, послужили мне броней против всех остальных.

* * *

К. Г-ну де Ла Б* я сохраняю чувство, которое испытывает любой порядочный человек, проходя мимо могилы друга.

* * *

Я безусловно могу жаловаться на обстоятельства и, быть может, на людей, но о последних я молчу и жалуясь только на первые; правда, я избегаю людей, но лишь затем, чтобы не жить с теми, из-за кого мне приходится нести бремя обстоятельств. Если успех и придет ко мне, то не раньше, чем примет условия, которые ставят ему свойства моей натуры. Когда сердце мое жаждет умиления, я вспоминаю друзей, мною утраченных, женщин, отнятых у меня смертью, живу в их гробницах, лечу душой на поиски их душ. Увы! В моей жизни уже три могилы!

* * *

Если мне удастся сделать доброе дело и это становится известным, я чувствую себя не вознагражденным, а наказанным.

* * *

Отказавшись от света и житейских благ, я обрел счастье, спокойствие, здоровье, даже богатство, и вот я прихожу к выводу, что, наперекор пословице, ⁷²

выигрывает игру тот, кто из нее выходит.

* * *

Известность — это возмездие за заслуги и наказание за талант. К своему таланту, как бы мал он ни был, я отношусь как к доносчику, существующему для того, чтобы лишать меня покоя. Изничтожая его, я чувствую такую радость, словно разделяюсь с врагом. Это чувство восторжествовало в моей душе даже над самолюбием, а что касается литературного тщеславия, то оно исчезло, как только пропал интерес, который я некогда испытывал к людям.

* * *

К истинной и возвышенной дружбе нельзя примешивать другие чувства. Я почитаю великим счастьем, что М* и я были уже связаны теснейшей дружбой⁷³ к тому времени, когда мне довелось оказать ему услугу, какой не смог бы оказать никто другой. Будь у меня хоть тень подозрения, что все, сделанное им для меня, сделано было в корыстной надежде встретить с моей стороны отношение, которое он действительно встретил в определенных обстоятельствах, и что он имел возможность предугадать эти обстоятельства, счастье моей жизни было бы навеки отравлено.

* * *

Вся моя жизнь находится в полном противоречии с моими правилами. Я отнюдь не поклонник знати — и состою при некоей принцессе и некоем принце; все знают, что по убеждениям я республиканец, а среди моих друзей кое-кто отмечен монаршими наградами; я ценю добровольную нищету, а живу в кругу богачей; бегу почестей, а сам отличен иными из них; единственное мое утешение — это занятия словесностью, а я не знаюсь ни с кем из нынешних знаменитостей и не бываю в Академии. Добавьте к этому, что, с моей точки зрения, человеку необходимы иллюзии, а у меня их нет: что, на мой взгляд, страсти плодотворнее разума, а сам я давно забыл, что такое страсть, и т.д.

* * *

Я уже не знаю того, чему научился, а то немногое, что еще знаю, просто угадал.

* * *

Одно из великих несчастий человека состоит в том, что порою даже его достоинства не идут ему впрок, а искусство управлять и разумно пользоваться ими дается лишь опытом, нередко запоздалым.

* * *

Для души и разума нерешительность и колебания — то же, что допрос с пристрастием для тела.

* * *

Если человек лишен иллюзий и при этом порядочен, он — человек в полном смысле слова. Ну, а если к тому же он еще и неглуп, общество его необычайно приятно. Не придавая ничему особого значения, он не будет педантом и, памятуя о своих прошлых иллюзиях, отнесется снисходительно к людям, которые покамест еще не расстались с ними. Он беззаботен и потому никогда не позволит себе ни нападков, ни колкостей, а нападки на свой счет тут же забывает или пропускает мимо ушей. Нрав у него на диво веселый, потому что в душе он все время смеется над ближними: его забавляют блуждания тех, кто ощупью бредет по неверному пути — сам-то он отлично знает дорогу. Он подобен человеку, который из освещенного помещения следит за нелепыми движениями людей, натыкающихся друг на друга в темной комнате. Смеясь, он отвергает ложные мерки и понятия, с какими обычно подходит к явлениям и людям.

* * *

Люди обычно боятся решительных действий, но тем, кто силен духом, они по сердцу: могучим натурам

по плечу крайности.

* * *

Созерцательная жизнь часто очень безрадостна. Нужно больше действовать, меньше думать и не быть сторонним свидетелем собственной жизни.

* * *

Человек может стремиться к добродетели, но не может сколько-нибудь основательно притязать на то, что обрел истину.

* * *

Янсенизм⁷⁴ христиан — это тот же стоицизм язычников, только измельчавший и опустившийся до уровня понятия христианской черни. И подумать только, что защитниками этой секты были такие люди, как Паскаль⁷⁵ и Арно!⁷⁶

Глава VI

О ЖЕНЩИНАХ, ЛЮБВИ, БРАКЕ И ЛЮБОВНЫХ СВЯЗЯХ

Мне совестно, что у вас сложилось такое мнение обо мне. Я отнюдь не всегда был только томным воздыхателем. Расскажи я кое-какие случаи из

времен моей молодости, вы убедились бы, что они не слишком — то благовидны и вполне в духе светского общества.

* * *

Любовь лишь тогда достойна этого названия, когда к ней не примешиваются посторонние чувства, когда она живет только собою и собой питается.

* * *

Всякий раз, когда я вижу женщин, да и мужчин, слепо кем-то увлеченных, я перестаю верить в их способность глубоко чувствовать. Это правило меня еще ни разу не обмануло.

* * *

Грош цена тому чувству, у которого есть цена.

* * *

Любовь — как прилипчивая болезнь: чем больше ее боишься, тем быстрее подхватишь.

* * *

Влюбленный человек всегда силится превзойти самого себя в приязни, поэтому влюбленные

большую часть так смешны.

* * *

Иная женщина способна испортить себе жизнь, погубить и опозорить в глазах общества — и все это ради любовника, которого она тут же разлюбит из-за того, что он плохо счистил пудру, некрасиво подстриг ноготь или надел чулки наыворот.

* * *

Гордое и благородное сердце, испытывавшее сильные страсти, избегает страшиться их, но не снисходит до любовных интрижек; точно так же сердце, ведавшее дружбу, не снизойдет до низменных, корыстных отношений.

* * *

На вопрос, почему женщина выставляет напоказ свои победы над кретинами, можно дать много ответов, и почти все они оскорбительны для мужчин. Правильный же ответ таков: у нее просто нет другого способа наслаждаться своей властью над сильным полом.

Женщины не очень знатные, но одержимые надеждой или манией иметь роль в высшем обществе, лишены и естественных радостей, и радостей, даруемых мнением света. На мой взгляд,

это самые несчастные существа на земле.

* * *

Свет сильно принижает даже мужчин, а уж женщин ввергает в полное ничтожество.

* * *

Женщинам свойственны прихоти, увлечения, иногда склонности; порой они даже способны возвыситься до настоящей страсти, но преданность им почти недоступна. Они взывают к нашим слабостям и безрассудству, но отнюдь не к нашему разуму. С мужчинами их связывает телесное притяжение, а никак не сродство душ, сердец, натур. Доказательством этому служит их равнодушие к мужчинам за сорок, присущее даже тем из них, что сами не моложе. Приглядитесь повнимательней и вы обнаружите, что, оказывая предпочтение мужчине зрелого возраста, женщина всегда действует под влиянием какого-нибудь низменного расчета — из корысти или тщеславия. Что касается исключений, то они, как известно, лишь подтверждают правило или даже придают ему силу закона. Добавим, что здесь совсем неуместна поговорка: «Кто слишком усердно убеждает, тот никого не убедит».

* * *

Любовь покоряет нас, воздействуя на наше самолюбие. В самом деле, как противостоять чувству, которое умеет возвысить в наших глазах то, чем мы обладаем, вернуть то, что нами утрачено, дать то, чего у нас нет?

* * *

Когда мужчину и женщину связывает непреоборимая страсть, мне всегда кажется, что, какие бы препятствия ни разлучали их — муж, родня и т.д., все равно любовники созданы один для другого самой природой, что они принадлежат друг другу по божественному праву, вопреки всем людским законам и предрассуждениям.

* * *

Отнимите у любви самолюбие и что же останется? Почти ничего! Очистите ее от тщеславия — и она уподобится выздоравливающему человеку, который от слабости еле волочит ноги.

* * *

Любовь в том виде, какой она приняла в нашем обществе, — это всего лишь игра двух прихотей и соприкосание двух эпидерм.

* * *

Желая зазвать вас к какой-нибудь женщине, вам иногда говорят: «Ее нельзя не полюбить!». Но я, быть может, вовсе этого не желаю! Лучше бы уж мне сказали: «Она не может не полюбить!», ибо люди в большинстве своем не столько хотят испытать любовь, сколько ее внушить.

* * *

По тому, как самолюбивы женщины пожилые, которые уже никому не нравятся, можно судить, каково было их самолюбие в молодые годы.

* * *

«Мне кажется, — говаривал господин де*, — что благосклонности женщины в общем приходится добиваться как приза на состязаниях, только достается этот приз отнюдь не тому, кто ее любит или достоин ее любви».

* * *

Беда молодых женщин, равно как и монархов, в том, что у них не может быть друзей. По счастью, ни те, ни другие не понимают этого: одним мешает тщеславие, другим — спесь.

* * *

Говорят, что в политике победа остается вовсе не за мудрецами; то же можно сказать и о волокитстве.

* * *

Забавно, что не только у нас, но и у некоторых древних народов, чьи нравы были первобытны и близки к природе, выражение «познать женщину» означало «переспать с ней», словно без этого ее до конца не узнаешь! Если это открытие сделали патриархи, они были людьми куда более искушенными, чем принято считать.

* * *

В войне женщин с мужчинами последние обладают немалым перевесом: у них в запасе девки.

* * *

Иная девка охотно продается, но отнюдь не согласна отдаться.

* * *

Любовь, даже самая возвышенная, отдает вас во власть вашим собственным страстишкам, а брак —

во власть страстишкам вашей жены: честолюбию, тщеславию и всему прочему.

* * *

Будь вы тысячу раз милы и порядочны, любите вы совершеннейшую из женщин, все равно вам придется прощать ей либо вашего предшественника, либо преемника.

* * *

Быть может, чтобы вполне оценить дружбу, нужно сперва пережить любовь.

* * *

Мужчины живут в мире с женщинами точно так же, как европейцы с индусами: это вооруженный мир.

* * *

Чтобы связь мужчины с женщиной была по-настоящему увлекательной, их должны соединять наслаждение, воспоминание или желание.

* * *

Одна умная женщина бросила мне как-то фразу, которая, возможно, проливает свет на природу

слабого пола: «Когда женщина выбирает себе любовника, ей не так важно, нравится ли он ей, как нравится ли он другим женщинам».

* * *

Госпожа де * поспешила уехать вслед за своим любовником в Англию, чтобы доказать великую свою нежность к нему, хотя никакой нежности не испытывала. В наши дни люди бросают вызов общественному мнению из страха перед ним.

* * *

Я знавал когда-то человека, который перестал волочиться за певичками, потому что, по его словам, они оказались такими же лицемерками, как порядочные женщины.

* * *

Повторение одних и тех же слов может наскучить нашим ушам, уму, но только не сердцу.

* * *

Чувство будит в нас мысль — с этим все согласны; но вот с тем, что мысль будит чувство, согласятся далеко не все, а ведь это не менее правильно!

* * *

Что такое любовница? Женщина, возле которой забываешь то, что знаешь назубок, иными словами, все недостатки ее пола.

* * *

Прежде любовные интриги были увлекательно таинственны, теперь увлекательно скандальны.

* * *

Любовь, по-видимому, не ищет подлинных совершенств; более того, их как бы побаивается: ей нужны лишь те совершенства, которые любит и придумывает она сама. В этом она подобна королям: они привыкли видеть великими только тех, кого сами и возвеличили.

* * *

Естествоиспытатели утверждают, что у всех видов животных вырождение начинается с самок. Философы вполне могут применить этот вывод к основам цивилизованного общества.

* * *

Общение с женщинами завлекательно тем, что в нем всегда есть много недомолвок, а недомолвки, стеснительные или, во всяком случае, неприемлемые между мужчинами, весьма приятная приправа в отношениях мужчины с женщиной.

* * *

Существует поговорка, что самая красивая женщина не может дать больше, чем имеет. Это кругом неверно: она дает мужчине решительно всего он от нес ждет, ибо в отношениях такого рода цену получаемому дает воображение.

* * *

Непристойность и бесстыдство неуместны в любой философии — как в той, что проповедует наслаждение, так и в той, что требует воздержания.

* * *

Читая священное писание, я в нескольких местах заметил, что, упрекая род людской в неистовстве и преступлениях, автор всякий раз говорит «сыны мужей», а бичуя глупость и слабодушие, он обращается к «сынам женщин».

* * *

Мужчина был бы слишком несчастен, если бы, будучи с женщиной, он хоть сколько-нибудь помнил то, что прежде знал назубок.

* * *

Природа, наделив мужчин неистребимой склонностью к женщинам, видимо, предугадывала, что, не прими она этой меры предосторожности, презрение, внушаемое женским полом, в особенности его тщеславием, послужило бы серьезным препятствием к продолжению и размножению рода человеческого.

* * *

«Мужчина, который мало имел дела с девками, ничего не понимает в женщинах», — с серьезным видом говорил мне человек, который был без ума от своей неверной жены.

* * *

И в браке, и в безбрачии есть свои недостатки; из этих двух состояний предпочтительней то, которое еще возможно исправить.

* * *

Любовникам довольно нравится друг другу

своими привлекательными, приятными чертами, но супруги могут быть счастливы лишь в том случае, если они связаны взаимной любовью или хотя бы подходят один к другому своими недостатками.

* * *

Любовь приятнее брака по той же причине, по какой романы занимательнее исторических сочинений.

* * *

Сперва любовь, потом брак: сперва пламя, потом дым.

* * *

Из всего, что говорилось о браке и безбрачии, всего разумней и справедливей следует далее замечание: «Что из двух ни выберешь, все равно пожалеешь». В последние годы жизни Фонтенель⁷⁷ жалел о том, что не женился: он забыл, что прожил девяносто пять лет, не зная забот.

* * *

Удачен лишь разумный брак, увлекателен лишь безрассудный. Любой другой построен на изменном расчете.

* * *

Женщину выдают замуж прежде, чем она успевае́т чем-то стать. Муж — это своего рода мастеровой, который не даёт покоя её телу, обтесывает ум и начерно шлифует душу.

* * *

В высшем обществе брак — это узаконенная непристойность.

* * *

Мы были свидетелями того, как люди из высоких сфер, именуемые порядочными, от души радовались счастью мадмуазель *, совсем юной девушки, прелестной, остроумной и Целомудренной, которая удостоилась чести стать супругой М *, старика насквозь прогнившего, отвратительного, бесчестного, тупого, но богатого. Что лучше характеризует наш век во всей его гнусности, чем подобный повод для радости, чем нелепость этого ликования, чем такое попрание всех основ естественной нравственности?

* * *

Положение женатого человека несносно тем, что муж, будь он тысячу раз умен, оказывается лишним

повсюду, даже в собственном доме: безмолвствуя, он всегда докучен; говоря очевиднейшие вещи, смешон. Только любовь жены может хотя бы отчасти избавить его от этих неприятностей. Поэтому М * и твердил своей жене: «Дорогая моя, помогите мне не быть смешным».

* * *

Развод у нас до того в порядке вещей, что во многих домах он еженощно поживает в супружеской постели между мужем и женой.

* * *

Женская страсть такова, что и самому порядочному мужчине приходится выбирать между ролью супруга или чичисбея, распутника или кастрата.

* * *

Наихудший из неравных браков — это неравный брак двух сердец.

* * *

Мужчине мало быть любимым: он хочет, чтобы его оценили, а оценить могут лишь те, кто на него похож. Потому-то на свете и не существует любви,

вернее, потому она так недолговечна между двумя существами, одно из которых ниже другого. Дело тут не в тщеславии, а в естественном самолюбии; попытка же лишить человека самолюбия бессмысленна и обречена на неудачу. Тщеславие — свойство натур слабых и порочных, тогда как разумное самолюбие присуще людям вполне порядочным.

* * *

Женщины отдают дружбе лишь то, что берут займы у любви.

* * *

Дурнушка, властно притязаящая на успех, похожа на нищенку, которая требует милостыни.

* * *

Мужчина охладевает к женщине, которая слишком сильно его любит, и наоборот. Видимо, с сердечными чувствами дело обстоит как с благодеяниями: кто не в состоянии отплатить за них, тот становится неблагодарным.

* * *

Та женщина, которая ценит в себе не столько

красоту, сколько свойства души и ума, на голову выше других женщин; та, что больше всего ценит красоту, похожа на всех своих сестер, а та, что свою знатность или титул ценит больше, чем даже красоту, ниже других женщин, да, пожалуй, и не женщина вовсе.

* * *

В женском мозгу, видимо, на одно отделение меньше, а в сердце на одно чувство больше, чем в мозгу и сердце мужчины. Без этого особого устройства женщины не могли бы растить, выхаживать и холить детей.

* * *

Природа вверила материнской любви сохранение всех живых тварей земле и, чтобы вознаградить матерей, подарила им радости и даже горести этого упоительного чувства.

* * *

Любовь — единственное чувство, в котором все истинно и все лживо; скажи о ней любую нелепость — и она мажется правдой.

* * *

Когда влюбленный жалеет человека

здравомыслящего, он напоминает любителя сказок, который зубоскалит над теми, кто увлекается историческими сочинениями.

* * *

Любовь — это рискованное предприятие, которое неизменно кончается банкротством; кто им разорен, тот вдобавок еще и опозорен.

* * *

Вот один на лучших доводов против женитьбы: окончательно оболванить мужчину может только одна женщина — его собственная жена.

* * *

Встречали вы когда-нибудь такую женщину, которая, обнаружив, что-то из ее знакомых домогается другой женщины, поверила бы, что получит отказ? Отсюда ясно, какого они мнения друг о дружке. Вывод сделайте сами.

* * *

Как бы плохо мужчина ни думал о женщинах, любая женщина думает еще хуже.

* * *

Иной мужчина обладает всеми качествами, нужными, чтобы подняться над мелочными уловками, принижающими человеческое достоинство. Стоит ему жениться или завести любовницу, как он сразу опускается до соображений, его недостойных: брак или любовная связь, словно проводник, указывает ничтожным страстишкам путь к его сердцу.

* * *

Я встречал в свете и мужчин, и женщин, которые искали не ответного чувства, а ответного действия; более того, они отказались бы и от действия, если бы оно порождало чувство.

Г л а в а VII

ОБ УЧЕНЫХ И ЛИТЕРАТОРАХ

Иные талантливые люди живут во власти некой пламенной силы — матери или неизменной спутницы такого рода талантов, которая обрекает их не то чтобы на безнравственность или неспособность к прекрасным душевным порывам — нет! — но на уклонения от прямого пути, притом столь частые, что невольно начинаешь упрекать этих людей в полном отсутствии моральных принципов. Бессильные справиться с неутолимой страстностью своей натуры,

они бывают подчас омерзительны. Как печально думать, что если бы англичане Поп⁷⁸ и Свифт, французы Вольтер⁷⁹ и Руссо предстали перед судом не зависти или ненависти, а справедливости и доброжелательства, то под тяжестью фактов, засвидетельствованных или сообщенных их друзьями и поклонниками, они были бы обвинены и осуждены за поступки глубоко порочные, за чувства пороки глубоко извращенные. O altitudo!..⁸⁰ (О, бездна! (лат.))

* * *

Не раз уже отмечено, что те, кто занимается физикой, естественной историей, физиологией или химией, обычно отличаются мягким, уравновешенным и, как правило, жизнерадостным нравом, тогда как авторы сочинений по вопросам политики, законовещения и даже морали — люди угрюмые, склонные к меланхолии и т.д. Объясняется это просто: первые изучают природу, вторые — общество; первые созерцают создания великого творца, вторые вглядываются в дело рук человека. Следствия не могут не быть разными.

* * *

Если хорошенько вдуматься, какой остротой восприятия, тонкостью слуха, чувством ритма и другими редкостными свойствами ума и души надо

обладать, чтобы любить, понимать и по достоинству оценивать хорошие стихи, то поневоле придешь к выводу, что, невзирая на притязания людей из всех слоев общества, мнящих себя арбитрами в области изящной словесности, у поэтов в общем еще меньше истинных судий, чем у геометров. Конечно, поэты могли бы вовсе пренебречь публикой и, общаясь лишь со знатоками, поступать со своими трудами так, как поступал со своими знаменитый математик Вьет⁸¹ в те времена, когда занятия математикой были делом куда менее распространенным, чем сейчас: он издавал ограниченное число экземпляров, а затем дарил их тем, кто мог уразуметь его книгу, насладиться ею или опираться на нее в своей работе. Об остальных Вьет просто не думал. Но он был богат, а большинство поэтов бедно. К тому же, возможно, геометры не наделены таким тщеславием, как поэты, а если и наделены, то находят ему лучшее применение.

* * *

У иных людей остроумие (инструмент, пригодный в любом деле) — это то лишь природный дар, который деспотически завладевает ими и е не подвластен ни их воле, ни разуму.

* * *

Мне хочется сказать о некоторых метафизиках

то, что Скалигер⁸² сказал о басках: «Говорят, они понимают друг друга, но, по-моему, это сказки.

* * *

Имеет ли право философ, обуреваемый тщеславием, презирать придворного, обуреваемого корыстью? На мой взгляд, вся разница между ними в том, что один из них уносит луидоры, а другой уходит, вполне довольный тем, что слышал их звон. Намного ли выше Даламбер, ⁸³ который из тщеславия угодничал перед Вольтером, любого из угодников Людовика XIV, добивавшихся пенсии или выгодного места?

* * *

Когда наделенный приятными свойствами человек из кожи вон лезет из-за невысокой чести прийти по вкусу людям, не входящим в число друзей (а к этому стремятся многие, особенно литераторы, ибо для них умение нравиться превратилось в ремесло), то ясно, что движет им этом либо корысть, либо тщеславие. Он выступает в роли не то куртизанки. не то кокетки или, если хотите, комедианта. Порядочен ли тот, кто старается быть приятным в кругу людей, которые по душе ему самому.

* * *

Кто-то сказал, что заимствовать у древних — значит заниматься пиратством в открытом море, а обкрадывать новейших авторов — значит промышлять карманным воровством на улицах.

* * *

Иной раз блестящие стихи слетают с пера человека отнюдь не блестящего; значит, он обладает тем, что мы называем талантом. Бывает и так: стоит блестящему человеку взяться за писание стихов, как мысли его теряют всякий блеск; это с несомненностью доказывает, что он лишен поэтического дара.

* * *

Большинство произведений, написанных в наше время, наводит на мысль, что они были склеены за один день из книг, прочитанных накануне.

* * *

Хороший вкус, такт и воспитанность связаны между собой куда теснее, чем желательно считать литературной братии. Такт — это хороший вкус в поведении и манере держать себя, а воспитанность — хороший вкус в беседе и речах.

* * *

В «Риторике» Аристотеля⁸⁴ есть отличная мысль о том, что всякая метафора, основанная на аналогии, должна быть убедительной и в том случае, если ее перевернуть. Так, мы говорим, что старость — это зима жизни. Переверните метафору, сказав, что зима — это старость года, и она прозвучит столь же убедительно.

* * *

В литературе, как и в политике, стать великим или хотя бы произвести значительный переворот может лишь такой человек, который родился вовремя, то есть когда почва для него уже была подготовлена.

* * *

Вельможи и остроумцы — вот два сорта людей, которые тяготеют друг к другу и обладают немалым сходством: первые пускают немного больше ныли в глаза, вторые поднимают немного больше шума, чем прочие смертные.

* * *

Литераторы любят тех, кого они развлекают, как путешественники тех, кого они приводят в изумление.

* * *

Что представляет собой литератор, не обладающий возвышенным характером, достойными друзьями и хотя бы небольшим достатком? Если этого последнего преимущества он лишен в такой степени, что не может пристойно существовать в кругу общества, к которому принадлежит по праву таланта, зачем тогда ему свет? Не единственный ли для него выход — замкнуться в уединении, где он сможет совершенствовать свою душу, свой характер, свой разум? Зачем ему терпеть иго общества, не получая взамен ни одного из тех преимуществ, которыми оно награждает своих сочленов, принадлежащих к другим слоям? Многие литераторы, принужденные принять этот выход, уже обрели счастье, которое прежде тщетно пытались отыскать. Они с полным основанием могут сказать, что получили все именно тогда, когда им во всем было отказано. Как часто приходится нам вспоминать слова Фемистокла: «Увы! Мы погибли бы, если бы не погибли».⁸⁵

* * *

Прочитав какой-нибудь труд, отмеченный духом добродетели, люди нередко говорят: «Жаль, что автор не пожелал рассказать в своем сочинении о самом себе, лишив нас тем самым возможности проверить, действительно ли он таков, каким кажется». Что греха таить — сочинители дали немало поводов для подобных рассуждений; однако я не раз

убеждался, что читатели прибегают к таким рассуждениям лишь для того, чтобы им не пришлось восхищаться высокими истинами, запечатленными в писаниях порядочного человека.

* * *

Писатель, наделенный хорошим вкусом, являет собой в кругу нашей пресыщенной публики то же зрелище, что молодая женщина среди старых распутников.

* * *

Тот, кто слегка приобщился к философии, презрительно относится к знаниям, но тот, кто ею проникся, глубоко их уважает.

* * *

Поэт, да обычно и всякий литератор, редко когда наживается на своем труде; что же до публики, то ее отношение к автору можно определить как нечто среднее между «Благодарю вас!» и «Пошел вон!». Таким образом, ему остается одно: наслаждаться самим собою и каждой минутой своей жизни.

* * *

Молчание автора, сочинявшего прежде хорошие

книги, внушает публике больше уважения, чем плодovitость сочинителя посредственных произведений; точно так же безмолвие человека, известного своим красноречием, действует куда сильнее, нежели болтовня заурядного говоруна.

* * *

Немало литературных произведений обязано своим успехом убожеству мыслей автора, ибо оно сродни убожеству мыслей публики.

* * *

Как посмотришь на состав Французской академии, так невольно начинаешь думать, что девизом своим она избрала стих Лукреция:⁸⁶

Certare ingenio, contendere habilitate.

«Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде» (лат.). Пер. Ф. Петровского.

Почетное звание члена Французской академии подобно кресту Святого Людовика, который можно увидеть и на том, кто ужинает в Марлийском дворце,⁸⁷ и на том, кто заканчивает день в третьеразрядной харчевне.

* * *

Французская академия подобна парижской опере, которая существует «а средства, не имеющие к ней никакого отношения, вроде обязательных отчислений в ее пользу со всех провинциальных оперных театров, платы за право пройти из партера в фойе и т.д. Вот и Академия живет за счет раздаваемых ею привилегий. Она точь-в-точь как Сидализа у Гроссе:⁸⁸

Чтоб цену ей могли вы по заслугам дать,
Сначала следует вам с нею переспать.

* * *

Литература и в особенности театр дают сейчас людям возможность приобрести репутацию, как некогда заморские острова давали возможность нажить добро: достаточно было туда приехать, чтобы тотчас же разбогатеть. Но большие состояния, нажитые предками, обернулись ущербом для потомков, ибо земли, прежде плодородные, оказались совершенно истощенными.

* * *

В наши дни театральный и литературный успех смехотворен, и только.

* * *

Философия распознает добродетели, полезные

с точки зрения нравственной и гражданской, красноречие создает им известность, поэзия превращает их в общее достояние.

Красноречивый, но грешащий против логики софист по сравнению ритором-философом — это то же, что ловкий фокусник по сравнению прагматиком, что Пинетти⁸⁹ по сравнению с Архимедом.⁹⁰

* * *

Можно иметь в голове множество идей и быть при этом неумным человеком, как можно командовать множеством солдат и быть при этом плохим генералом.

* * *

Столько нареканий вызывают обычно литераторы, удалившиеся от этой жизни) Им хотят навязать интерес к обществу, которое ни в чем их не поддерживает, хотят заставить их вечно присутствовать при лотереях розыгрышах, в которых они не могут принять участие.

* * *

В древних философах меня больше всего восхищает их стремление жить в согласии со своими теориями. Примером тому могут служить Платон,⁹¹ Теофраст⁹² и другие. Практическая нравственность

входила философию столь важной составной частью, что многие из них стали одной из школ, не написав при этом ни одной строчки: достаточно назвать Ксенократа,⁹³ Полемона,⁹⁴ Левкиппа⁹⁵ и других. Сократ⁹⁶ не написал ни одного труда и изучил из всех наук одну лишь науку о нравственности, что не помешало ему занять первое место среди философов своего времени.

* * *

Лучше всего мы знаем, во-первых, то, что поняли чутьем; во-вторых, что извели на собственном опыте, сталкиваясь с разными людьми явлениями; в-третьих, то, что уразумели не из книг, а благодаря книгам, то есть благодаря размышлениям, на которые они нас наталкивали; в-четвертых, то, чему научили нас книги и наши учителя.

* * *

Литераторы, в особенности поэты, подобны павлинам: им бросают в клетку жалкую горсть зерна, а если порою и выпускают оттуда, то лишь затем, чтобы посмотреть, как они распускают хвост. Между тем петухи, куры, индюки и утки свободно расхаживают по двору и до отказа набивают себе зоб.

* * *

Успех порождает успех, как деньги идут к деньгам.

* * *

Чтобы написать иную книгу, даже самому умному человеку приходится прибегать к помощи наемной кареты, то есть посещать всевозможных людей и всевозможные места, бывать в библиотеках, читать рукописи и т.д.

* * *

Философ или, скажем, поэт не может не быть мизантропом: во-первых, потому, что склонности и талант побуждают его пристально наблюдать за жизнью общества, а это занятие лишь омрачает душу; во-вторых, потому, что общество редко вознаграждает такого человека за талант (хорошо еще, если не наказывает!) и этот вечный повод для огорчений удваивает и без того свойственную ему меланхолию.

* * *

Когда государственные люди или литераторы — пусть даже слывающие людьми необычайно скромными — оставляют после себя мемуары, которые должны послужить канвой для их биографий, они тем самым выдают тайное свое тщеславие. Как

тут не вспомнить некоего безгрешного мужа, который отписал в завещании сто тысяч экую на то, чтобы его причислили к лику святых!

* * *

Большое несчастье — потерять из-за свойств своего характера то место в обществе, на которое имеешь право по своим дарованиям.

* * *

Лучшие свои произведения великие писатели создают в том возрасте, когда страсти их уже угасли: земля вокруг вулканов особенно плодородна после извержений.

* * *

Тщеславие светских людей ловко пользуется тщеславием литераторов, которые создали не одну репутацию, тем самым проложив многим людям путь к высоким должностям. Начинается все это с легкого ветерка лести, но интриганы искусно подставляют полного паруса своей фортуны.

* * *

Ученый экономист — это хирург, который отлично вскрывает труп острым скальпелем, но жестоко

терзает выщербленным ножом живой организм.

* * *

Литераторы редко завидуют той подчас преувеличенной репутации, которой пользуются иные труды светских людей: они относятся к этим успехам, как порядочные женщины к богатству потаскушек.

* * *

Театр либо улучшает нравы, либо их портит. Одно из двух: он или вьет нелепые предрассудки, или, напротив, внедрит их. Во Франции мы все повидали и то, и другое.

* * *

Иные литераторы не понимают, что ими движет не славолюбие, а тщеславие. Однако чувства эти не просто различны, но и противоположны: одно из них — мелкая страстишка, другое — высокая страсть. Между честным славолюбивым и тщеславным такая же разница, как между влюбленным и волокитой.

* * *

Потомство судит литераторов не по их положению в обществе, а по их делам. «Скажи, не кем ты был, а что ты совершил» — таков, видимо,

должен быть их девиз.

* * *

Спероне Сперони⁹⁸ отлично объясняет, почему автор, которому кажется, будто он очень ясно излагает свои мысли, не всегда бывает понятен читателям. «Дело в том, — говорит он, — что автор идет от мысли к мыслям, а читатель — от слов к мысли».

* * *

Произведения, написанные с удовольствием, обычно бывают самыми удачными, как самыми красивыми бывают дети, зачатые в любви.

* * *

В изящных искусствах, да и во многих других областях, хорошо мы знаем лишь то, чему нас никогда не обучали.

* * *

Художник должен придать жизнь образу, а поэт должен воплотить в образ чувство или мысль. Когда плох Лафонтен⁹⁹ — это значит, что он был небрежен; когда плох Ламотт¹⁰⁰ это значит, что он очень усердствовал.

* * *

Совершенной можно считать только ту комедию характеров, где интрига построена так, что ее уже нельзя использовать ни в какой другой пьесе. Из всех наших комедий этому условию отвечает, пожалуй, только «Тартюф». ¹⁰¹

* * *

В доказательство того, что на свете нет худших граждан, чем французские философы, можно привести следующий забавный довод. Эти философы обнародовали изрядное количество важных истин в области политической, равно как и в экономической, и подали в своих книгах разумные советы, которым последовали почти все монархи почти во всех европейских странах, кроме Франции. В результате благоденствие, а значит, и мощь чужеземных народов возросли, меж тем как у нас ничего не изменилось, господствуют те же злоупотребления и т.д., так что по сравнению с другими державами Франция все больше впадает в ничтожество. Кто же в этом виноват, как не философы! Тут невольно вспоминается ответ герцога Тосканского ¹⁰² некоему французу по поводу новшеств, введенных герцогом в управление страной. «Напрасно вы так меня хвалится — сказал он, — все это я придумал не сам, а почерпнул из французских книг!».

В одной из главных антверпенских церквей я видел гробницу славного книгопечатника Плантена,¹⁰³ которая великолепно украшена посвященными ему картинами Рубенса.¹⁰⁴ Глядя на них, я думал о том, что отец Этьены¹⁰⁵ (Анри и Ребер), своими познаниями в греческом и латыни оказавшие огромные услуги французской изящной словесности, окончили жизнь в нищете и что Шарль Этьен, их преемник, сделавший в нашей литературы немногим меньше, чем они, умер в богадельне. Слышал я также о том, что Андре Дюшен,¹⁰⁶ которого можно считать автором первых трудов по истории Франции, был изгнан из Парижа нуждой закончил дни на своей маленькой ферме в Шампани; он насмерть разбит, упав с воза, груженного сеном. Не легче была и участь Адриена де Валуа,¹⁰⁷ создателя нумизматики. Сансон,¹⁰⁸ родоначальник наших географов в семьдесят лет ходил пешком по урокам, чтобы заработать себе на хлеб. Всем известна судьба Дюрье,¹⁰⁹ Тристана,¹¹⁰ Менара¹¹¹ и многих других. Умиравший Корнель не мог позволить себе даже чашки бульона. не меньше лишения терпел Лафонтен. Расин, Буало,¹¹² Мольеру, Кино¹¹³ жилось лучше лишь потому, что дарования свои они отдали на службу королю. Аббат Лонгрю,¹¹⁴ приведя и сопоставив эти печальные истории судьбах великих французских писателей, добавляет от себя: «Так сними тогда обходились в этой несчастной стране».

Знаменитый список литераторов, ¹¹⁵ которых король намеревался наградить пенсиями, составили Шаплен, ¹¹⁶ Перро, ¹¹⁷ Тальман¹¹⁸ и аббат Галлуа¹¹⁹ и затем подали его Кольберу; они не внесли в него имен тех, кого ненавидели, зато записали несколько иноземных ученых, отлично понимая, что король и министр будут весьма польщены похвалой людей, живущих в четырехстах лье Парижа.

Глава VIII

О РАБСТВЕ И СВОБОДЕ ВО ФРАНЦИИ ДО И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

У нас вошло в привычку насмеяться над каждым, кто превозносит первобытное состояние и противопоставляет его цивилизации. Хотелось бы однако, послушать, что можно возразить на такое, например, соображение: еще никто не видел у дикарей, во-первых, умалишенных, во-вторых самоубийц, в-третьих, людей, которые пожелали бы приобщиться цивилизованной жизни, тогда как многие европейцы в Капской колонии и в обеих Америках, пожив среди дикарей и возвратясь затем к своим соотечественникам, вскоре вновь уходили в леса. Попробуйте-ка без лишних слов и софизмов опровергнуть меня!

* * *

Вот в чем беда человечества, если взять цивилизованную его часть: в нравственности и политике зло определить нетрудно — это то, что приносит вред; однако о добре мы уже не можем сказать, что оно безусловно приносит пользу, ибо полезное в данную минуту может потом долго или даже всегда приносить вред.

* * *

Труд и умственные усилия людей на протяжении тридцатисорока веков привели только к тому, что триста миллионов душ, рассеянных по всему земному шару, отданы во власть трех десятков деспотов, причем большинство их невежественно и глупо, а каждым в отдельности вертит несколько негодяев, которые к тому же подчас еще и дураки. Вспомним об этом и спросим себя, что же думать нам о человечестве и чего ждать от него в будущем?

* * *

История — почти сплошная цепь ужасов. При жизни тирана эта наука не в чести, однако преемники его позволяют, чтобы злодеяния их предшественника стали известны потомству: новым деспотам надо как-то смягчить отвращение, которое вызывают они сами, а ведь единственное средство утешить народ — это внушить ему, что его предкам жилось так же худо, а то и еще хуже.

* * *

Природа наделила француза характером, роднящим его с обезьяной и с легавой. По-обезьяньи склонный к проказам, непоседливый и втайне злобный, он подл и угодлив, как охотничий пес, который лижет руку хозяина, когда тот бьет его, безропотно позволяет брать себя на сворку и скачет от радости, стоит его спустить с нее во время охоты.

* * *

В старину государственная казна именовалась «Королевской копилкой». Потом, когда доходы страны полетели на ветер, слово «копилка», утратив всякий смысл, стало вызывать краску стыда, и его заменили простым названием «Королевская казна».

* * *

Самым неопровержимым доказательством принадлежности к дворянству считается во Франции происхождение по прямой линии от одного из тех тридцати тысяч человек в шлемах, латах, наручах и набедренничьи могучие, закованные в железо кони топтали копытами семь-восемь миллионов наших безоружных предков. Вот уж что поистине дает спорное право на любовь и уважение их потомков! Эти чувства усушаются еще и тем, что дворянство

пополняется и обновляется людьми, ¹²¹ которые приумножали свои богатства, отнимая последнее у бедняка-недоимщика. Гнусные людские установления, предмет презрения ужаса! И от нас еще требуют, чтобы мы чтили их и уважали!

* * *

Капитаном первого ранга может быть лишь дворянин¹²² — вот условие не более разумное, чем, скажем, такое: матросом или юнгой может быть только королевский секретарь.¹²³

* * *

Почти во всех странах лицам недворянского происхождения возбраняется занимать видные должности. Это одна из самых вредных для общества нелепостей. Мне так и кажется, что я вижу, как ослы воспрещают людям доступ на карусели¹²⁴ и ристания.

* * *

Природа, вознамерившись создать человека добродетельного или гениального, не станет предварительно советоваться с Шереном.¹²⁵

Неважно, кто на троне — Тиберий¹²⁶ или Тит:¹²⁷ в министрах-то ходит Сеяны.¹²⁸

* * *

Если бы мыслитель, равный Тациту, написал историю наших лучших людей и перечислил там все до одного случаи произвола и злоупотребил властью, в большинстве своем преданные сейчас полному забвению, Нашлось бы мало государей, чье царствование не внушило бы нам такое же отвращения, как и времена Тиберия.

* * *

Можно с полным основанием утверждать, что правопорядок в Риме воцарился вместе со смертью Тиберия Гракха.¹²⁹ В ту минуту, когда Сцилла Назика вышел из сената, чтобы расправиться с трибуном, римляне поняли, что отныне диктовать законы на форуме будет только сила. Видно Назика, еще до Суллы,¹³⁰ открыл им эту зловещую истину.

* * *

Чтение Тацита потому так захватывает, что автор постоянно и каждый раз по-новому противопоставляет былую республиканскую вольность пришедшим ей на смену низости и рабству, сравнивая прежних Скавров, Сципионов¹³¹ и т.д. с их ничтожными потомками. Короче говоря, Тациту помогает Тит Ливий.¹³²

* * *

Короли и священники запрещают и осуждают самоубийство для того, чтобы увековечить наше рабство. Они жаждут заключить нас в тюрьму, из которой нет выхода, уподобляясь дантовскому злодею, приказавшему замуровать двери темницы, куда был брошен несчастный Уголино.¹³³

Об интересах государей написаны целые книги; об интересах государей говорят, их изучают. Но почему же никто еще не сказал, что надо изучать интересы народа?

* * *

История свободных народов — вот единственный предмет, достойный внимания историка; история народов, угнетенных деспотами, — это всего лишь сборник анекдотов.

* * *

Франция, какой она была совсем недавно, — это Турция, перенесенная в Европу. Недаром у добрых двух десятков английских писателей мы читаем: «Деспотии, как например Франция и Турция...».

* * *

Министр — это всего-навсего управитель имения, и должность его важна лишь потому, что у помещика,

его хозяина, много земли.

* * *

Вредные для государства глупости и ошибки, на которые министр толкает своего повелителя, лишь укрепляют подчас его положение: он как бы еще теснее связывает себя с монархом узами сообщничества.

* * *

Почему во Франции, даже натворив сотни глупостей, министр не лишается своей должности, но непременно теряет ее, стоит ему сделать хоть один разумный шаг?

* * *

Как ни странно, находятся люди, которые защищают деспотизм только на том основании, что он якобы способствует развитию изящных искусств. Мы даже не представляем себе, до какой степени блеск века Людовика XIV умножил число сторонников подобной точки зрения. Послушать их, так у человечества только и дела, что создавать прекрасные трагедии, комедии и т.д. Такие люди готовы простить священникам все чинимое ими зло за то лишь, что, не будь их, не было бы и «Тартюфа».

* * *

Во Франции талант и признание дают человеку столько же прав на видную должность, сколько прав быть представленной ко двору у крестьянки, которая удостоилась венка из роз.¹³⁵

* * *

Франция — это страна, где порою полезно выставлять напоказ свои пороки, но всегда опасно выказывать добродетели.

* * *

Париж — удивительный город: здесь нужно тридцать су, чтобы пообедать, четыре франка, чтобы совершить прогулку, сто луидоров, чтобы, имея все необходимое, позволить себе излишества, и четыреста луидоров, чтобы, позволяя себе излишества, иметь все необходимое.

* * *

Париж — это город наслаждений, удовольствий и т.д., где четыре пятых населения чахнет от невзгод.

* * *

К такому городу, как Париж, вполне подходит

определение, которое святая Тереса¹³⁸ дает аду: «Место, где дурно пахнет и никто никого не любит».

* * *

Можно лишь удивляться, что у столь живого и веселого народа, как наш, существует такое множество правил поведения, предписанных этикетом. Не менее поразителен и дух чопорного педантизма, который царит в наших корпорациях и учреждениях. Так и кажется, что, насаждая его, законодатели хотели создать противовес исконному легкомыслию французов.

* * *

Доподлинно известно, что когда г-н де Гибер¹³⁷ был назначен комендантом Дома инвалидов,¹³⁸ там под видом ветеранов содержалось шестьсот человек, из которых никто никогда не был ранен и почти никто не участвовал ни в одной битве или осаде; зато все они в прошлом состояли кучерами или лакеями при вельможах и сановниках. Какой пример и какой предмет для размышлений!

* * *

Во Франции не трогают поджигателей, но преследуют тех, кто, завидев пожар, бьет в набат.

* * *

Почти все обитательницы Версаля, равно как и Парижа, если, конечно, они занимают сколько-нибудь видное положение в обществе, — это всего-навсего знатные буржуазки, своего рода г-жи Накар, представленные или не представленные ко двору.

* * *

Во Франции нет больше общества, французы больше не нация по той простой причине, что корпия — уже не белье.

* * *

Как общество рассуждает, так им и управляют. Его право — говорить глупости, право министров — делать их.

Когда какая-нибудь глупость правительства получает огласку, я вспоминаю, что в Париже находится, вероятно, известное число иностранцев, и огорчаюсь: я ведь все-таки люблю свое отечество.

* * *

Англичане — единственный народ, сумевший ограничить всевластие одного человека, чье изображение уместается на самой маленькой монете.

* * *

Почему, даже томясь под игом самого гнусного деспотизма, люди все-таки обзаводятся потомством? Да потому, что у природы свои законы, более мягкие и в то же время более непререкаемые, чем все эдикты тиранов: дитя улыбается матери, кто бы ни правил страной — Тит или Домициан.¹³⁹

* * *

Один философ говаривал: «Не понимаю, как француз, хоть раз побывавший в приемной короля и в прихожей его версальской опочивальни, может называть кого бы то ни было высокой особой».

* * *

Придворные льстецы утверждают, что охота — подобие войны;¹⁴⁰ они правы, ибо крестьяне, чей урожай она губит, несомненно, находят немалое сходство между ними.

* * *

К несчастью для человечества и, видимо, к счастью для тиранов бездоленные бедняки лишены инстинкта или, если хотите, гордости, присущей слонам: те не размножаются в неволе.

Наблюдая за обществом и вечной борьбой между

богачом и бедняком, аристократом и простолюдином, человеком влиятельным и человеком безвестным, нельзя не сделать двух выводов. Во-первых, к поступкам и словам этих противников прилагаются разные мерки, их взвешивают на разных весах: одни весы показывают только фунты, другие — десятки и сотни фунтов, причем такое несоответствие принимается за нечто незыблемое, и это уже само по себе ужасно. Подобная оценка людей, освященная законом и обычаем, есть одна из самых страшных язв общества; ее одной довольно, чтобы объяснить все его пороки. Во-вторых, описанное выше неравенство влечет за собой новую несправедливость, а именно то, что фунт для бедняка, простолюдина превращается в четверть фунта, в то время как для богача, аристократа десять фунтов считаются за сто, сто за тысячу и т.д. Это естественное и неизбежное следствие их положения и общества: бедняку завидует и мешает все несметное множество тех, кто равен ему; богача, аристократа поддерживает и поощряет кучка людей ему подобных, которые становятся его сообщниками, чтобы разделить с ним выгоды его положения и добиться таких же выгод для себя.

* * *

Вот бесспорная истина: во Франции семь миллионов человек живут милостыней, а двенадцать — не в состоянии ее подать.

* * *

Дворянство, утверждают дворяне, это посредник между монархом и народом. Да, в той же мере, в какой гончая — посредница между охотником и зайцами.

* * *

Что такое кардинал? Это священник в красной мантии, которому король платит сто тысяч эку за то, что он издевается над ним от имени папы.

* * *

Большинство общественных учреждений устроено так, словно цель их — воспитывать людей, заурядно думающих и заурядно чувствующих: таким людям легче и управлять другими, и подчиняться другим.

* * *

Гражданин Виргинии, обладатель пятидесяти акров плодородной земли, платит сорок два су в наших деньгах за право мирно жить под эгидой гуманных и справедливых законов, находиться под защитой правительства, не опасаться за свое достоинство и свою собственность, пользоваться свободой личности и совести, голосовать на выборах,

быть избранным в конгресс и, следовательно, стать законодателем и т.д. Французский крестьянин из Лимузена или Сверни изнывает под бременем податей, двадцатин, всяческих повинностей, и все для того, чтобы, пока он жив, любой помощник интенданта¹⁴¹ мог оскорбить его, безвинно посадить в тюрьму и т.д., а когда умрет - его обездоленной семье достались в наследство нищета и унижения.

* * *

Северная Америка — это часть вселенной, где лучше всего знают, что такое права человека. Жители ее достойные потомки республиканцев, которые покинули родину, чтобы не подчиняться тиранам. В этой стране воспитались люди, способные победоносно противостоять даже англичанам и даже в такие времена, когда те вновь обрели свободу и создали наилучший в мире образ правления. Американская революция пойдет на пользу и Англии: она вынудит последнюю заново пересмотреть свое государственное устройство и пресечь все еще существующие злоупотребления. Но это не все: англичане, изгнанные с североамериканского материка, захватят испанские и французские владения на островах¹⁴² и насадят там свой образ правления, зиждущийся на естественном свободолюбии человека и укрепляющий в нем это чувство. Тогда на испанских и французских островах, а в особенности на латиноамериканском континенте,

ставшем ныне английским, возникнут новые государственные устройства, краеугольным камнем которых станет свобода. Таким образом, англичане присвоят себе безраздельную славу основателей почти всех свободных государств на земле — единственных государств, которые, строго говоря, достойны человека, ибо только в них соблюдены и ограждены его права. но такая революция быстро не кончится. В самом деле, сначала придется очистить огромные территории от испанцев и французов, насаждающих только рабство, а затем заселить их англичанами, призванными посеять там первые семена свободы. А когда эти семена в свою очередь принесут плоды, произойдет революция, которая изгонит и англичан из обеих Америк и со всех островов.

* * *

Англичанин чтит закон и презирает власти, а то и вовсе их не признает. Француз, напротив, чтит власти и презирает закон. Его надо научить поступать наоборот, но это почти невозможно: слишком уж беспросветно невежество, в котором держат народ, невежество, о котором нельзя забывать, восхищаясь успехами просвещения в больших городах.

* * *

«Я — все, остальные — ничто» — вот что такое

деспотизм, аристократия и приверженцы их. «Я — это мой ближний, мой ближний — это я» вот что такое народовластие и сторонники его. Выбирайте же.

* * *

Ополченец, ¹⁴³ негоциант, получивший чин королевского секретаря, крестьянин, ставший священником и проповедующий покорность произволу, сын горожанина, сделавшийся историографом, — словом, всякий, кто вышел из народа, тут же восстает против него и помогает его угнетать. Это воины Кадма:¹⁴⁴ едва успев взять в руки оружие, они уже обращают его против своих братьев.

* * *

Бедняки — это негры Европы.

* * *

Рабы подобны тем животным, которые могут существовать только в низинах, ибо задыхаются на высоте: воздух свободы убивает их.

* * *

Чтобы управлять людьми, нужна голова: для игры в шахматы мало одного добросердечия.

* * *

Бэкон учил, что человеческий разум надо сотворить заново. Точно так же надо заново сотворить и общество.

* * *

Облегчите страдания простолюдина — и вы излечите его от жестокости, как вы исцеляете его болезни, давая ему укрепляющий бульон.

* * *

Я убедился, что даже самым выдающимся людям, совершившим в своей области переворот, который кажется плодом лишь их гения, непременно способствовали благоприятные обстоятельства и весь дух времени. Каждый знает, сколько попыток найти путь в Индию было сделано до путешествия великого Васко да Гамы.¹⁴⁵ Общеизвестно, что многие мореплаватели догадывались о существовании на западе больших островов и, вероятно, целого континента задолго до того, как его открыл Колумб,¹⁴⁶ руководившийся, кстати сказать, записями одного знаменитого навигатора,¹⁴⁷ своего знакомца. Перед смертью Филипп¹⁴⁸ уже все подготовил для похода на Персию. Лютеру,¹⁴⁹ Кальвину¹⁵⁰ и даже Уиклифу¹⁵¹ в их восстании против бесчинств римско-католической церкви предшествовало множество еретических сект.

* * *

Принято считать, что Петр Великий в один прекрасный день вдруг решил преобразовать Россию. Однако сам Вольтер признает, ¹⁵² что еще отец Петра Алексей намеревался насадить в России искусства и науки. В любом деле нужно выждать, пока для него не созреют благоприятные условия. Счастлив тот, кто приходит именно тогда, когда они уже созрели.

* * *

Национальное собрание 1789 года дало французскому народу конституцию, до которой он еще не дорос. Оно должно немедленно поднять его до этой конституции, учредив разумную систему народного просвещения. Законодателям надлежит уподобиться искусному врачу: пользуясь истощенного больного, такой врач дает ему сперва лекарства, чтобы лучше варил желудок, а потом уже укрепляющий бульон.

* * *

Когда вспоминаешь, как много предрассудков было у большинства депутатов Национального собрания 1789 года, начинаешь думать, что они избавились от этих предрассудков лишь для того, чтобы тут же вновь проникнуться ими, уподобляясь

людям, которые разрушают здание только затем, чтобы присвоить его обломки.

* * *

Одна из причин, по которым корпорации или собрания принимают обычно только глупые решения, состоит в том, что при открытом обсуждении самые веские доводы за и против обсуждаемого дела или кандидата нельзя высказать вслух, не подвергая себя серьезной опасности или хотя бы большим неприятностям.

* * *

В миг сотворения мира богом хаос, пришедший в движение, несомненно казался еще более беспорядочным, чем когда он мирно пребывал в неподвижности. Точно так же обстоит дело и с нашим обществом: оно сейчас перестраивается и в нем царит неразбериха, которая со сторон должна казаться верхом беспорядка.

* * *

Придворные, да и все, кто жил за счет чудовищных злоупотреблений под бременем которых изнывала Франция, без конца повторяют, что все можно было поправить, ничего не разрушая. Послушать их, так для чистки авгиевых конюшен¹⁵³

хватит и метелочки.

* * *

И при старом режиме философ высказывал смелые истины. Однако подхватывал их кто-нибудь из тех, кто по праву рождения или в силу благоприятных обстоятельств был предназначен занимать видные места. Он разжижал эти мысли, в двадцать раз ослаблял их и приобретал репутацию человека беспокойного, но умного. Действуя с осторожностью, он добивался всего, чего хотел; философа же бросали в Бастилию. При новом режиме всего добивается уже философ. Он высказывает глубокие истины не затем, чтобы угодить в тюрьму или пробудить ум в глупце и, следовательно, помочь тому добраться до важных должностей, а затем, чтобы эти последние достались ему самому. Вот и судите, могут ли те, кого он устраняет со своей дороги, — а таких множество — примириться с новым порядком вещей!

* * *

Ну, не забавно ли, что и маркиз де Бьевр¹⁵⁴ (внук хирурга Марешаля¹⁵⁵) счел своим долгом переехать в Англию по примеру г-на де Люксембурга¹⁵⁶ и прочих вельмож, бежавших из Франции после событий 14 июля 1789 года?

Богословы, неизменно стремящиеся одурманивать людей, и пособники правителей, неизменно стремящиеся их угнетать, полагают без всяких на то оснований, будто большинство людей обречено коснеть в беспросветной тупости, ибо она — неизбежное следствие чисто механического ручного труда. Им кажется, что ремесленник неспособен усвоить знания, необходимые для того, чтобы заявить о своих человеческих и гражданских правах. Сколько раз нам твердили, что приобрести такие знания — дело очень трудное! Предположите, однако, что на просвещение низших классов начали тратить хотя бы четверть времени и сил, уходящих на то, чтобы отуплять их; что простолюдину вложили в руки не катехизис с невразумительными метафизическими бреднями, а книгу, где изложены основы прав человека и его обязанности, вытекающие из этих прав, и вы поразитесь той быстроте, с какой он усвоит их, следуя по пути, указанному ему подобным полезным учебником. Предположите также, что ему перестанут проповедовать столь удобное для угнетателей учение о необходимости терпеть, страдать, отречься от самого себя и покорствоваться и расскажут о его правах и обязанности отстаивать их, — и вы убедитесь, что природа, предназначившая человека для жизни в обществе, дала ему достаточно здравого смысла для того, чтобы сделать это общество разумным.

ДОПОЛНЕНИЯ

I

Некто, кому дама уступила раньше, чем он оказался в состоянии этим воспользоваться, попросил ее: «Не могли бы вы, сударыня, еще четверть часа хранить добродетель?».

* * *

Г-н де Пл., будучи в Англии, стал уговаривать некую молодую англичанку не выходить замуж за человека, который во всех отношениях был ниже ее. Выслушав его, девица невозмутимо ответила: «Ничего не могу поделать! Он украшает своим присутствием мою спальню».

* * *

Большинство благотворителей похожи на незадачливых генералов, которые, взяв город, забывают овладеть цитаделью.

* * *

Люди заполняют свои библиотеки книгами, а М* заполняет книги своей библиотекой. (Сказано об одном компиляторе).

* * *

С г-ном Д* Л* обошлись вопиюще несправедливо. Он рассказал об. этом г-ну Д* и спросил: «Как бы вы поступили на моем месте?». Д*, который претерпел в жизни столько обид, что стал теперь безразличным ко всему эгоистом, ответил: «В обстоятельствах, подобных вашим, сударь, я стремлюсь к тому, чтобы пищеварение у меня было исправное, язык чистый, а моча прозрачная».

* * *

Увидев, как герцогиня д'Олонн строит глазки собственному супругу, любовник ее воскликнул: «Вот ведь негодница! Только мужа мне еще не хватало» — и тут же ушел.

* * *

Старики в столицах распутнее молодежи: зрелость там всегда означает развращенность.

* * *

Некий сельский священник воззвал к прихожанам во время проповеди: «Дети мои, помолимся за владельца этого замка, который скончался в Париже от тяжких увечий». (Его там колесовали).

* * *

Определение деспотизма: такой порядок вещей, при котором высший: низок, а низший унижен.

* * *

Министры уронили престиж королевской власти, попы — престиж религии. Бог и король расплачиваются за глупость своих лакеев.

* * *

Некий доктор из Сорбонны, взбешенный книгой «Система природы»,¹⁵⁷ Объявил: «Это мерзкое, гнусное сочинение: оно доказывает, что безбожники правы».

* * *

Один остроумный человек, заметив, что два скверных шутника потешаются на его счет, сказал им: «Вы ошиблись, господа: я не дурак и не тупица, но оказался сейчас между тем и другим».

* * *

Некто закрывал глаза на беспутства своей жены; более того, всем было известно, что он не раз извлекал из них выгоду, приумножая таким путем свое

состояние. Когда жена его умерла, он всячески выказывал свою скорбь и с самым серьезным видом уверял меня: «Я с полным правом могу повторить слова, сказанные Людовиком XIV в день кончины Марии-Терезии:¹⁵⁸ “Сегодня она впервые в жизни огорчила меня”».

* * *

«М* был человек пылкого нрава, но считал себя благоразумным. Я отличалась легкомыслием, но не уверяла себя в противном, и в этом смысле была гораздо благоразумнее, чем он».

* * *

«Платят, не скупясь, только наследники», - говаривал некий врач.

* * *

Его высочество дофин, отец нынешнего короля¹⁵⁹ (Людовика XVI), страстно любил свою первую жену; она была рыжей и отличалась недостатком, обычным при таком цвете волос. Он долго не мог привыкнуть ко второй дофине и оправдывался тем, что от нее не пахнет женщиной. Ему казалось, что запах, который был присущ покойнице, — примета всего женского пола.

* * *

Г-н Д* отверг домогательства некой хорошенькой женщины, и за это муж ее возненавидел его так, словно Д* ответил на ее желания. Д* часто говаривал под общий хохот: «Черт побори, если бы он хоть понимал, как он смешон!».

* * *

Одна хорошенькая женщина сказала своему любовнику, человеку угрюмого нрава и к тому же с замашками законного супруга: «Запомните, сударь: когда вы находитесь в обществе, где присутствует мой муж, вы обязаны быть любезнее, чем он, — этого требуют приличия».

* * *

М* нередко осаждали просьбами прочесть свои стихи, и он всякий раз досадовал на это. Он уверял, что, приступая к чтению, всегда вспоминает одного фигляра с Нового моста,¹⁶⁰ который перед началом представления говорил своей обезьянке: «Ну, милый Бертран, теперь не до забав: хочешь не хочешь, а надо развлечь честную компанию».

* * *

Про М* говорили, что он тем крепче держится за своего покровителя-вельможу, чем больше низостей делает ради него. Он — точь-в-точь как плюш: цепляется за то, вокруг чего вьется.

* * *

Дурнушка, которая старательно наряжается перед тем как явиться в общество, где есть молодые и хорошенькие женщины, ведет себя на свой лад, конечно, подобно тому, кто, боясь потерпеть поражение в споре, спешит незаметно переменить его предмет. Всех интересует вопрос, которая из женщин самая красивая, а дурнушке хочется, чтобы всех занимало другое — которая из них самая богатая.

* * *

«Прости им, ибо не знают, что делают»¹⁶¹ - такой текст избрал для проповеди священник, обвенчавший семидесятилетнего д'Обинье¹⁶² с семнадцатилетней девушкой.

* * *

Мной раз меланхолия служит приметой высокой души.

* * *

Среди философов, равно как и среди монахов, встречаются люди, которые выбрали свою судьбу не по доброй воле и поэтому вечно ее клянут; другие примиряются с нею, но только немногие вполне ею довольны. Эти последние никого не призывают подражать их примеру, тогда как те, кто ненавидит свое призвание, всегда жаждут приобрести последователей.

* * *

М* привел как-то слова Попа о том, что, не будь на свете поэтов, критикам и журналистам нечего было бы есть, и, смеясь, добавил, что, не будь в Париже честных людей, полицейские шпионы умерли бы с голоду.

* * *

Некто простодушно признался другу: «Сегодня мы приговорили к смертной казни трех человек. Двое вполне ее заслужили».

* * *

Один богач сказал о бедняках: «Сколько этим мерзавцам ни отказывай, они все равно будут клянчить». То же самое могли бы сказать о придворных и многие государи.

* * *

Chi mangia facile, caccia diavole.
Il pastor romano non vuole pecora senza lana.

Кто сыт, тот и черта посрамит (итал.).

Римский пастырь (т.е. папа) стриженую овцу не жалует (итал.).

Бедность — мать всех пороков.

Не кот виноват, а служанкин недогляд.

* * *

«Духовные власти в отличие от недуховных, — говаривал М*, — называются так потому, что у них хватило духу взять и присвоить себе власть».

* * *

Г-н де* довольно долго не обращал внимания на женщин, а потом страстно влюбился. Когда друзья стали вышучивать его за холодность, которая к лицу только старикам, он ответил: «Зря стараетесь. Еще недавно я действительно был стар, а сейчас опять помолодел».

* * *

Даже благодарность может быть неизменной.

* * *

В собрании нотаблей¹⁶³ (1787) зашла речь о правах, которые следует предоставить интендантам в провинциальных собраниях, и некое влиятельное лицо весьма склонялось к тому, чтобы эти права расширить. Тогда кое-кто прибег к заступничеству одного умного человека, дружившего с названным выше лицом. Тот обещал помочь и преуспел в своем намерении. Когда его спросили, как ему это удалось, он ответил: «Я, конечно, не стал распространяться о злоупотреблениях и тиранстве интендантов. Но, как вы знаете, мой друг прямо помешан на дворянских привилегиях. Вот я ему и сказал, что даже весьма родовитые люди вынуждены титуловать интендантов „монсеньерами”.¹⁶⁴ Он нашел, что это чудовищно, и стал на нашу сторону».

* * *

Когда герцог де Ришелье¹⁶⁵ был принят в Академию, многие начали похваливать его вступительную речь. Однажды в многолюдном обществе герцога стали уверять, что тон этой речи безупречен, полон изящества, легкости и отличается такой приятностью, какая не свойственна заправским литераторам, хотя пишут они, быть может, и правильней, чем герцог. «Благодарю вас, господа, — ответил молодой вельможа, — я глубоко ценю ваши

похвалы. Мне остается лишь сообщить вам, что речь мне составил господин Руа, ¹⁶⁶ и я не премину поздравить его с тем, что тон у него подлинно придворный».

* * *

Аббата Трюбле¹⁶⁷ спросили, сколько времени он тратит на каждую новую книгу. «А это смотря по тому, с кем я встречаюсь, когда пишу», ответил он.

* * *

Можно составить списочек под таким заглавием: «Пороки, необходимые для успеха в хорошем обществе». Не худо прибавить к нему и другой: «Посредственные достоинства, годные для той же цели».

* * *

Некий житель провинции, попав на королевскую мессу, сильно докучал своему соседу вопросами.

— Кто вон та дама?

— Королева.

— А эта?

— Мадам.¹⁶⁸

— А вон та?

— Графиня д'Артуа.¹⁶⁹

— А вон эта?

— А это покойная королева, потеряв терпение, отрезал обитатель Версаля.

* * *

Маленькая девочка спрашивает М*, автора сочинения об Италии:

— Вы вправду написали книгу об Италии?

— Да, написал.

— И вы там были?

— Разумеется.

— А книгу вы написали до поездки или после?

* * *

Богиня мудрости Минерва, которая отбрасывает флейту, ¹⁷⁰ ибо видит, что этот инструмент ей не к лицу, — вот поистине прекрасная аллегория.

Вот другая, не менее прекрасная: вещи сны вылетают через роговые ворота, а сны лживые, т.е. приятные заблуждения, через ворота из слоновой кости.¹⁷¹

* * *

Некий острослов сказал о М*, своем бывшем друге, который вновь сблизился с ним, едва он

разбогател: «Этот человек не просто хочет, чтобы его друзья были счастливы. — он этого требует».

* * *

Любовь, замечает Плутарх, заставляет умолкнуть все другие страсти. Это диктатор, перед которым склоняются остальные владыки.

* * *

Кто-то в присутствии М* стал поносить платоническую любовь за то, что она лишь бесцельно дразнит воображение. «А вот я этого не боюсь, возразил он. — Когда женщина нравится мне и вид ее преисполняет меня счастьем, я смело отдаюсь чувствам, которые она мне внушает, ибо знаю, что не дал бы им волю, если бы она не подходила мне. Мое воображение — это обойщик, которого я только тогда посылаю мебелировать для меня помещение, когда вижу, что мне будет в нем удобно; в ином случае я никаких приказаний ему не отдаю. Зачем лишний раз платить по счету?».

* * *

«Когда я узнал о неверности г-жи де Б*, — признавался мне г-н де Л*, — я, несмотря на все свое горе, сразу понял, что больше не люблю ее и что чувство мое к ней навсегда исчезло. В ту минуту я

был похож на охотника, который слышит в поле шум крыльев вспугнутой и улетающей куропатки».

* * *

Вы удивляетесь, сударь, почему г-н де Л* ездит к гже де Д*? Дело, в том, что г-н де Л* влюблен в г-жу де Д*, а ведь вы знаете: он женщина — это порою тот промежуточный оттенок, который сочетает или, вернее сказать, примиряет два противоположных, контрастных цвета.

* * *

Кто-то сравнил неумелого благотворителя с козой, которая сперва дает себя подоить, а потом, по безмозглости своей, опрокидывает копытом подойник.

* * *

Не успевает этот человек утратить одну иллюзию, как воображение же награждает его другою: он словно тот розовым куст, который в цвету круглый год.

* * *

М* уверял, что больше всего на свете любит покой, тишину и полутьму. «То есть комнату больного?», - спросили его.

* * *

«Вчера вы не слишком-то старались поддержать разговор с господами такими-то», — упрекнули М*, человека, умеющего блистать в свете. Вспомните голландскую поговорку: „Не поскопидомничаешь — и гроша не сбережешь”», - отпарировал он.

* * *

Сама по себе женщина — пустое место: она лишь то, чем кажется мужчине, мысли которого заняты ею. Вот почему она так ненавидит людей, не склонных считать ее тем, чем она жаждет казаться: они как бы превращают ее в ничто. Мужчина относится к подобным вещам гораздо спокойнее: он всегда остается самим собой.

* * *

Величие души помогло ему сделать первые шаги на пути к карьере, оно же отвратило его от нее.

* * *

М*, старый холостяк, любил повторять в шутку, что брак — слишком совершенное состояние для несовершенного человека.

* * *

Г-жа де Фурк... то и дело твердила своей компаньонке: «Никогда-то вы не умеете подсказать мне, что для меня хорошо, а что плохо, никогда вовремя ни о чем не предупредите. Вот вы даже неспособны угадать, когда вероятнее всего умрет мой муж. А ведь это будет страшный удар! Значит, я должна быть заранее... » и т.д.

* * *

У г-на д'Омона¹⁷² где-то в провинции скончалась жена. Не прошло и трех дней после ее смерти, а он уже сидел в чье-то гостиная за картами.

— Д'Омон, — говорят ему, — это неприлично. Нельзя же играть в карты через день после смерти жены!

— Ба! — отмахивается он. — Я еще не получил уведомления о ее кончине.

— Все равно, это нехорошо.

— Полно! Я же играю по маленькой.

* * *

«Сочинитель, — говаривал Дидро, ¹⁷² — может завести себе любовницу, которая умеет состряпать книгу, но жена его должна уметь состряпать обед».

* * *

Некий врач предложил г-ну де* сделать ему фонтанель, ¹⁷⁴ но тот не согласился. Прошло несколько месяцев, и больной поправился. Врач встретил его и, видя, что он в добром здравии, спросил, какое лекарства он принимал. «Никакого, — ответил де *. — Просто я все лето ел за двоих, завел себе любовницу и воспрянул духом. Но подходит зима, и я боюсь, как бы у меня снова не загноились глаза. Как вы считаете, не прибегнуть ли мне к фонтанели?». - «Нет, с важным видом возразил врач. — У вас есть любовница, этого довольно. Конечно, было бы разумнее бросить ее и сделать себе фонтанель, но вы, вероятно, обойдетесь и одной вашей пиявкой».

* * *

Некто, кому надоела жизнь, сказал, умирая: «Ну и шутку же я сыграл с доктором Буваром!»¹⁷⁵

* * *

Прелюбопытная, однако, вещь власть условностей. г-н де Ла Тремуйль, ¹⁷⁸ который жил врозь с женой, не любил ее и не уважал, внезапно узнает, что у нее оспа. Он не выходит из ее комнаты, подхватывает заразу и умирает, оставив ей изрядное состояние с правом вторично выйти замуж.

* * *

Бывает излишняя скромность, которая объясняется наивностью и подчас вредит даже людям недюжинным, препятствуя им выбиться из неизвестности. По этому поводу мне вспоминается фраза, брошенная во время завтрака в обществе придворных человеком признанного таланта: «Ах, господи, как мне жаль, что я так долго не понимал, насколько больше я стою, чем вы!».

* * *

Завоеватель всегда будет слыть первым среди людей, равно как и лев почитаться царем зверей. Возвратясь из путешествия по Сицилии, М* стал однажды опровергать ошибочное мнение о том, что чем дальше едешь в глубь страны, тем больше встречаешь нордов. Дабы подкрепить свое утверждение, М* добавил, что, где бы он ни бывал, всюду говорили: «В наших краях разбойников не водится». Тогда г-н Б*, мизантроп и насмешник, вставил: «Вот уж и Париже вам этого не скажут!».

Все знают, что в Париже есть воры, которые отлично известны полиции и даже, можно сказать, открыто признаны ею. Эти воры оказывают ей всяческие услуги, а порой выдают ей своих же товарищей. Как-то раз начальник полиции велел призвать нескольких мошенников и объявил им:

— Такого-то числа в таком-то квартале совершена такая-то кража.

— В котором часу?

— В два часа пополудни.

— Сударь, это не наша работа, и мы не в ответе.

Тут, должно быть, орудовали молодцы с ярмарки.

* * *

Вот отличная турецкая пословица: «Благословляю тебя, беда, если ты пришла одна».

* * *

Итальянцы говорят: *Sotto umbilico lie religione, ne verita*. («Нужда закона не знает», буквально «Под пупом нет ни религии, ни правды» (итал)).

* * *

Сияясь оправдать божественный промысел, блаженный Августин утверждает, ¹⁷⁷ будто провидение не наказует грешника смертью для того, чтобы он сделался праведником или чтобы, глядя на его дела, праведник стал еще праведнее.

* * *

Люди так развращены, что не только надежду, но даже простое желание исправить их, сделать

разумными и добрыми, следует считать нелепостью, пустыми мечтами, которые можно простить лишь простодушным зеленым юнцам.

* * *

«Я потерял вкус к людскому обществу», - сказал г-н де Л*. «Вовсе вы не потеряли вкус», - возразил ему г-н де Н*. Он сказал так не из желания поспорить, а из мизантропии: на его взгляд, у де Л* только теперь и стал хороший вкус.

* * *

М* старик, давно утративший всякие иллюзии, говаривал мне: «Остаток моей жизни кажется мне наполовину выжатым лимоном. Я продолжаю выжимать его, а зачем — и сам не знаю: из него вытекает такой сок, что, право, не стоит стараться».

* * *

Говорят, французский язык стремится к ясности. «Это верно, — заметил М*. — Мы всегда особенно стремимся к тому, в чем больше всего нуждаемся. Стоит обойтись с этим языком не слишком ловко, как он немедленно становится темным».

* * *

Человек, наделенный воображением, поэт, обязательно должен верить в бога.

Ab Jove principium Musae, ¹⁷⁸

или, что то же самое:

Ab Jove Musarum primordia.

«Муза — Юпитера чадо» (лат.).

* * *

«Стихи - как оливки, — говаривал М* — Всегда дай им вылежаться».

* * *

Люди глупые, невежественные и бесчестные черпают в книгах новые и разумные мысли, возвышенные и благородные чувства, подобно тому как богачка едет в лавку суконщика и за звонкую монету покупает там себе наряды.

* * *

М* говорил, что ученые — это мостильщики храма Славы.

М* — истый педант, помешанный на греках: по любому поводу он вспоминает древних. Заговорите

с ним об аббате Терре, и он тут же расскажет об Аристиде. генеральном контролере финансов у афинян.

* * *

Одному литератору предложили коллекцию номеров «Меркюр»¹⁷⁹ по три су за том. «Подожду, пока подешевеет», — ответил он.

ХАРАКТЕРЫ АНЕКДОТЫ

Наш век породил восемь великих комедианток — четырех актрис четырех светских дам. Первые четыре — это м-ль Данжевиль, ¹ м-ль Дюмениль, ² м-ль Клером³ и г-жа Сент-Юберти⁴ вторые — г-жи де Монтессон, ⁵ де Жанлис, ⁶ Неккер⁷ и д'Анживилье.⁸

* * *

М* говаривал мне: «Источник всякого наслаждения я по необходимости ищу в самом себе, то есть исключительно в деятельности собственного рассудка. Природа вложила в человеческий мозг небольшой шарик, именуемый мозжечком и как бы играющий роль зеркала:⁹ с его помощью человек по мере сил то в увеличенном, то в уменьшенном виде то в целом, то в частностях воспроизводит для себя предметы внешнего мира и даже порождения собственной мысли. Это волшебный фонарь который

показывает человеку — своему владельцу — сцены, где тот выступает как актер и зритель одновременно. Здесь — весь человек, здесь его царство; все остальное ему чуждо».

* * *

«Сегодня, пятнадцатого марта тысяча семьсот восемьдесят второго года, — заметил г-н де*, — я совершил доброе дело довольно редкое свойства: утешил человека порядочного, преисполненного добродетелей обладающего ста тысячами ливров ренты, знатным именем, отменным здоровьем, острым умом и т.д. А я беден, живу в неизвестности к тому же болен».

* * *

Известно, с какой фанатической речью против возвращения протестантов¹⁰ обратился к королю епископ Дольский. Он говорил от имени всего духовенства. Когда же епископ Сен-Польский спросил его, почему он высказался от имени своих собратий, не посоветовавшись предварительно с ними, тот ответил: «Я посоветовался со своим распятием». — «В таком деле, — отпарировал епископ Сен-Польский, — вам следовало дословно повторить то, что вы от него услышали».

* * *

Факт, засвидетельствованный очевидцами: Мадам, дочь короля, ¹¹ играя с одной из своих нянек, случайно взглянула на ее руку и машинально сосчитала пальцы. «Как! — удивленно вскричала девочка. — У вас тоже пять пальцев?». И, чтобы проверить себя, пересчитала их еще раз.

* * *

Однажды маршал Ришелье¹² посоветовал Людовику XV взять в любовницы не помню уж какую знатную даму. Король отказался, заявив: «Слишком дорого придется заплатить, чтобы потом отделаться от нее».

* * *

В 1738 г. г-н де Трессан¹³ сочинил сатирические куплеты на герцога де Нивернуа.¹⁴ В 1780 г., добиваясь избрания в Академию, он явился к нему с визитом. Герцог принял гостя чрезвычайно любезно, поговорил об успехе его последних сочинений и распрощался с ним, всячески его обнадежив. Однако, когда г-н де Трессан уже садился в экипаж, хозяин сказал: «Прощайте, граф. Поздравляю вас с потерей памяти».

* * *

Однажды маршал де Бирон¹⁵ опасно занемог; решив исповедаться, он сказал в присутствии друзей: «Мой долг перед богом, мой долг перед королем, мой долг перед государством...». «Замолчим — прервал его кто-то из друзей, — или умрешь несостоятельным должником».

* * *

Дюкло¹⁶ имел привычку без конца употреблять на заседаниях Академии слова «д... » и «нас... ». Аббат де Ренель, ¹⁷ которого за длинное лицо прозвали «Неядовитым змеем», заметил: «Вы, кажется, забыли. сударь, что Академия позволяет употреблять лишь те выражения, что включены в ее словарь».

* * *

Г-н де Л*, беседуя со своим другом де Б*, человеком весьма достойным, но ославленным молвой, стал пересказывать ему слухи и сплетня. которые ходили на его счет. г-н де Б* холодно ответил: «Кому и судить человека моего закала, как не светской черни, этой безмозглой шлюхе!».

* * *

М* говаривал мне: «Я изучил женщин всех наций. Итальянка верит, что ее по-настоящему любят, если

ради нее поклонник готов на преступление; англичанка — если он готов на безрассудство; француженка — если готов на глупость».

* * *

Дюкло сказал о каком-то подлеце, сумевшем сделать карьеру: «Ему плюнут в лицо, разотрут плевком ногой, и он еще благодарить будет».

* * *

Как-то Даламбер, ¹⁸ уже стяжавший тогда широкую известность, был у г-жи дю Деффан¹⁹ вместе с президентом Эно²⁰ и г-ном де Пон де Вейлем.²¹ Приходит врач по имени Фурнье и еще с порога обращается к хозяйке: «Сударыня, имею честь засвидетельствовать вам свое низжайшее почтение»; после этого он поворачивается к президенту: «Имею честь приветствовать вас, сударь»; затем здоровается с г-ном де Пон де Вейлем: «Сударь, ваш покорный слуга» — и, наконец, бросает Даламберу: «Добрый день, сударь».

* * *

Некто целых 30 лет проводил вечера у г-жи де*. Затем он овдовел. Все думали, что теперь он женится на ней, и всячески ему это советовали. Но он отказался, заявив: «Где же я стану тогда проводить

вечера?».

* * *

Г-жа де Тансен, ²² несмотря на свои располагающие манеры, была женщина коварная и в полном смысле слова способная на все. Однажды, услышав, как ее хвалят за приятное обхождение, аббат Трюбле²³ заметил: «О да! Если ей потребуется вас отравить, она выберет самый приятный яд».

* * *

Г-н де Бройль, ²⁴ ценивший в людях лишь военные таланты, как-то сказал: «У этого Вольтера, ²⁵ которого все так превозносят, а я и в грош не ставлю, есть все же один хороший стих:

Кто первый был монарх? Удачливый солдат».

* * *

Г-н* высказался о какой-то книге; с ним заспорили, ссылаясь на то, что публика держится на этот счет другого мнения. «Публика! Публика! — воскликнул он. Сколько нужна глупцов, чтобы составить публику?».

* * *

Г-н д'Аржансон²⁶ в разговоре с любовником своей жены, графом де Себуром, сказал: «У меня есть для вас два подходящих места: должность коменданта или Бастилии, или Дома инвалидов.²⁷ Если дать вам Бастилию, все решат, что туда вас упрятал я; если Дом инвалидов, все подумают, что туда вас упрятала моя жена».

* * *

Принц Конде²⁸ как-то рассказывал мне об одной медали, некогда принадлежавшей ему. Он очень сожалел, что лишился ее. На лицевой ее стороне выбит профиль Людовика XIII с обычной надписью: «Rex Franc et Nav.»; («Король Франции и Наварры» (лат.)) на оборотной — профиль кардинала Ришелье,²⁹ окруженный словами: «Nil sine consilio.» («Не действуй, не посоветовавшись» (лат.))

* * *

М*, прочитав письмо святого Иеронима,³⁰ где тот необычайно выразительно описывает силу одолевавших его плотских искушений, заметил не без зависти: «Будь я способен на подобное неистовство страстей, меня не устрасило бы никакое покаяние».

* * *

М* говаривал: «В женщинах хорошо лишь то, что

в них самое лучшее».

* * *

Принцесса де Марсан, ³¹ ныне столь богомольная, когда-то была в связи с г-ном де Бисси³² и сняла для него на улице Плюме небольшой домик. Однажды она приехала туда, когда любовник ее был занят там с девицами легкого поведения. Он велел не впускать принцессу. Тем временем фруктовщицы с Севрской улицы столпились вокруг ее кареты, приговаривая: «Вот срам! Он не впускает в дом принцессу, которая за все платит, а сам отоцает потаскушек даровым ужином».

* * *

Один человек, прельщенный саном священника, говорил: «Я должен стать священником, даже если это будет стоить мне спасения души».

* * *

Некто с ног до головы в трауре — большие плерезы, черный парик, вытянутое лицо — встречает своего друга. «О боже) — питается тот. Какую потерю вы понесли?». — «Никакой. — отвечает наш печальник. — Просто я овдовел».

* * *

Г-жа де Бассомпьер, ³³ живя при дворе короля Станислава, ³⁴ открыто состояла в связи с г-ном де Ла Галезьером, ³⁵ канцлером польского короля. В один прекрасный день король явился к ней и позволил себе кое-какие вольности, не увенчавшиеся, однако, успехом. «Я умолкаю, — объявил тогда Станислав. Остальное доскажет вам мой канцлер».

* * *

В прежнее время «королевский» пирог³⁵ разрезали до начала еды. Как-то раз «королем» выпало быть г-ну де Фонтенелю.³⁷ Он почему-то медлил и не оделял остальных поставленным перед ним отменным кушаньем. «Король забывает своих подданных», - упрекнули его. «Вот так всегда у нас, королей», - отозвался он.

* * *

Недели за две до покушения Дамьена³⁸ один купец из Прованса попал проездом в маленький городок в шести лье от Лиана; он остановился на постоялом дворе и услышал, как в соседнем комнате, за тонком перегородкой, кто-то объявил, что некий Дамьен намерен убить короля. Прибыв в Париж, коммерсант отправился к г-ну Беррье, ³⁹ но не застал его и письменно изложил все, что слышал; затем он вторично явился к г-ну Беррье и рассказал, кто он

такой. После этого он уехал к себе в провинцию, но не успел еще добраться до дому, как произошло покушение. Г-н Беррье, сообразив, что коммерсант не станет молчать и что допущенный им, Беррье, промах погубит его, выслал на лионскую дорогу наряд полиции во главе с офицером. Купца схватили, заткнули ему кляпом рот, доставили его в Париж и бросили в Бастилию, где он томился целых 18 лет. г-н де Мальзерб,⁴⁰ в 1775 г. вызволивший оттуда многих узников, в первом порыве негодования дал этой истории огласку.

* * *

Будучи послом в Вене, кардинал де Роган⁴¹ был однажды арестован за долги. Потом, вернувшись в Париж, он занимал должность великого попечителя бедных. Как-то раз он отправился в Шатле,⁴² чтобы по случаю рождения дофина освободить нескольких узников. Прохожий, увидев у тюрьмы шумную толпу, осведомился, что произошло. Ему ответили, что народ сбежался взглянуть на кардинала де Рогана, только что прибывшего в Шатле. «Неужто его опять посадили?», - изумился простак.

* * *

Г-н де Рокмон, супруга которого славилась своими любовными похождениями, раз в месяц ночевал у нее в спальне, чтобы пресечь пересуды в случае, если она забеременеет. Утром, уходя, он

объявлял: «Я вспахал поле, а уж засевают пусть другие».

* * *

На г-на де* обрушилось столько бед, что здоровье его пошатнулось и он никак не мог его восстановить. По этому поводу он говаривал: «Пусть мне покажут реку забвения, и я обрету источник юности».

* * *

Некий молодой человек, отличавшийся чувствительным сердцем и порядочностью в любовных делах, навлек на себя насмешки распутников, которые принялись потешаться над его сентиментальностью. «Виноват ли я, — простодушно возразил он, — что предпочитаю любимых мною женщин нелюбимым?».

* * *

Во Французской академии собирали на что-то деньги. При подсчете нехватило не то шестифранкового экю, не то луидора, и одного из академиков, известного своей скупостью, заподозрили в том, что он уклонился от пожертвования. Тот стал уверять, что положил деньги, и сборщик сказал: «Я этого не видел, но верю этому». Конец пререканиям положил Фонтенель,

заявив: «Я это видел, но не верю глазам своим».

* * *

Аббат Мори, ⁴³ приехав к кардиналу де Ла Рош-Эмону, ⁴⁴ только что возвратившемуся со съезда духовенства, застал прелата в дурном расположении духа. Гость осведомился о причинах этого. «У меня их достаточное — ответил старик кардинал. Во-первых, мне пришлось председательствовать на собрании духовных лиц, которое прошло из рук вон плохо; во-вторых, в нем участвовали молодые представители нашего сословия, вроде аббата де Ла Люзерна, ⁴⁵ а им, извольте ли видеть, для любого дела нужны разумные основания».

* * *

Аббат Рейналь, ⁴⁶ будучи еще молод и беден, подрядился служить где-то обедню за двадцать су в день. Став побогаче, он уступил эту должность аббату де Ла Порту, ⁴⁷ удержав в свою пользу восемь су из двадцати. Де Ла Порт, выбившись из нужды, в свой черед переуступил место аббату Динуару, ⁴⁸ с которого уговорился взыскивать четыре су, не считая доли Рейналя, так что эта убогая, отягощенная двумя рентами обедня приносила Динуару всего восемь су в день.

* * *

Некий епископ города Сен-Бриё, произнося поминальную речь по Марии-Терезии,⁴⁹ отменно ловко обошел вопрос о разделе Польши.⁵⁰ «Поскольку Франция не сказала свое слово при этом разделе, — объявил он, — я последую ее примеру и также не скажу о нем ни слова».

* * *

Когда милорд Мальборо⁵¹ находился в траншее с одним из друзей и своим юным племянником, пушечное ядро внезапно снесло череп этому другу и мозг его брызнул в лицо молодому человеку. Тот в ужасе попятился, и бесстрашный Мальборо спросил: «Что я вижу, сударь? Вы как будто удивлены?». — «Да, — ответил юноша, утираясь. — Меня удивляет, как это человек с таким количеством мозга мог так безрассудно и бесцельно подвергать себя подобной опасности».

* * *

Герцогиня Мэнская⁵² долго хворала и, наскучив этим, принялась упрекать своего врача: «Зачем было обречать меня на жизнь в этом замке, где нет ни души?». - «Помилуйте, ваше высочество, ведь у вас здесь добрых сорок человек наберется». — «Ну и что же? Разве вам не известно, что принцессе полагается сорок-пятьдесят душ прислуги?».

* * *

Когда граф д'Артуа⁵³ оскорбил герцогиню Бурбонскую и брат ее, герцог Шартрский, ⁵⁴ узнал об этом, он воскликнул: «Как хорошо, что я не отец и не муж!».

* * *

Однажды, когда в Академии шел какой-то бурный спор, г-н де Меран⁵⁵ предложил: «Господа, а что если мы попробуем говорить не больше чем по четыре человека сразу?».

* * *

Когда графу Мирабо, ⁵⁶ человеку весьма уродливой внешности, но блестящего ума, вчинили иск об увозе и совращении, он решил сам защищать себя в суде. «Господа, — заявил он, — меня обвиняют в совращении. В качестве единственного ответа и оправдания я прошу присовокупить к делу мой портрет». И так как секретарь суда ничего не понял, судья пояснил ему: «Болван, посмотри же на лицо этого господина!».

* * *

М* говаривал мне: «Я не нашел предмета для

подлинного чувства и поэтому стал смотреть на любовь, как смотрят все. Я избрал этот путь за неимением лучшего, подобно человеку, который решил поехать в театр и, не достав места на „Ифигению”,⁵⁷ отправился в „Забавное варьете”». ⁵⁸

Г-жа де Брионн порвала связь с кардиналом де Роганом из-за герцога де Шуазеля:⁵⁹ кардинал требовал, чтобы она рассталась с ним, г-жа де Брионн не соглашалась. Произошла бурная сцена, и под конец г-жа де Брионн пригрозила, что велит вышвырнуть кардинала в окно. «Ну что ж, — ответил он, — я могу и выйти тем же путем, каким столько раз входил к вам».

* * *

Герцог де Шуазель узнал о своей опале в ту минуту, когда сидел за карточным столом Людовика XV. г-н де Шовлен,⁶⁰ также принимавший участие в игре, объявил королю, что не может ее продолжать, так как играл в паре с герцогом. «А вы напишите ему и спросите, не согласен ли он закончить партию», — отозвался король. Де Шовлен действительно написал в Шантелу, и герцог дал согласие. Через месяц король поинтересовался, подсчитан ли уже выигрыш. «Да, — ответил де Шовлен. — Господин де Шуазель выиграл три тысячи луидоров». — «Вот как! Очень рад. отошлите же ему скорее эти деньги», —

воскликнул король.

* * *

«Любовь, — говорил М*, — должна быть отрадой лишь утонченных натур. Когда я вижу, что ею занимаются люди пошлые, меня так и подмывает крикнуть: „Куда вы лезете? Для такой сволочи, как вы, существуют карты, еда, карьера!».

* * *

Не расхваливайте при мне характер Н*: это человек суровый и неумолимый, который спирается на свои холодные принципы, как бронзовая статуя на мраморный пьедестал.

* * *

«Знаете ли Вы, — говорил мне г-н де*, — почему у нас во Франции молодые люди честнее тех, кому перевалило за тридцать? Причина проста: только к этому возрасту мы избываем иллюзии, сознаем, что в нашей стране можно быть либо молотом, либо наковальней, и ясно видим непоправимость бедствий, под бременем которых стонет нация. До тридцати лет мы похожи на всех, которые охраняют хозяйский обед от других собак; после тридцати мы, как и прочие собаки, стараемся лишь урвать себе долю из этого обеда».

* * *

Г-жа де Б*, женщина весьма влиятельная, тем не менее не смогла ничего сделать для своего любовника де Д*: он был слишком бездарен. Тогда она вышла за него замуж. На роль любовника годен лишь тот, кого не стыдно показать людям; в роли мужа сойдет всякий.

* * *

Граф д'Орсе, ⁶¹ сын откупщика, известный своим неумеренным стремлением во всем походить на знатного человека, как-то раз вместе с г-ном де Шуазель-Гуффье⁶² явился к купеческому старшине.⁶³ Спутник его пришел туда хлопотать о снижении сильно увеличенной подушной подати, сам же он пожаловался на то, что подать ему значительно уменьшили: он усматривал в этом посягательство на свое дворянское достоинство.

* * *

Об аббате Арно, ⁶⁴ который очень не любит пересказывать всякие сплетни, отзывались так: «Он говорит много, но не потому, что он болтун, а потому, что, когда все время говоришь, сплетничать некогда».

* * *

Г-н д'Отре говорил о г-не де Хименесе:⁶⁶ «Он из тех, кто предпочитает дождь хорошей погоде и, услышав соловья, бурчит: „Ах, поганая птица!“».

* * *

Царь Петр I, будучи в Спитхеде, ⁶⁷ пожелал посмотреть, что за штука килевание которому подвергают провинившихся матросов; однако в порту не нашлось никого, кто заслуживал бы подобного наказания. «Возьмите кого-нибудь из моих людей», - предложил Петр. «Государь, — возразили ему, — ваши люди находятся в Англии — следовательно, под защитой закона».

* * *

Г-н де Вокансон⁶⁹ оказался однажды предметом исключительного внимания со стороны иностранного государя, хотя в том же обществе находился и Вольтер. Смущенный и сконфуженный тем, что его коронованный собеседник ни разу не обратился к Вольтеру, де Вокансон подошел к философу и сказал: «Вот что я услышал сейчас от его величества» (последовал очень лестный для Вольтера комплимент). Тот оценил деликатность де Бока неона и ответил: «Как! Вы заставили его произнести такие слова? Узнаю ваш талант)».

Перед покушением Дамьена на Людовика XV г-н д'Аржансон состоял в открытой вражде с г-жой де Помпадур.⁷⁰ Через день после ранения король призвал д'Аржансона и отдал ему приказ удалить маркизу от двора. Д'Аржансон повел себя как истинный царедворец. Отлично понимая, что рана Людовика неопасна, он сообразил, что, поуспокоившись, король непременно вернет маркизу. Поэтому он ответил, что передавать ей такое повеление через ее врача — чрезмерная жестокость: маркиза и без того имела несчастье навлечь на себя неудовольствие королевы. Затем он убедил короля возложить эту миссию на г-на де Машо,⁷¹ поскольку тот — друг маркизы и его участие смягчит столь жестокий удар. Это поручение погубило де Машо. Но тот же д'Аржансон, которого ловкий его маневр примирил с г-жой де Помпадур, совершил поистине ребяческую ошибку, злоупотребив своей победой: когда, вернув эту свою дружбу, маркиза готова была повергнуть всю Францию к его ногам, он позволил себе злословить о ней.

Когда г-жа Дюбарри⁷² и герцог д'Эгийон⁷³ добились отставки де Шуазеля, должности его некоторое время оставались незанятыми. Так как король не соглашался отдать д'Эгийону министерство

иностранных дел, принц Конде хлопотал о назначении на этот пост де Верженна,⁷⁴ с которым познакомился в Бургундии, а г-жа Дюбарри интриговала в пользу преданного ей кардинала де Рогана. Герцог д'Эгийон, ее тогдашний любовник, решил отделаться от обоих претендентов и устроил так, что г-н де Верженн, всеми забытый и прозябавший в своем поместье, стал послом в Швеции, а кардинал де Роган, тогда еще просто принц Луи, — послом в Вене.

* * *

«Мои взгляды и принципы хороши отнюдь не для всех. Они — вроде порошков Айо⁷⁵ и кое-каких других лекарств, приносящих только вред тем, кто слаб здоровьем, но очень полезных людям крепкого сложения», — сказал однажды М* чтобы избежать знакомства с де Ж*, молодым придворным, с которым его хотели свести.

* * *

Я был свидетелем того, каким уважением пользовался под старость г-н де Фонсемань.⁷⁶ Однако как-то раз мне случилось заподозрить его в неискренности, и я поинтересовался у г-на Сорена,⁷⁷ не был ли он и прежде на коротке с Фонсеманем. Сорен ответил, что был. Тогда я стал выпытывать, не имел ли он против него что-нибудь в прошлом. Сорен подумал и возразил: «Он уже давно

порядочный человек». Больше я ничего из него не вытянул, если не считать замечания о том, что г-н де Фонсемань в былое время вел себя слишком уж хитроумно и уклончиво в каких-то делах денежного свойства.

* * *

Когда во время битвы при Року⁷⁸ д'Аржансону доложили, что как раз позади того места, где находились они с королем, выстрелом из пушки ранило обозника, он воскликнул: «Вот увидите, этот мерзавец даже не окажет нам чести умереть от раны!».

* * *

В дни поражений под Турином, Уденардом, Мальплаке, Рамильи и Гохштедтом,⁷⁹ омрачавших конец царствования Людовика XIV, даже самые порядочные люди при дворе повторяли: «Зато король чувствует себя хорошо, а это главное».

* * *

Когда после занятия Гренады граф д'Этен⁸⁰ впервые представлялся королеве,⁸¹ он приковылял во дворец на костылях в сопровождении столь же израненных офицеров. Королева же не нашла ничего лучшего, как спросить его: «Довольны ли вы

маленьким Лабордом, ⁸² граф?».

* * *

М* говаривал.: «В свете я видел только, как люди обедают, не чувствуя аппетита, ужинают, не испытывая удовольствия, беседуют, не выказывая доверия, водят знакомства, не дружась, и сожительствуют, не любя».

* * *

Когда кюре Церкви святого Сульпиция⁸³ навестил г-жу де Мазарини⁸⁴ во время ее предсмертной болезни, дабы дать ей кое-какие наставления, она встретила его такими словами: «А, господин кюре! Счастлива видеть вас. Должна сказать, что масло „Младенца Иисуса” стало гораздо хуже, чем раньше. Вам надлежит навести порядок: „Младенец Иисус” находится в ведении нашей церкви».

* * *

Когда г-н Р*, мизантроп и насмешник, представил мне одного своего молодого знакомца, я сказал ему: «Ваш приятель-новичок в свете и рапным счетом ничего о нем не знает». — «Вы правы, — согласился г-н Р*, — тем не менее он так сумрачен, словно уже знает о нем все».

* * *

М* говаривал, что люди разумные, проницательные и способные воспринимать вещи такими, как они есть, при взгляде на общество неизменно преисполняются горечью. Поэтому совершенно необходимо уметь подмечать во всем смешную сторону и видеть в человеке лишь картонного паяца, а в обществе — подставку, на которой он прыгает. При этом условии картина совершенно меняется: сословный дух, тщеславие, присущее лицам всех званий, всевозможные оттенки его у разных людей, всяческие плутни и т.д. — все становится забавным, и мы перестаем портить себе кровь.

* * *

«Человек выдающийся, — утверждал М*, — лишь с трудом сохраняет свое положение в свете, если оно не подкреплено титулом, саном, богатством; напротив, тот, у кого есть эти преимущества, удерживается на поверхности как бы помимо своей воли. Между ними такая же разница, как между тем, кто плышет сам, и тем, на ком надет спасательный пояс».

* * *

М* признавался мне: «Я раззнакомился с двумя

людьми: один никогда не говорил мне о себе; другой никогда не говорил со мной обо мне».

* * *

У него же спросили, почему губернаторы провинции роскошествуют больше, чем король. «По той же причине, — ответил он, — по какой захолустные комедианты ломаются больше, чем столичные».

* * *

Некий священник-лигер⁸⁵ избрал темой своей проповеди слова: «Eripe nos, Domino, a Into foecis», [«Извлеки нас, господи, из болота тинистого» (лат.).] которые он перевел следующим образом: «Господи, избави нас от Бурбонов». ⁸⁶

* * *

Г-на*, интенданта⁸⁷ провинции и человека весьма глупого, ожидают в приемной несколько посетителей, а он с озабоченным видом сидит у себя в кабинете, двери которого распахнуты, и, держа в руках бумаги, важно диктует: «От нас, Людовика, милостью божией короля Франции и Наварры, всем, кто прочтет — после „р“ букву „о“! грамоту сию, привет... Остальное — как обычно», — добавляет он, кладет бумаги и выходит в приемную, являя собравшимся зрелище

великого человека, поглощенного бесчисленными и важными делами.

* * *

Г-н де Монтескью просил г-на де Морепа⁸⁹ посодействовать скорейшему рассмотрению его ходатайства — он притязал на фамилию Фезанзак. «А куда спешить? — удивился Морепа. — У графа д'Артуа есть дети».⁹⁰ Разговор этот происходил до рождения дофина.

Однажды регент⁹¹ велел передать Дарону, первому президенту бордоского парламента, чтобы тот подал в отставку. Даром письменно возразил, что его нельзя сместить иначе как по суду. Регент, прочитав послание, вместо ответа начертал на нем: «За этим дело не станет» - и отослал бумагу президенту. Тот, зная, с кем имеет дело, немедленно написал прошение об отставке.

* * *

Некий литератор одновременно писал поэму и вел тяжбу, от которой зависело его состояние. Ему задали вопрос, как подвигается его поэма. Спросите лучше, как подвигается моя тяжба, — ответил он. — Я ведь теперь стал похож на того дворянина, который, угодив под суд по уголовному делу, решил не бриться,

пока не выяснит, удержится ли у него голова на плечах. Прежде чем притязать на бессмертие, я тоже хочу узнать, будет ли у меня на что жить».

* * *

Г-н де Ла Реньер, ⁹² который благодаря влиянию вельмож, наезжавших к нему поужинать, состоял директором почт и откупщиком одновременно, встал перед необходимостью отказаться от какой-нибудь из своих должностей. Эта альтернатива грозила серьезно урезать его доходы, на что он и пожаловался одному из своих покровителей. «Боже мой, да разве при ваших деньгах это что-нибудь изменит? — простодушно удивился тот. — Мы ведь не перестанем ужинать у вас только потому, что вы спишете миллион в безвозвратные убытки».

Г-н*, провансалец и отменный шутник, говаривал мне, что, если государственная машина хорошо налажена, не так уж важно, кто будет королем или даже министром. «Это собаки, вращающие вертел: от них требуется одно — перебирать лапами. Наделены они статью, понятливостью и чутьем или не наделены, все равно вертел вращается и жаркое более или менее съедобно».

* * *

Как-то раз в очень дождливое лето была устроена процессия с молебствием о ниспослании сухой погоды. Едва из храма вынесли раку святой Женевиевы⁹³ и процессия двинулась, как начался ливень. «Святая ошиблась, — сострил епископ Кастрский. — Она решила, что у нее просят дождя».

«Последние лет десять, - заметил М*, — в нашей словесности царит такой тон, что, на мой взгляд, приобрести литературную славу значит в некотором роде обесчестить себя. Правда, она пока еще не влечет за собой столь же тяжелых последствий, как позорный столб,⁹⁴ но и это лишь вопрос времени».

* * *

Разговор зашел о чревоугодии, которому предаются многие государи.⁹⁵ «А что же еще делать в жизни бедным королям? — возразил добряк де Брекиньи.⁹⁶ — Поневоле будешь много есть».

* * *

Одну из герцогинь де Роган спросили, когда она рассчитывает разрешиться от бремени. «Льщу себя надеждой, — ответила она, — удостоиться этой чести месяца через два». Она недаром употребила слово «честь» — ей ведь предстояло родить Рогана.

* * *

Некий шутник, побывав в балете и поглядев, как там пляшут знаменитое корнелевское «Умереть»,⁹⁷ попросил Новерра⁹⁸ переложить на танцы «Максимы» Ларошфуко.⁹⁹

* * *

Г-н де Мальзерб советовал г-ну де Морепе убедить короля посетить Бастилию. «Напротив, этого нужно всячески избегать, иначе он больше никого туда не посадит», — возразил его собеседник.

* * *

Во время какой-то осады по городу шел разносчик воды и кричал: «Вода! Вода! Два ведра за шесть су!». Пролетевшая бомба разнесла на куски одно из ведер. «Вода! Вода! Двенадцать су ведро!», - как ни в чем не бывало затянул разносчик.

* * *

Аббата де Мольера,¹⁰⁰ человека бесхитростного и бедного, занимало в жизни лишь одно — его сочинение о системе Декарта.¹⁰¹ Лакея у него не было, дров тоже, и он работал в постели, натянув на голову, поверх ночного колпака, свои панталоны, так что одна штанина свисала справа, другая слева. Однажды на

рассвете он услышал стук в дверь.

— Кто там?

— Откройте.

Он тянет за шнурок, дверь отворяется. Аббат, не поворачивая головы, бросает:

— Что вам нужно?

— Денег.

— Денег?

— Да, денег.

— А, понимаю: вы — вор.

— Вор я или нет — неважно. Мне нужны деньги.

— Они, кажется, в самом деле вам нужны. Ну что ж, суньте руку вот сюда.

Аббат поворачивает голову и подставляет вору одну из штанин. Тот шарит в кармане.

— Так здесь же нет денег!

— Конечно нет. Зато есть ключ.

— Ключ: Ага, вот он.

— Возьмите его.

— Взял.

— Подойдите к секретеру и откройте его.

Вор вставляет ключ не в тот ящик, в который надо.

— Не туда — там мои бумаги. Не трогайте, черт вас побери! Кому я сказал: это мои бумаги! Деньги в другом ящике.

— Нашел.

— Ну и берите! Да не забудьте запереть ящик.

Вор удирает.

— Эй, господин вор, затворите же дверь!.. Ах,

дьявольщина, он так ее и не закрыл! Экий мерзавец, будь он неладен! Вставай теперь с постели по такому холоду.

Аббат вскакивает, запирает дверь и вновь принимается за работу.

* * *

Шел разговор о нынешней цивилизации и о том, как медленно развиваются искусства и ремесла. Кто-то заметил, что со времени Моисея протекло уже шесть тысяч лет, и М* возразил: «Подумаешь, шесть тысяч лет! На то, чтобы изобрести спички¹⁰² и научиться высекать искру огнивом, ушло куда больше времени».

* * *

Графиня де Буффлер¹⁰³ говорила принцу Копти, что он — наилучший из тиранов.

Г-жа де Монморен¹⁰⁴ учила своего сына: «Вы вступаете в свет. Могу посоветовать вам только одно — влюбляйтесь во всех женщин подряд».

* * *

Одна дама сказала М*, что он, как ей кажется, всегда испытывает к женщинам слишком земные

чувства. «Всегда, — согласился он, — кроме тех случаев, когда я уже на седьмом небе». Это правда, влюблялся он не слишком пылко, но наслаждение распалило в нем страсть.

* * *

В бытность г-на де Машо у власти королю представили на утверждение церемониал, торжественного собрания вельмож; с тех пор оно всегда происходит в соответствии с этим церемониалом. Людовик XV, г-жа де Помпадур и министры предусмотрели все: королю заранее продиктованы ответы на вопросы первого президента; каждый шаг его расписан в особом мемуаре, где указано: «Здесь его величество хмурится; здесь чело его величества проясняется: здесь его величество делает такой-то жест, и т.д.». Этот мемуар существует и поныне.

* * *

М* говорил: «Надо уметь пробуждать в людях своекорыстие или подстегивать их самолюбие: обезьяны прыгают лишь тогда, когда видит орех или боятся хлыста».

* * *

Беседуя с герцогиней де Шон¹⁰⁵ о ее браке с г-

ном де Жиак¹⁰⁶ я досадном обороте, который приняла их супружеская жизнь, г-жа де Креки¹⁰⁷ заметила, что ее собеседница могла бы все это предвидеть — слишком уж велика была разница в годах между нею и мужем. «Запомните, сударыня: придворная дама никогда не бывает старой, тогда как чиновник — всегда в летах», — ответила г-жа де Жиак.

* * *

Сын г-на де Сен-Жюльена¹⁰⁸ по приказанию отца представил ему список своих долгов и первой указал там сумму в шестьдесят тысяч ливров, уплаченную им за место советника в бордосском парламенте. Отец решил, что это насмешка, возмутился и стал горько упрекать сына. Однако тот упорно твердил, что в самом деле купил эту должность. «Все произошло, — пояснил он, — в то время, когда я свел дружбу с госпожой Тилорье.¹⁰⁹ Место советника в бордосском парламенте требовалось для ее мужа — лишь на этом условии она соглашалась подарить мне свою благосклонность. Вот я и купил должность, так что у вас нет причин гневаться на меня: я отнюдь не позволил себе смеяться над вами».

* * *

Граф д'Аржансон. человек умный, но без всяких правил и любивший выставлять свое бесстыдство

напоказ, говаривал: «Мои недруги напрасно стараются — им меня не свалить: в лакействе меня никто не превзойдет».

* * *

Г-н де Буленвилье, ¹¹⁰ человек неумный и очень тщеславный, весьма гордился синей лентой, ¹¹¹ положенной ему по должности, которую он купил за пятьдесят тысяч эю. Однажды, щеголяя в этой ленте, он спросил у кого-то: «Разве не приятно было бы вам иметь столь высокое отличие?». — «Нет, — возразил собеседник, — но я бы не прочь иметь те деньги, которые вы за него заплатили».

* * *

Маркиз де Шатлю, ¹¹² влюбленный в свою жену как двадцатилетний юнец, был с нею на званом обеде, где все ее внимание поглотил некий молодой и красивый иностранец. Когда встали из-за стола, де Шатлю подошел к жене и кротко стал ее упрекать; тогда маркиз де Жанлис бросил «Проходи, проходи, добрый человек, ты свое уже получил». (Эту фразу обычно говорят нищему, если тот пытается выпросить милостыню вторично).

* * *

М*, признанный образец светскости, говаривал

мне, что этим своим качеством он больше всего обязан сорокалетним женщинам, с которыми при случае был не прочь переспать, и восьмидесятилетним старцам, которых умел слушать.

* * *

М* считал, что добиваться житейского успеха ценой тревог, забот, пресмыкательства перед властью имущими и пренебрегать ради него своим умственным и духовным развитием, не более разумно, чем ловить пескаря на золотой крючок.

* * *

Однажды герцоги де Шуазель и де Прален¹¹³ заспорили, кто глупее король или г-н де Ла Врийер.¹¹⁴ Прален утверждал, что де Ла Врийер; его собеседник, истый верноподданный, отдавал первенство королю. Вскоре после этого, на заседании кабинета, король отпустил изрядно глупое замечание. «Ну, кто же был прав, господин де Прален?», — осведомился Шуазель.

* * *

Г-н де Бюффон¹¹⁵ окружает себя льстецами и дураками, которые без презрения совести расхваливают его. Один из них, отобедав у него

вместе аббатом Лебланом,¹¹⁶ г-ном де Жювиньи¹¹⁷ и еще двумя столь же заметными людьми, вечером, за ужином, объявил, что видел в самом сердце Парижа четырех устриц, прилепившихся к утесу. Ему пришлось самому растолковать эту загадку: остальные так и не поняли, что же он хотел сказать.

* * *

Во время последней болезни Людовика XV, которая вскоре привела к смертельному исходу, Лорри,¹¹⁸ вместе с Борде¹¹⁹ вызванный к умирающему, употребил в своем врачебном предписании слово «надлежит». Король, уязвленный этим выражением, долго повторял угасающим голосом: «Надлежит! Мне надлежит!».

* * *

Вот анекдот о бароне де Бретейле,¹²⁰ который я слышал от г-на де Клермон-Тоннера.¹²¹ Барон, проникшийся к Клермон-Тоннеру симпатией, стал выговаривать последнему за то, что тот редко выезжает в свет.

— Но я слишком беден, — возразил г-н де Клермон.

— Займите денег — у вас такое имя, что когда-нибудь вы их вернете.

— А если я до тех пор умру?

— Не умрете.

— Надеюсь, но это все-таки может случиться.

— Ну, что же, значит умрете не расплатившись.

Не вы первый.

— Но я не хочу умереть несостоятельным должником.

— Сударь, в свете нужно бывать: человеку с таким громким именем все пути открыты. Эх, будь у меня такое же!..

— А мне вот от моего никакого проку.

— Сами виноваты. Я, например, признанял когда-то и, как видим, ушел достаточно далеко, а ведь я — пустое место.

И барон несколько раз повторил это слово к вящему изумлению слушателя, не понимавшего, как можно так отзываться о самом себе.

* * *

В течение всей революции Кайава¹²² занимали только тяжбы драматургов с театрами. В разговоре с литератором, знакомым со многими членами Национального собрания, он посетовал на то, что оно медлит с соответствующим декретом. «Неужели вы полагаете, — возмутился его собеседник, — что у Собрания одна забота - печься об исполнении пьес в театре?». — «Конечно, нет, — возразил Кайава. — Ему следует подумать и об их издании».

* * *

До того как стать признанной фавориткой, г-жа де Помпадур, гоняясь за Людовиком XV, не пропускала ни одной королевской охоты наконец, король соблаговолил прислать г-ну д'Этиолю¹²³ оленьи рога. Тот велел повесить их у себя в столовой с надписью: «Дар короля г-ну д'Этиолю».

Г-жа де Жанлис состояла в связи с г-ном де Сенеуа. Как-то раз во время туалета, когда у нее сидел ее муж, является какой-то солдат и просит ее похлопотать за него перед г-ном де Сенеуа, его полковым командиром, которого он тщетно просит об отпуске. Рассерженная подобной наглостью, г-жа де Жанлис объявляет, что г-н де Сенеуа не исчезла из круга ее близких друзей, словом, отвечает отказом. Солдат направляется к двери, но г-н де Жанлис останавливает его и говорит: «Попроси увольнения в отпуск от моего имени, а если Сенеуа откажет, предупреди, что тогда я уволю его».

* * *

М* нередко рассуждал о любви как закоренелый распутник. хотя, в сущности, был человек деликатный и способный на сильное чувство. Поэтому кто-то сказал о нем: «Он прикидывается беспутным, чтобы не встречать отказа у женщин».

* * *

При вести о взятии Маона¹²⁴ герцогом де

Крийоном¹²⁵ г-н де Ришелье заметил: «Когда-то я взял Маон только благодаря легкомыслию, но Крийон, кажется, превзошел в этом даже меня».

* * *

В битве не то при Року, не то при Лауфельде¹²⁶ под юным де Тианжем¹²⁷ убило лошадь, а его самого отбросило в сторону, хотя и не ранило. «Ну, что, малыш Тианж, сильно испугался?», — спросил его маршал Саксонский.¹²⁸ «Так точно, господин маршал, — ответил молодой человек. — Я очень боялся, как бы не пострадали вы».

* * *

Вольтер говорил про «Антимакиавелли»,¹²⁹ сочинение короля прусского: «Он плюет на блюдо, чтобы отбить у других охоту к еде».

Кто-то поздравил г-жу Дени¹³⁰ с удачным исполнением роли Заиры.¹³¹ «Что вы! Для этого нужны молодость и красота», — отозвалась г-жа Лени. «Ах, сударыня! — простодушно воскликнул поздравитель. — Вы только что доказали противное».

* * *

Г-н Пуассонье,¹³² врач по профессии, вернувшись из России, отправился в Ферне¹³³ и стал упрекать Вольтера за преувеличенные похвалы этой стране.

Спорить Вольтеру не захотелось, и он с наивным видом ответил: «Что поделаешь, друг мой! Я — человек зябкий, а русские дарят мне такие превосходные шубы».

* * *

Г-жа де Тансен говаривала, что умные люди делают много житейских промахов, ибо полагают, будто свет не так уж глуп или, по крайней мере, менее глуп, чем он есть на самом деле.

* * *

Некая женщина вела тяжбу, которую должен был рассматривать дижонский парламент. Она поехала в Париж и обратилась к хранителю печати¹³⁴ (1784 г.) с просьбой посодействовать ей в ее справедливых притязаниях: одной его записки достаточно, чтобы она выиграла процесс. Хранитель печати ответил отказом. В женщине этой приняла участие графиня де Талейран, похлопотавшая о ней у хранителя печати. Новый отказ. Г-жа де Талейран заручилась поддержкой королевы, и та самолично переговорила с сановником. Опять отказ. Тогда графиня вспомнила, что хранитель печати очень добр к ее сыну, аббату де Перигору,¹³⁵ и заставила последнего написать ему. Еще раз отказ, хотя и весьма учтивый. После этого приезжая просительница, отчаявшись, решила предпринять последнюю попытку в Версале. Она

отправляется туда рано утром, но в почтовой карете бедняжке вскоре делается дурно, она слезает в Севре и продолжает путь пешком. Какой-то мужчина вызывается показать ей дорогу полегче и покороче, она дает согласие, на ходу рассказывает провожатому свою историю, и тот обещает ей: «Завтра ваша просьба будет удовлетворена». Женщина удивленно и недоверчиво качает головой. Она вновь является к хранителю печати, вновь получает отказ и тут же собирается уезжать. Однако недавний попутчик уговаривает ее переночевать в Версале. Утром он приносит ей нужную бумагу. Это — некий г-н Этьен, письмоводитель одного из столоначальников.

* * *

Повстречав в Опере маленькую Лакур, герцог де Ла Вальер¹³⁶ удивился, почему на ней нет бриллиантов. «Потому что бриллианты — это орден Святого Людовика для женщин моего звания», — ответила она. После этого остроумного ответа герцог без памяти влюбился в нее. Их связь длилась долго. Лакур держала его под башмаком с помощью тех же уловок, какими г-жа Дюбарри кружила голову Людовику XV. Она, например, срывала с него синюю ленту, бросала ее наземь и приказывала: «А ну-ка, герцог, а н-ука, старая рухлядь, стань на нее коленями!»

* * *

Саблиер, известный игрок, угодил однажды под арест. Это привело его в такое отчаяние, что он собирался было покончить с собой. Когда Бомарше стал его отговаривать, он воскликнул: «Подумать только, сударь, я посажен за какие-то двести луидоров! Все друзья покинули меня, а ведь это я научил их плутовать в игре. Чем были бы без меня Б*, Д*, Н*? (все эти люди живы и поныне). В довершение всех моих унижений мне стало не на что жить, и я вынужден пойти в полицейские шпионы!»

* * *

Одного английского банкира звали его не то Сер, не то Сейр — обвинили в заговоре, цель которого похитить и увезти в Филадельфию короля (Георга III¹³⁸). Представ перед судом, он заявил: «Я отлично знаю, зачем королю нужен банкир, но не понимаю, зачем банкиру может понадобиться король».

* * *

Английскому сатирику Донну¹³⁹ посоветовали: «Бичуйте пороки, но щадите их носителей». — «Как! — изумился он. — Осуждать карты и оправдывать шулеров?».

* * *

Г-на де Лозена¹⁴⁰ спросили, что он ответил бы своей жене (а он не виделся с ней уже лет десять), если бы она написала ему: «Я обнаружила, что забеременела». Он подумал и сказал: «Я послал бы ей такую записку: „Счастливы узнать, что небо наконец-то благословило наш союз. Берегите себя, а я сегодня же вечером явлюсь засвидетельствовать вам самые горячие свои чувства”».

* * *

Г-жа де Г* так рассказывала мне о последних минутах герцога д'Омона:¹⁴¹ «Все это произошло скоростижно. За два дня до смерти господин Бувар¹⁴² позволил больному все есть, а в день кончины, всего за два часа до смерти, герцог был таким же, как в тридцать лет, вернее, каким был всю жизнь. Он велел принести своего попугая, сказал: „Смахните пыль с этого кресла и давайте посмотрим две новые мои вышивки; словом, мозг его и мысль работали как обычно».

* * *

М *, который, изучив высшее общество, предпочел покинуть его и уединиться, объяснял это тем, что если вдуматься в светские условности и в отношения людей высокопоставленных с людьми незнатного происхождения, то сразу станет ясно: хотя

первые дураки, у них всегда преимущество над вторыми. «Я похож, — добавлял он, — на отличного шахматиста, которому наскучило играть с теми, кому всякий раз приходится давать ферзя вперед. Что за охота играть безукоризненно и вечно ломать себе голову над каждым ходом, когда больше экую все равно не выиграешь!»

* * *

Когда Людовик XIV скончался, один придворный заметил: «Уж если сам король мог умереть, на свете нет ничего невозможного».

* * *

По слухам, Ж.Ж. Руссо¹⁴³ был близок с графиней де Буффлер: утверждают даже, что у него с ней (да простится мне такое выражение!) ничего не вышло; это очень настроило их друг против друга. Однажды в присутствии их обоих кто-то завел речь о том, что любовь ко всему человечеству исключает любовь к отчизне. «Что до меня, — объявила графиня, — то я по собственному опыту чувствую и знаю, что это не так. Я — хорошая француженка, но это не мешает мне желать счастья всем народам». — «Истинная правда, — подхватил Руссо, — до пояса вы действительно француженка, зато ниже — настоящая космополитка».

* * *

Ныне (1780) здравствующая супруга маршала де Ноайля¹⁴⁴ столь же склонна к мистике, как и г-жа Гийон,¹⁴⁵ но не отличается ее умом. Однажды она дошла до такой нелепости, что написала божьей матери письмо и опустила его в кружку для пожертвований у церкви святого Рока. Тамошний приходский священник ответил на послание; завязалась переписка, длившаяся довольно долго. Наконец, все раскрылось, у священника были неприятности, но скандал удалось замять.

* * *

Некий молодой человек нанес оскорбление лицу, ходившему в угодниках при министре. Обиженный ушел, а друг молодого человека, присутствовавший при этой сцене, сказал ему: «Уж лучше бы вы оскорбили самого министра, чем того, кого он пускает к себе в туалетную».

* * *

Одна из любовниц регента во время свидания с ним попыталась заговорить о делах. Регент с внимательным видом выслушал ее и вместо ответа спросил: «Как по-вашему, приятно предаваться любовным утехам с канцлером?».

Г-н де*, в числе любовниц которого бывали немецкие принцессы, спросил меня: «Как вы думаете, находится господин де Л* в связи с госпожой де С*?» — «Он и не помышляет о ней, — ответил я. — Этот человек притворяется, когда говорит, что он — распутник и больше всего на свете обожает девок». — «Не заблуждайтесь, молодой человек, — возразил де* именно такие и обладают королевами».

Однажды генерал-лейтенанту де Стенвилю¹⁴⁶ удалось исхлопотать приказ о заточении своей жены. Такого же приказа домогался и бригадный генерал де Вобекур.¹⁴⁷ Получив его, он с торжествующим видом вышел от министра и тут столкнулся с де Стенвилем. Тот решил, что де Вобекур произведен в генерал-лейтенанты и при многочисленных свидетелях сказал ему: «Поздравляю вас. Нашего полку прибыло».

Леклюз, основатель «Забавного варьете», рассказывал, что еще совсем молодым и бедным человеком он приехал в Люневиль, где получил должность зубодера при короле Станиславе как раз в тот день, когда у короля выпал последний зуб.

* * *

Говорят, что однажды, когда флейлины г-жи де Монпансье¹⁴⁹ куда-то отлучились, а у нее свалилась с ноги туфля, принцесса была вынуждена приказать пажу надеть ее. При этом она спросила его, не испытывает ли он вожделения к ней. Паж ответил утвердительно. Принцесса, как женщина порядочная, не воспользовалась этой откровенностью, а просто дала юноше несколько луидоров, чтоб ему было на что сходить к девкам и там избавиться от искушения, в которое она его ввела.

* * *

Г-н де Марвиль¹⁵⁰ говаривал, что в полиции не может быть порядочных людей, кроме разве что ее начальника.

* * *

Когда герцог де Шуазель оставался доволен станционным смотрителем — потому ли, что везли его быстро, потому ли, что у этого почтового чиновника были красивые дети, — он осведомлялся: «Много ли вам платят? Сколько перегонов¹⁵¹ от вашей станции до такого-то места один или полтора?». «Один, монсеньер». — «Ну, так отныне будет полтора». И станционный смотритель получал прибавку.

Однажды любовница регента г-жа де При,¹⁵² дочь откупщика по фамилии, если не ошибаюсь, Пленеф, скупила по наущению отца весь урожай. Это повергло народ в такое отчаяние, что в конце концов произошли беспорядки. Усмирять их послали роту мушкетеров г-на д'Авежана,¹⁵³ который получил приказ открыть огонь по «сволочи» — так именовали тогда французский народ. Однако д'Авежан был человек порядочный, и мысль о том, что ему придется расстреливать своих сограждан, приводила его в ужас. Вот какой он придумал способ выйти из затруднения: он велел мушкетерам изготовиться к залпу, но, так и не скомандовав «Огонь!», подошел к толпе со шляпой в одной руке, с приказом в другой и объявил: «Господа, я получил распоряжение открыть стрельбу по сволочи. Прежде чем это сделать, попрошу всех честных людей удалиться». Народ сразу разбежался.

* * *

Общеизвестно, что письмо короля г-ну де Морепа¹⁵⁴ первоначально было адресовано г-ну де Маша. Все знают также, в чьих интересах была такая перемена адреса, но мало кто знает, что де Морепа хитростью вырвал для себя ту должность, которая, как обычно считают, была ему предложена. Король намеревался лишь предварительно побеседовать с

ним, однако в конце аудиенции де Морепе заявил: «Более подробно я изложу свои мысли завтра, на заседании кабинета». По другой версия, он во время этого разговора спросил: «Итак, ваше величество назначает меня первым министром?». — «Нет, — возразил король, — это вовсе не входило в наши намерения». — «Понимаю, — нашелся де Морепе. — Вашему величеству угодно, чтобы я научил вас вовсе обходиться без первого министра».

* * *

У г-жи де Люксембург¹⁵⁵ заспорили о стихе аббата Делиля:¹⁵⁶

Руины славные друг друга утешали.

В эту минуту доложили о бальи¹⁵⁷ де Бретейле и г-же де Ла Реньер. «А стих-то оказался к месту», — заметила супруга маршала.

* * *

Когда М* изложил мне свои взгляды на общество и государство, на людей и явления, я не скрыл от него, что нахожу их удручающе мрачными, и предположил, что он, видимо, очень из-за этого несчастлив. М* ответил, что так оно долгое время и было, но что теперь он свыкся с этими взглядами и не видит в них ничего страшного. «Я, — добавил он, — уподобился спартанцам: их заставляли спать на

исстроганных досках, которые они выравнивали собственной спиной, после чего постель уже казалась им вполне сносной».

* * *

Некий знатный человек, женившийся без любви, сходится с девицей из оперы, которую вскоре бросает, говоря: «Она совсем как моя жена». Затем, для разнообразия, он сближается с порядочной женщиной, но покидает и ее, заявляя: «Она совсем как та певичка», и т.д.

* * *

У г-на де Конфлана¹⁵⁸ ужинало несколько молодых придворных. Вскоре они затянули песню — вольную, но не слишком непристойную. Не успели они ее кончить, как г-н де Фронсак¹⁵⁹ запел куплеты настолько мерзкие, что смутились даже эти кутилы. Произошло всеобщее замешательство, которое прервал де Конфлан: «Ты что, Фронсак, спятил? Чтобы такое и петь, и слушать, нужно по крайней мере еще десять бутылок шампанского».

* * *

Г-жа дю Деффан еще ребенком проповедовала безбожие своим маленьким товаркам, которые воспитывались вместе с нею в монастыре.

Настоятельница пригласила к ней Массильона.¹⁶⁰ Он выслушал доводы девочки, нашел, что она очаровательна, и уехал. Настоятельница, которая отнеслась к делу весьма серьезно, обратилась к местному епископу, чтобы тот научил ее, какую книгу следует дать прочесть этому ребенку. Епископ подумал и ответил: «Катехизис за пять су». Больше он так ничего и не посоветовал.

* * *

Аббат Бодо¹⁶¹ говорил о г-не Тюрго,¹⁶² что это инструмент отличной закалки, только без ручки.

* * *

Когда у Претендента,¹⁶³ на старости лет поселившегося в Риме, начинались приступы подагры, он стонал: «Бедный король! Бедный король!». Некий путешественник француз, который частенько навещал его, удивился однажды, почему к нему не заглядывают англичане. «Я понимаю их, — отозвался Претендент. — Они думают, что я все еще не забыл прошлого. А жаль! Мне приятно было бы повидать их: я ведь люблю своих подданных».

* * *

У г-на де Барбансона, в молодости отличавшегося редкой красотой, был прелестный сад,

и герцогиня де Ла Вальер¹⁶⁴ пожелала однажды осмотреть его. Хозяин, тогда уже глубокий старик, страдавший подагрой, признался ей, что в свое время был влюблен в нее до безумия. «Боже мой! — воскликнула г-жа де Ла Вальер. — Вам стоило только сказать об этом, и вы обладали бы мною, как всеми остальными».

* * *

Аббат Фрагье¹⁶⁵ проиграл тяжбу, тянувшуюся двадцать лет. Его спросили, стоило ли ему столько хлопотать из-за дела, которое в конце концов завершилось неудачей. «Разумеется, стоило, — ответил он. — Ведь я двадцать лет подряд каждый вечер мысленно выигрывал его». Это подлинно философское утверждение — его легко применить к чему угодно. Оно объясняет, например, почему не так уж плохо любить кокетку: она дарит вам надежду на успех целых полгода, а отнимает ее у вас всего за какой-нибудь день.

* * *

Г-же Дюбарри, жившей у себя в Люсьенне, ¹⁶⁶ вздумалось как-то осмотреть Валь, имение г-на де Бово.¹⁶⁷ Она осведомилась у него, не вызовет ли ее визит неудовольствия г-жи де Бово, однако последняя охотно согласилась самолично принять посетительницу. Разговор зашел о событиях

царствования Людовика XV. Г-жа Дюбарри стала сетовать на различные обстоятельства, в которых она усматривала проявление ненависти к своей особе. «Вы заблуждаетесь, — возразила г-жа де Бово. Мы ненавидели не вас, а роль, которую вы играли». После этого простодушного признания она поинтересовалась у гостыи, не слишком ли дурно отзывался Людовик XV о ней (г-же де Бово) и г-же де Грамон.¹⁶⁸ «О да, очень дурно». — «Что же худого он говорил, например, обо мне?». — «О вас, сударыня? Да то, что вы чванная интриганка и вдобавок водите мужа за нос». Поскольку при беседе присутствовал сам г-н де Бово, хозяйке пришлось переменить предмет разговора.

* * *

Господа де Морепа и де Сен-Флорантен¹⁶⁹ оба были министрами во времена г-жи де Помпадур; однажды шутки ради они прорепетировали речь с выражением признательности, положенную произносить при отставке, в которую, как они понимали, один из них рано или поздно вынудит другого уйти. Недели через две после этой выходки де Морепа является к де Сен-Флорантену, напускает на себя важный и печальный вид и возвещает хозяину об отставке. Де Сен-Флорантен легко дается в обман, но хохот де Морепа тут же рассеивает его огорчение. Три недели спустя пришел черед де Морепа, но уже всерьез. Де Сен-Флорантен приезжает к нему и,

припомнив начало той речи, которую из озорства составил де Морепа, повторяет слова последнего. Де Морепа решает сначала, что это шутка, но, убедившись, что гость и не думает шутить, говорит: «Довольно. Я вижу, что вы порядочный человек — вы не морочите мне голову. Сейчас я вручу вам прошение об отставке».

* * *

Однажды аббат Мори пытался вызвать на разговор аббата Буамона,¹⁷⁰ добиваясь, чтобы тот, тогда уже параличный старик, подробно поведал о своей молодости и зрелых годах. «Аббат, — ответил больной, — вы, кажется, снимаете с меня мерку для гроба». Этим он хотел сказать, что Мори слишком рано начал собирать материалы для похвального слова ему в Академии.¹⁷¹

* * *

Даламбер встретился у Вольтера с одним известным женевским профессором права. Юрист, восхищенный универсальными познаниями хозяина, сказал Даламберу: «Он несколько слаб только в законоведении». — «А на мой взгляд, — отозвался Даламбер, — он несколько слаб только в геометрии».

* * *

Г-жа де Морепа была в большой дружбе с графом Ловендалем¹⁷² (сыном маршала); поэтому однажды, возвратясь с Сан-Доминго¹⁷³ и весьма утомленный путешествием, он остановился прямо у нее. «А, вот и вы, дорогой граф! — обрадовалась хозяйка. — Вы успели как раз вовремя: у нас не хватает партнера для танцев, и нам без вас не обойтись». Граф наспех привел себя в порядок и пустился в пляс.

* * *

В день своей отставки г-н де Калонн¹⁷⁴ узнал, что его место предложено г-ну де Фурке,¹⁷⁵ но тот колеблется. «Буду рад, если он согласится, — сказал бывший министр. — Он был другом господина Тюрго и сумеет оценить мои замыслы». — «Верно!», — подхватил Дюпон,¹⁷⁶ большой друг Фурке, и тут же вызвался его уговорить. Он расстался с Каленном, но уже через час вернулся, крича: «Победа! Победа! Он согласен». Калонн едва не лопнул со смеху.

* * *

Архиепископ Тулузский¹⁷⁷ за услуги, оказанные его провинции г-ном де Кадиньяном, исхлопотал тому пожалование в сорок тысяч ливров. Главная из этих услуг состояла в том, что де Кадиньян был любовником его матери, старой и уродливой г-жи де Ломени.

* * *

Граф де Сен-При, ¹⁷⁸ назначенный послом в Голландию, не доехав до места назначения, застрял в Антверпене на неделю-другую, затем вернулся в Париж и был пожалован восьмьюдесятью тысячами ливров. Произошло это как раз в то время, когда правительство усиленно сокращало должности, пенсии и пр.

* * *

Виконт де Сен-При, ¹⁷⁹ пробыв некоторое время интендантом Лангедока, решил выйти в отставку и потребовал у г-на де Калонна пенсию в десять тысяч ливров. «Что для вас десять тысяч?», — ответил тот и удвоил названную сумму. Пенсия де Сен-При — один из немногих, их урезанных архиепископом Тулузским, который в то время занимался сокращением расходов казны: почтенный прелат не раз проводил время с веселыми девицами в обществе виконта.

* * *

М* говорил о г-же де*: «Я думал, что она ждет от меня безумств, и готов был их наделать; но она потребовала от меня глупостей, и я наотрез отказал ей».

* * *

Он же говорил о смехотворных глупостях, творимых нашими министрами: «Не будь у нас правительства, Франция разучилась бы смеяться».

* * *

«Человеку, рожденному во Франции, — утверждал М*, — следует в первую очередь отучить себя от склонности к меланхолии и от чрезмерного патриотизма. В стране, расположенной между Рейном и Пиренеями, эти болезни противоестественны. Французу, страдающему хотя бы одной из них, ничего хорошего ждать не приходится».

* * *

Как-то раз герцогине де Грамон вздумалось заявить, что де Лианкур не менее остроумен, чем де Лозой. Г-н де Креки¹⁸⁰ встречает последнего и говорит:

— Сегодня ты обедаешь у меня.

— Не могу, мой друг.

— Но так надо. К тому же это в твоих интересах.

— Почему?

— У меня обедает и Лианкур. Ему отдали принадлежавшую тебе пальму первенства по части остроумия, а он не знает, что с ней делать, и, конечно, вернет ее тебе.

* * *

Один человек сказал про Ж.Ж. Руссо: «Он мрачен, как сова». «Верно, — согласился другой, — но сова — это птица Минервы.¹⁸¹ А я, посмотрев „Деревенского колдуна“, ¹⁸² могу добавить: птица, прирученная грациями».

* * *

Две придворные дамы, проезжая по Новому мосту, за какие нибудь две минуты успели увидеть там и монаха, и белую лошадь.¹⁸³ Тогда одна из них, толкнув подругу локтем, заметила: «Что до шлюхи, то уж нам-то ее высматривать незачем».

* * *

Нынешний принц Конти¹⁸⁴ был весьма огорчен тем, что граф д'Артуа купил себе поместье по соседству с его охотничьими угодьями. Кто-то начал успокаивать его, говоря, что земли хорошо размежеваны, что ему нечего опасаться и т.д. «Вы еще не знаете, что такое принцы!», - прорвал собеседника принц Конти.

* * *

М* говаривал, что подагра похожа на внебрачных детей монарха: ей, как и им, стараются подольше не

давать имени.

* * *

М* говорил г-ну де Водрейлю, ¹⁸⁵ человеку прямому и справедливому, но еще сохранившему кое-какие иллюзии: «Пелены на глазах у вас нет, но вот очки чуточку запотели».

* * *

Г-н де Б* считал, что женщине нельзя сказать в три часа пополудни то, что можно в шесть вечера; в шесть-то, что можно в девять; в девять-то, что можно в полночь, и т.д. «Особенно тщательно — прибавлял он, — следует выбирать при ней выражения в полдень». Он же утверждал, что взял с г-жой де* другой тон с тех пор, как она сменила обивку в своем будуаре с голубой на темно-красную.

* * *

Когда Ж.Ж. Руссо был в Фонтенебло¹⁸⁶ на представлении своего «Деревенского колдуна», к нему подошел какой-то придворный и учтиво сказал: «Позвольте, сударь, сделать вам комплимент». — «Если он ловко составлен, пожалуйста», — отозвался Руссо. Придворный удалился, а друзья начали упрекать Руссо. «Ну, как вы ему ответили!». - «Вполне разумно, — возразил он. — Разве есть на свете что-

нибудь ужаснее неловкого комплимента?».

* * *

Живучи в Потсдаме, Вольтер¹⁸⁷ как-то вечером после ужина в нескольких словах охарактеризовал хорошего монарха и тирана. Затем, постепенно воодушевляясь, он набросал картину страшных бедствий, на которые обрекает человечество деспот, завоеватель и т.д. Слушая его, король прусский так умилился, что уронил слезу. «Глядите! Глядите! - вскричал Вольтер. — Тигр плачет!».

* * *

Как известно, г-н де Люин, получив пощечину и не решившись отомстить обидчику, был вынужден выйти из военной службы, после чего, почти сразу же, его назначили архиепископом Санским.¹⁸⁸ В один прекрасный день, когда он служил торжественную мессу, некий скверным шутник схватил его митру, растянул ее руками и воскликнул: «До чего же громко затрещала эта митра! Как от затрещины!».

* * *

Фонтенеля трижды проваливали на выборах в Академию. Он частенько рассказывал об этом и всегда прибавлял: «Я повторял эту историю всем, кто убивался из-за того, что не прошел в Академию, но

так никого и не утешил».

* * *

Рассуждая о нашем мире, где что бы ни случилось — все к худшему, М* заметил: «Я где-то вычитал, что нет ничего вреднее для народа, чем монарх, который слишком долго царствует. Мне говорят, что бог вечен. Этим все сказано».

* * *

Вот очень тонкое и меткое замечание М*: как бы неприятны и даже нестерпимы ни были для нас недостатки того, с кем мы водимся, мы неизбежно перенимаем их — страдать от чужих недостатков еще не значит уберечься от них.

* * *

Вчера я присутствовал при философском разговоре Д* с Л*, и вот что мне особенно запомнилось. «Я интересуюсь немногим и немногими, а меньше всего — собственной особой», — сказал Д* «Не объясняется ли все это одной причиной? — заметил Л*. — Не потому ли вы равнодушны к себе, что равнодушны к другим?». — «Вероятно, вы правы, — холодно согласился Д*. — Как бы там ни было, я просто говорю вам то, что есть. Равнодушие это развилось во мне постепенно: у каждого, кто живет с

людьми и общается с ними, сердце рано или поздно должно либо разорваться, либо оледенеть».

* * *

Вот забавное и широко известное в Испании происшествие: граф Аранда,¹⁸⁹ получив пощечину от принца Астурийского, нынешнего короля,¹⁹⁰ вскоре после этого был назначен послом во Францию.

* * *

В ранней молодости мне как-то раз понадобилось повидать в один и тот же день Мармонтеля¹⁹¹ и Даламбера. С утра я отправляюсь к Мармонтелю — он жил тогда у г-жи Жоффрен,¹⁹² — но ошибаюсь дверью. Швейцар мне объявляет: «Господин де Монмартель здесь больше не проживает» — и дает мне его новый адрес. Вечером я иду на улицу Сен-Доминик и спрашиваю у какого-то швейцара, где квартирует Даламбер. «Господин Штаремберг, венецианский посол? Третий дом отсюда...». «Да нет, господин Даламбер, член Французской академии». — «Такого не знаю».

* * *

Гельвеций¹⁹³ был в молодости на загляденье хорош собой. Как-то вечером, когда он тихо и смиренно сидел за кулисами театра подле мадмуазель Госсен,

¹⁹⁴ к ним подошел известный финансист и сказал актрисе на ухо, но так, чтобы слышал Гельвеций: «Мадмуазель, не согласитесь ли вы принять шестьсот луидоров и подарить мне за это свою благосклонность?». — «Сударь. — ответила она, указывая ему на Гельвеция и тоже говоря достаточно громко, чтобы тот мог расслышать ее слова, — я сама дам вам двести, если вы явитесь ко мне завтра утром с таким же красивым лицом, как вот у него».

* * *

У юной и хорошенькой герцогини де Фронсак не было любовников, чему все немало дивились. Одна дама, желая намекнуть на то, что герцогиня рыжая и что вести себя столь благоразумно ей помогает именно это обстоятельство, заметила: «Она — вроде Самсона:¹⁹⁷ вся ее сила в волосах».

* * *

Когда г-жа Бризар, известная своими любовными похождениями, приехала в Пломбьер,¹⁹⁶ многие придворные дамы старались избегать встреч с нею. В числе их была и герцогиня де Жизор,¹⁹⁷ известная своей набожностью. Друзья г-жи Бризар сообразили, что если г-жа де Жизор примет их приятельницу, то перестанут упрямыться и остальные дамы. Они предприняли соответственные шаги и добились своего. Г-жа Бризар, женщина приятная в

обхождении, быстро очаровала богомолку, и они подружились. Тем не менее герцогиня при случае дала ей понять, что готова простить женщине один проступок, но не понимает, как можно без конца менять любовников. «Увы! — воскликнула г-жа Бризар. — Заводя себе нового, я всякий раз думала, что он будет последним».

* * *

Примечательно, что у Мольера,¹⁹⁸ не щадившего никого на свете, нет ни одного выпада против финансистов. Ходит слух, будто Мольер и другие комедиографы той эпохи получили на этот счет прямые указания Кольбера.¹⁹⁹

* * *

Однажды регенту захотелось побывать на балу и остаться неузнанным. «Я придумал, как это сделать», — объявил аббат Дюбуа²⁰⁰ и на балу несколько раз пнул его коленом в зад. Регент, найдя пинки слишком увесистыми, запротестовал: «Аббат, ты маскируешь меня чересчур усердно!».

* * *

Некий фанатический поклонник аристократизма, заметив, что вокруг Версальского дворца отчаянно разит мочой, приказал своим слугам и крестьянам

справлять малую нужду только у стен его замка.

* * *

Привыкнуть можно ко всему, даже к жизни. Услышав, как при нем оплакивают участь грешников, горящих в адском огне, Лафонтен²⁰¹ заметил: «Льщу себя надеждой, что рано или поздно они привыкают и начинают чувствовать себя там, как рыба в воде».

* * *

Г-жа де Ноль была в связи с де Субизом.²⁰² Однажды г-н де Нель, презиравший свою супругу, повздорил с нею в присутствии любовника и заявил: «Сударыня, я спускаю вам все. Это знает каждый. Должен, однако, предупредить, что не потерплю слишком низменных прихотей, которые вы подчас себе позволяете, например вашей склонности к брадобрею моей челяди. Я ведь сам видел, как вы впускали его к себе, а потом выпускали». Пригрозив жене суровым наказанием, де Ноль удалился, оставив ее с де Субизом, и тот, не желая ничего слушать, надавал ей пощечин. Муж потом всюду хвастался этим подвигом, прибавляя, что история с брадобреем выдумана им самим, и потешался как над де Субизом, который поверил ему, так и над своей женой, которую отхлестали по щекам.

* * *

О приговоре военного суда в Лориане по делу г-на Грасса²⁰⁴ у нас острили так: «Флот оправдан, адмирал невиновен, министр неподсуден, издержки с короля». Не следует только забывать, что вся эта история обошлась казне в четыре миллиона и что после нее уже можно было предвидеть скорое падение г-на де Кастри.²⁰⁵

* * *

Эту остроту кто-то повторил в компании молодых придворных. Одного из них она привела в такой восторг, что он помолчал, затем воздел руки горе и изрек: «Можно ли не радоваться великим событиям, пусть даже прискорбным, если они дают повод для таких приятных шуток?». Слова его всем понравились, и присутствующие принялись припоминать острые словца и песенки, сложенные по случаю различных поражений Франции. Песенка о битве при Гохштедте была сочтена неудачной, и многие объявили: «Жаль, что мы проиграли это сражение: песенка никуда не годится».

* * *

Когда Людовик XV был еще совсем ребенком, он повадился рвать кружевные манжеты у придворных. Отучить его от этой привычки взялся г-н де Морепе. В один прекрасный день он является к королю в на

редкость красивых манжетах. Людовик XV тут же подходит к нему и разрывает одну из них. Г-н де Морепа невозмутимо рвет другую и замечает: «Странно! Мне это не доставило никакого удовольствия». Король смешался, покраснел и с тех пор не трогал чужих манжет.

* * *

Как известно, Бомарше не пожелал драться с герцогом де Шоном,²⁰⁶ когда тот грубо обошелся с ним. Вот почему, получив однажды вызов от г-на де Ла Блаша,²⁰⁷ он ответил ему: «Я и не таким отказывал».

* * *

Пытаясь одной фразой выразить, как редко встречаются в свете порядочные люди, М* — я сам это слышал — сказал, что порядочный человек — это редчайшая разновидность человеческой породы.

* * *

Придя к мысли, что дух нации следует обновить, Людовик XV осведомился у маленького Бертена²⁰⁸ (министра), какими, по его мнению, путями следует идти к столь великой цели. Министр с важным видом попросил дать ему время поразмыслить. В результате этих размышлений, а вернее сказать, мечтаний, он

нашел желательным привить нации тот же дух, каким проникнут Китай. Именно этому глубокомысленному умозаключаяю мы обязаны выходом в свет серии книг под общим названием «История Китая, или Китайские анналы».

* * *

Однажды г-н Де Сурш, уродливый фат, маленький, темнолицый и похожим на филина, объявил, уезжая из гостей: «Нынче я впервые за два года ночью дома». При этих словах епископ Агдский обернулся увидел лицо говорящего и, глядя ему прямо в глаза, сказал: «Понимаю сударь, — обычно вы спите на насесте».

* * *

Г-н де Р* прочел в одном обществе несколько эпиграмм на людей которые все бед исключения уже почили вечным сном. После этого присутствующие обернулись к г-ну де*, словно спрашивая его, не позабавит ли он их тоже какой-нибудь эпиграммой. «Нет, — с наивным видом ответил де* — мне нечего вам прочесть: все мои знакомые живы».

* * *

В свете порою можно встретить женщин, занимающих положение более высокое, чем им

полагается по рангу. У них ужинают вельможи и знатные дамы, бывают принцы и принцессы, и всем этим вниманием к себе они обязаны только тому, что стяжали известность любовными похождениями. Они — своего рода девки, заслужившие признание у порядочных людей, которые как бы по молчаливому уговору ездят к ним с визитами, поскольку такие визиты никем не принимаются всерьез и никого ни к чему не обязывают. К числу таких женщин, на нашей памяти, относились г-жа Бризар, г-жа Каз и многие другие.

* * *

Однажды г-н де Фонтенель, которому было в то время девяносто семь лет, наговорил кучу любезностей г-же Гельвеций, юной, прелестной и только что вышедшей замуж. Затем, направляясь к столу и проходя мимо этой молодой особы, он не заметил ее. «Вот видите, как мало можно верить вашим комплиментам, — упрекнула его она. — Вы идете мимо и даже не смотрите в мою сторону». — «Сударыня — возразил он, — глянув в вашу сторону, я уже не прошел бы мимо».

* * *

Однажды, в последние годы своего царствования, Людовик XV, будучи на охоте, плохо отозвался о женщинах — его, вероятно, чем-нибудь

рассердила г-жа Дюбарри. Вторя ему, маршал де Ноайль тоже стал поносить женщин и заявил, что, употребив их по прямому назначению, с ними следует немедленно расставаться. После охоты хозяин и слуга оказались у г-жи Дюбарри и г-н де Ноайль наговорил ей кучу любезностей. «Не верьте ему!», — воскликнул король и повторил все, сказанное маршалом на охоте. Г-жа Дюбарри разгневалась, и тут де Ноайль заявил: «Сударыня, я действительно сказал это королю, но имел при этом в виду не версальских, а сенжерменских дам». В Сен-Жермене²⁰⁹ жили тогда его собственная жена, г-жа де Тессе,²¹⁰ г-жа де Дюрас и т.д. Анекдот этот я слышал от очевидца, маршала де Дюраса.²¹¹

* * *

Герцог де Лозен говаривал: «Мы с господином де Калонном часто и довольно горячо спорим. Но так как оба мы люди бесхарактерные, то каждый торопится покончить дело миром; первым обычно сдается тот, кто быстрее находит благовидный предлог к отступлению».

* * *

Когда король Станислав назначил пенсии нескольким бывшим иезуитам, г-н де Трессан осведомился: «Не соблаговолит ли ваше величество сделать что-нибудь и для семьи Дамьена²¹² - она

прозябает в самой безысходной нужде?».

* * *

Однажды Фонтенель - ему было тогда уже восемьдесят лет — любезно подал некой молодой и красивой, но дурно воспитанной даме оброненный ею веер, который она приняла с крайне высокомерным видом. «Ах, сударыня! — воскликнул Фонтенель. — Как вы расточительны в своей суровости!».

* * *

Г-н де Бриссак, ²¹³ одурев от сословной спеси, частенько именовал господа бога «всевышним дворянином».

* * *

Кто хочет кого-нибудь обязать, кому-нибудь оказать услугу, но не умеет сделать это со всей возможной деликатностью, говаривал М*, тот почти всегда старается понапрасну: он не найдет пути к сердцу человека, а сердце-то и нужно завоевать. Такой горе-благодетель похож на генерала, который, взяв город, дал бы вражескому гарнизону укрыться в цитадели и тем самым свел бы на нет свою победу.

* * *

Г-н Лорри, врач, рассказывал, что однажды его вызвала к себе прихворнувшая г-жа де Сюлли и рассказала ему о дерзкой выходке Борде. Тот якобы объявил ей: «Вы здоровы, но вам нужен мужчина — и он перед вами» — и тут же предстал ей в не слишком пристойном виде. Лорри постарался оправдать собрата и наговорил г-же де Сюлли множество почтительных комплиментов. «Дальнейшее мне неизвестно, — добавлял он. — Знаю только, что она пригласила меня еще раз, а потом вновь прибегла к услугам Борде».

* * *

Аббат Арно когда-то качал на коленях маленькую девочку, ставшую потом г-жой Дюбарри. Однажды последняя сказала ему, что хотела бы оказать ему какую-нибудь услугу, и прибавила: «Только представьте мне памятную записку». «Памятную записку? — подхватил он. — Вот она, извольте: „Я — аббат Арно”».

* * *

Брейский кюре несколько раз переходил из католичества в протестантизм и обратно. Когда его друзья удивились такому непостоянству, он воскликнул: «Это я-то непостоянен? Я склонен к измене? Ничего подобного. Мои убеждения всегда неизменны: я хочу оставаться брейским кюре».

* * *

Как известно, король прусский позволял кое-кому из приближенных быть с ним на короткой ноге. Особенно злоупотреблял этим генерал Квинт Ицилий.²¹⁴ Накануне битвы при Россбахе²¹⁵ король заметил ему, что в случае поражения уедет в Венецию и сделается врачом. «Вот прирожденный човекоубийца!», — отозвался Квинт Ицилий.

* * *

Шевалье де Монбаре²¹⁶ довольно долго жил в каком-то провинциальном городе. Когда он вернулся, друзья стали его жалеть — ему ведь, надворно, пришлось там вращаться бог знает среди кого. «Ошибаетесь, возразил он: — хорошее общество в этом городе такое же, как повсюду; зато дурное — просто превосходно».

* * *

Некий крестьянин поделил все свое убогое достояние между четырьмя сыновьями, а сам стал жить то у одного, то у другого из них. Однажды, когда он вернулся, погостив у очередного сына, его спросили: «Ну, как тебя там приняли? Как с тобой обходились?». - «Как со мной обходились? — отозвался он. — Как с родным сыном». Не правда

ли, изумительный ответ в устах такого отца!

* * *

В одном обществе, где находился и г-н Шувалов, ²¹⁷ бывший любовник императрицы Елизаветы, зашел разговор о какой-то истории, связанной с Россией. «Поведайте нам ее, господин Шувалов, — попросил Дальи де Шабрийан. — Она, без сомнения, вам известна: вы же были госпожой де Помпадур у себя в стране».

* * *

Когда в день своего бракосочетания граф д'Артуа вел молодую супругу к столу, он указал ей на теснившихся вокруг чинов их придворного штата и заявил: «Все, кого вы здесь видите, — наши слуги». Фраза эта, произнесенная так громко, что многие ее услышали, стала крылатой, хотя она лишь одна из тысячи ей подобных. Но даже мириады таких словечек не помешают французской знати всеми правдами и неправдами наперебой домогаться мест, равнозначных должности лакея.

* * *

«Чтобы понять, что такое дворянство, — говорил М*, — достаточно вспомнить, что нынешний принц де Тюрэнн знатнее просто господина де Тюрэнна, ²¹⁸

а маркиз де Лаваль²¹⁹ — коннетабль²²⁰ де Монморанси». ²²¹

* * *

Г-н де*, усматривавший причину упадка рода человеческого в появлении назарейской секты²²² и в феодальном порядке, говорил, что лишь тот будет хоть чего-нибудь стоить, кто отречется от христианства, перестанет быть французом и душой уподобится греку или римлянину.

* * *

Король прусский спросил Даламбера, видел ли тот короля Франции.

— Да, государь, — ответил Даламбер. — Я преподнес ему речь, произнесенную мною при вступлении в Академию.

— И что же он вам сказал? — осведомился король прусский.

— Государь, он не стал со мной разговаривать.

— С кем же он тогда говорит? — удивился Фридрих.

* * *

Г-н Амело, ²²³ министр по делам Парижа, человек на редкость ограниченный, сказал как-то г-ну

Биньону:²²⁴ «Покупайте побольше книг для королевской библиотеки — надо же, наконец, разорить Неккера».²²⁵ Он полагал, что для этого достаточно перерасходовать 30-40 тысяч франков.

* * *

От друзей самого г-на д'Эгийона достоверно известно, что король никогда не назначал его министром иностранных дел. Просто г-жа Дюбарри однажды объявила ему: «Эта история слишком затянулась. Завтра же утром вы едете благодарить короля за место». Потом она предупредила короля: «Завтра утром господин д'Эгийон явится благодарить вас за назначение статс-секретарем по иностранным делам». Король промолчал. Д'Эгийон не решался ехать, но г-жа Дюбарри настояла, и он повиновался. Король и ему не сказал ни слова; тем не менее д'Эгийон тут же вступил в должность.

* * *

Представляясь в Нешателе²²⁶ принцу Генриху,²²⁷ М* сказал, что нешательцы обожают прусского короля. «Еще бы! — ответил принц. — Как подданным не любить монарха, если он живет за триста лье от них!».

* * *

Аббат Рейналь, обедая как-то в Нешателе у принца Генриха, все время разглагольствовал сам, не давая хозяину вставить хотя бы словечко. Чтобы получить, наконец, такую возможность, принц сделал вид, будто уронил что-то на пол, воспользовался наступившим молчанием и заговорил в свой черед.

* * *

Во время беседы короля прусского с Даламбером в комнату вошел один из слуг Фридриха, человек настолько красивый, что внешность его поразила Даламбера. «Это первый красавец в моих впадениях, — заметил король. — Одно время он состоял при мне кучером, но я подумывал, не назначить ли его послом в Россию».²²⁸

* * *

Кто-то заметил, что подагра — единственная болезнь, которая придает человеку еще больше веса в обществе. «Еще бы! подхватил М*. Она все равно что крест Святого Людовика, данный за успехи у дам».

* * *

Г-н де Ла Реньер собирался жениться на мадмуазель де Жарент, юной и прелестной. Однажды, вернувшись от нее и предвкушая близкое свое блаженство, он спросил г-на де Мальзерба, с

которым состоял в свойстве:

— Как вы считаете, будет мое счастье полным?

— Это зависит от обстоятельств.

— Вот как? От каких же именно?

— От того, кто станет первым любовником вашей жены.

* * *

Дидро²²⁹ водил знакомство с одним шалопаем, очередная выходка которого привела к тому, что его дядя, богатый каноник, вознамерился лишить племянника наследства. Дидро отправился к этому канонику и вступился за молодого человека. Сперва он говорил с серьезным и важным видом, затем одушевился и впал в патетический тон. Хозяин, прервав его, стал рассказывать ему о нескольких недостойных поступках племянника.

— За ним водится кое-что похуже, — возразил Дидро.

— Что именно? осведомился старик.

— Однажды он решил убить вас прямо в ризнице, но в это время туда кто-то вошел и помешал ему.

— Не может быть! Это клевета! — воскликнул каноник.

— Допускаю, — согласился Дидро. — Но даже если это правда, вы все равно обязаны простить вашего племянника ввиду его искреннего раскаяния, трудного положения и нищеты, в которую он впадет, если вы отречетесь от него.

Некоторые мои знакомцы из числа людей, наделенных пылким воображением и способностью тонко чувствовать, а потому неизменно проявляющих живой интерес к прекрасному полу, не раз говорили мне, что их всегда удивляет, как мало на свете женщин, восприимчивых к искусству, в особенности к поэзии. Один поэт, чьи весьма приятные произведения пользуются заслуженной известностью, рассказывал мне, в какое изумление повергала его некая умная, изящная, обладающая чувствительным сердцем дама. Она всегда была со вкусом одета, отлично играла на многих инструментах и при этом не имела ни малейшего представления о том, что такое ритм или чередование рифм: ей ничего не стоило заменить в стихе удачное, порой гениально найденное слово первым попавшимся, банальным выражением, даже если последнее нарушало размер. Из-за этого, признался мой собеседник, с ним не раз случалось то, что сам он именовал осечкой и что, по моему, было большим несчастьем для поэта, писавшего эротические стихи и всю жизнь стремившегося стяжать благосклонность женщин.

Однажды, разговаривая с Вольтером, герцогиня де Шон осыпала его всяческими похвалами и с особенным восторгом отозвалась о гармоничности его прозы. Вольтер тут же упал к ее ногам и воскликнул: «Ах, сударыня, благодарю! Ведь я живу

со свиньей, лишенной всякого слуха, не понимающей, что такое ритм, гармония» и т.д. Свинья, о которой он говорил, была г-жа дю Шатле,²³⁰ его Эмилия.

* * *

Король прусский неоднократно приказывал составлять заведомо негодные топографические планы разных местностей. На них указывалось, например, что такое-то болото непроходимо, и неприятель, полагаясь на карту, верил тому, чего на самом деле не было.

* * *

М* называл высший свет притоном, в посещении которого не стыдно сознаться.

* * *

Я спросил М*, как случилось, что ни одна из земных радостей, насколько я могу судить, не поработила его. «Отнюдь не потому, — ответил он, — что я равнодушен к ним. Просто я нахожу, что за них приходится расплачиваться слишком дорого. Слава влечет за собой клевету, видное положение обязывает постоянно быть настороже, любовные утехи вынуждают много двигаться и утомляться, житейский успех сопряжен с различными неудобствами, ибо люди следят за каждым вашим

шагом, обсуждают и осуждают его. Все, что может мне дать свет, я нахожу в своей собственной душе. Эти многократно подтвержденные наблюдения не привели меня ни к бесстрастию, ни к безразличию, но я сделался, так сказать, неподвижен; теперешнее мое положение представляется мне наилучшим из всех возможных, поскольку приятность его определена этой моей неподвижностью и возрастает вместе с последней. В самом деле, любовь — источник горестей, сладострастие без любви — минутная забава, а брак — еще того хуже; стать отцом — это честь, чреватая всяческими несчастьями; держать открытый дом — это занятие, подобающее скорее владельцу постоянного двора. Расточая вам знаки внимания, люди руководятся столь низменным и откровенным расчетом, что их дружба может обмануть лишь дурака и польстить лишь тщеславному шуту. Или всего этого я заключил, что покой, дружба и размышление — единственные блага, которых стоит домогаться в том возрасте, когда безумства уже наскучили».

* * *

Маркиз де Вилькье, ²³¹ капитан гвардии, состоял в числе друзей великого Конде.²³² Однажды, когда он находился у г-жи де Моттвиль,²³³ кто-то принес весть, что принц арестован по приказу двора.

— Ах, боже мой, я погиб! - простонал маркиз.

Удивленная этим восклицанием, хозяйка сказала:

— Я знала, что вы — друг принца, но не думала, что такой близкий. — Как! — вскричал гость. — Разве вам не известно, что приводить такие приказы в исполнение полагается мне? Меня не позвали, — значит, мне не доверяют, это же ясно.

— Мне кажется, — возмутилась г-жа де Моттвиль, — что ваши опасения излишни: вы ведь не дали двору никаких оснований подозревать вас в измене. Радуйтесь же, что вам не пришлось сажать друга в тюрьму.

И г-н де Вилькье устыдился первого движения своей души, обнаружившего всю ее низость.

* * *

Во время званого ужина, на котором присутствовала г-жа д'Эгмонт,²³⁴ доложили о приходе человека по фамилии Дюгеклен. При этом имени²³⁵ фантазия гостыи разыгралась. Она попросила посадить новоприбывшего рядом с нею, осыпала его любезностями и даже предложила ему отведать кушанья, стоявшего перед нею на столе (это были трюфели). «Сударыня, — ответил глупец, — зачем мне они, когда рядом вы?». — «При этих словах, — рассказывала г-жа д'Эгмонт, — я пожалела о том, что была с ним столь предупредительна, и поступила как дельфин из басни,²³⁶ который спас кого-то во время кораблекрушения, но, увидев, что это не человек, а обезьяна, сбросил ее обратно в море».

Мармонтель в молодости любил бывать в обществе старика Буэндена, ²³⁷ стяжавшего известность своим остроумием и безбожием. Однажды тот сказал ему: «Встретимся у Прокола». ²³⁸ — «Но там же нельзя говорить о философских материях». — «Нет, можно, если придумать условный язык, нечто вроде арго». И они тут же составили для себя словарик: душу назвали Марго, религию — Жавотта, свободу — Жаннетон, а всевышнего — господин де Бог.

Вот они сидят в кафе, спорят и отлично понимают друг друга. Неожиданно в их беседу вмешивается подозрительная личность в черном и спрашивает Буэндена: «Нельзя ли узнать, сударь, кто этот господин де Бог, который ведет себя так дурно и которым вы так недовольны?». — «Сударь, — отвечает Буэнден, — он — полицейский шпион».

Легко себе представить, каким хохотом посетители кафе встретили его слова: господин в черном сам был из людей такого сорта.

Однажды, когда Людовик XIV опасно захворал, лорд Болинброк ²³⁹ выказал искреннее сочувствие больному. Удивленный монарх сказал ему: «Я тем более тронут вашим вниманием, что вы, англичане, не любите королей». — «Государь, — ответил

Болинброк, — в этом мы похожи на тех мужей, которые не любят собственных жен, но стараются понравиться женам соседней».

У шевалье де Бутвиля²⁴⁰ вышел спор с женевискими представителями.²⁴¹ Один из них очень разгорячился. «Разве вам не известно, что я представляю здесь короля, моего повелителя?», — остановил его шевалье. «А разве вам не известно, что я представляю здесь тех, кому я равен?», — отпарировал женевец.

* * *

Графиня д'Эгмонт нашла очень достойного человека на должность наставника к своему племяннику, г-ну де Шинону, но не решалась заговорить о нем со своим братом, г-ном де Фронсаком: тот считал ее особой чересчур строгих правил. Тогда она пригласила к себе поэта Бернара²⁴² и, когда тот явился, рассказала ему, в чем дело. Бернар ответил: «Сударыня, автор „Искусства любви“ слывет человеком не слишком нравственным, но в этих обстоятельствах нужен кто-нибудь еще более легкомысленный. Знайте, что мадмуазель Арну²⁴³ разрешит все ваши затруднения гораздо скорее, чем я». — «Вот и прекрасно — рассмеялась г-жа д'Эгмонт. — Устраивайте ужин у мадмуазель Арну». Так и было сделано. Во время ужина Бернар посоветовал пригласить наставником аббата Лаплана, и г-н де Фронсак согласился. Это был тот самый аббат

Лапдан, который стал впоследствии воспитателем герцога Энгиенского.²⁴⁴

* * *

Когда некоего философа упрекнули в чрезмерной любви к уединению, он возразил: «В свете все стремится меня принизить; в одиночестве все меня возвышает».

* * *

Г-н де Б* — один из тех глупцов, которые всерьез верят, что положение в свете всегда соответствует истинной ценности человека. В простодушии своем он не допускает даже мысли, что человек порядочный, но ниже его рангом или не украшенный орденом, может пользоваться большим уважением, нежели он. Вот г-н де Б* встречает такого человека в одном из тех домов, где еще не разучились чтить талант. Он по-дурацки таращит глаза от изумления. «Не иначе как этот человек выиграл крупный куш в лотерее», - думает он и позволяет себе называть нового знакомого «любезный», хотя к последнему даже в самом избранном обществе относятся чрезвычайно почтительно. Я не раз наблюдал подобные сцены, достойные пера Лабрюйера.²⁴⁵

* * *

Внимательно присмотревшись к М*, я нашел, что характер у него весьма примечательный: он очень приятен в обхождении, ибо, стремясь понравиться только друзьям или тем, кого уважает, он вместе с тем всячески избегает вызывать к себе неприязнь. Такое поведение представляется мне вполне разумным: оно позволяет воздавать должное как дружбе, так и свету. Делать людям больше добра, быть услужливей и ласковей, нежели М*, нетрудно; причинять им меньше вреда, реже докучать им и раздражать их, нежели он, невозможно.

* * *

Однажды, когда аббату Делилю предстояло читать свои стихи в Академии по случаю вступления в нее одного из его друзей, он бросил такую фразу: «Мне хочется, чтобы о чтении не знали заранее, но я боюсь, что сам же о нем и разболтаю».

* * *

Г-жа Воze предавалась любовным утехам с неким учителем немецкого языка. Так их и застал г-н Воze, ²⁴⁶ вернувшись из Академии. «Я же вам говорил, что мне надобно уходить», - упрекнул даму немец. «Что мне надобно уйти», - поправил г-н Воze, даже в эту минуту оставаясь пуристом.

* * *

Г-н Дюбрейль, ²⁴⁷ уже смертельно больной, сказал своему другу, г-ну Пемежа:²⁴⁸ «Друг мой, зачем ко мне впустили столько народу? Здесь можно находиться только тебе: ведь моя болезнь заразна».

Пемежа спросили, велико ли его состояние.

— У меня полторы тысячи ливров ренты.

— Это очень мало. — Не беда, — ответил Пемежа. — Дюбрейль богат.

* * *

Узнав о смерти г-на Дюбрейля, графиня де Тессе сказала: «Он был такой несговорчивый, такой неподкупный. Всякий раз, когда я собиралась подарить ему что-нибудь, у меня от волнения делался приступ лихорадки». — «У меня тоже, — подхватила г-жа де Шампань, в свое время поместившая на имя Дюбрейля 36000 ливров. — Поэтому я решила отболеть разом и не мучиться больше недомоганиями по пустякам».

* * *

Когда аббат Мори был еще беден, он взялся обучать латыни некоего старого советника парламента, пожелавшего читать в подлиннике гостициановы «Институции».²⁴⁹ Через несколько лет он встречается с ним в одном и — к немалому удивлению его бывшего ученика — весьма родовитом

семействе.

— Ба! Это вы, аббат? Каким ветром вас сюда занесло? покровительственно осведомляется советник.

— Тем же, что и вас.

— Ну, я — это другое дело. Итак, ваши дела пошли на лад? Вы чего-нибудь добились на духовном поприще?

— Я — главный викарий господина де Ломбе.

— Черт побори, это уже кое-что! И сколько же вам дает ваше место?

— Тысячу франков.

— Немного, — бросает советник, вновь впадая в покровительственный и чуть пренебрежительный тон.

— Но у меня есть приорство, приносящее мне тысячу эю.

— Тысячу эю? Недурно! (Говорится это с видом уже куда более почтительным).

— А с хозяином здешнего дома я познакомился у кардинала де Рогана.

— Ого Вы бываете у кардинала де Рогана?

— Да. Он исхлопотал для меня аббатство.

— Аббатство? В таком случае прошу вас, господин аббат, сделайте мне честь и отобедайте у меня.

* * *

Как-то вечером, сидя в кругу своих угодников, которые завели разговор о дружбе, г-н де Ла Поплиньер²⁵⁰ разулся и протянул ноги к огню.

Подошла его болонка и стала их лизать. «Вот истинный друг!», — возгласил де Ла Поплиньер, указывая на собачку.

* * *

Боссюэ²⁵¹ так и не удалось научить Великого дофина²⁵² писать письма: этот принц был очень нерадив. Рассказывают, что все его записки к графине дю Рур²⁵³ неизменно заканчивались одной и той же фразой: «Король вызывает меня на совет». Когда графиню удалили от двора, один из приближенных дофина спросил его, не огорчен ли он этим событием. «Конечно, огорчен, — ответил принц. — Зато мне больше не придется писать ей записки!».

* * *

Архиепископ Тулузский (Бриенн) в разговоре с г-ном де Сен-При, дедом г-на д'Антрага, заметил: «Ни один министр французских королей никогда не доводил свои честолюбивые планы до полного завершения». «А кардинал Ришелье?», — удивился собеседник. «Он остановился на полпути», — отрезал архиепископ. В этой фразе — весь его характер.

* * *

Маршал де Бройль, женатый на наследнице негоцианта, имел от нее двух дочерей. Однажды ему и г-же де Бройль посоветовали отдать одну из них в

какой-нибудь монашеский орден. «Мой брак с госпожой де Бройль закрыл мне дорогу во все ордена», ²⁵⁴ — ответил маршал. «И в богадельню», — подхватила его супруга.

* * *

Супруга маршала де Люксембурга, приехав в церковь с опозданием, осведомилась, давно ли началась служба. В эту минуту раздался звон колокольчика, возвещающий возношение святых даров, и граф де Шабо, заикаясь, сказал ей: «Сударыня,

Я слышу колокольчик
—Барашка к нам ведут».

Это стихи из одной комической оперы.

* * *

Когда виконт де Ноайль²⁵⁵ бросил юную г-жу М*, та, пребывая в отчаянье, твердила: «У меня, вероятно, будет еще много любовников, но никого я не люблю так, как любила виконта де Ноайля».

* * *

Когда герцогу де Шуазелю кто-то сказал, что ему беспримерно везет в жизни, он ответил: «Да, везет

— и на удачи, и на неудачи». «Как так?». — «А вот, судите сами. Я всегда был очень обходителен с потаскушками, но одну все-таки пренебрег, а она взяла и стала некоронованной королевой Франции.²⁵⁶ Я пекся о войсковых инспекторах,²⁵⁷ осыпал их золотом и отличиями, но к одному из них, всеми презираемому, отнесся несколько свысока, а он — это господин де Монтенар²⁵⁸ — сделался военным министром. Известно, как я заботился о всех наших послах, за исключением одного тугодума, которого остальные дипломаты не ставили ни в грош и с которым они не желали знаться из-за его нелепого мезальянса, а он — это господин де Верженн, — он-то и стал министром иностранных дел. Согласитесь, я имею основания утверждать, что мне беспримерно везет во всех смыслах — и на удачи, и на неудачи».

* * *

Характер г-на президента де Монтескье²⁵⁹ был отнюдь не столь возвышен, как его гений. Всем известны его аристократические пристрастия, мелкое тщеславие и проч. Когда вышел «Дух законов», об этом сочинении было опубликовано множество дрянных или посредственных отзывов, которыми Монтескье с презрением пренебрег. Однако вскоре он узнал, что некий литератор написал о его трактате критический труд, где содержится немало метких замечаний, и что г-н Дюпен²⁶⁰ намерен выпустить эту книгу в свет под своим именем. Новость повергла

Монтескье в полное отчаяние. Тем временем книга была напечатана, и ее собирались пустить в продажу. Тогда Монтескье прибег к помощи г-жи де Помпадур, и та по его просьбе приказала доставить к ней типографа вместе с изданием, которое тут же все целиком пошло под нож. Спасти удалось лишь пять экземпляров.

* * *

Г-н и гжа д'Анживилье, г-н и г-жа Неккер представляют собой супружеские пары, единственные в своем роде. При встрече с ними кажется, будто каждый из них изумительно подходит к своей половине и что более прочную привязанность просто невозможно себе вообразить. Однако, присмотревшись к ним, я нашел, что чувство лишь в очень малой степени соединяет их, а если говорить о характерах, то именно несхожесть последних и связывает обе эти четы.

* * *

Маршал де Ноайль сильно бранил одну новую трагедию. «Но господин д'Омон, из чьей ложи вы смотрели эту пьесу, уверяет, что она исторгла у вас слезы», возразили ему. — «У меня? — удивился маршал. — Да что вы! Просто он сам заплакал после первой сцены, а я счел пристойным разделить его скорбь».

* * *

Г-н Т* сказал мне однажды, что светский человек, совершая смелый и честный поступок из побуждений, достойных этого поступка, то есть столь же благородных, вынужден, как правило, объяснять его мотивами Долее низменными и корыстными, иначе он вызовет слишком сильную зависть.

* * *

Людовик XV спросил герцога д'Эйена (впоследствии маршала де Ноайля), отправил ли тот уже свое столовое серебро на монетный двор.²⁶¹ Герцог ответил отрицательно. «А я вот свое отправил», — заявил король. «Ах, государь, — возразил д'Эйен, — когда Иисус Христос умирал в страстную пятницу, он отлично знал, что вернется к жизни в светлое воскресенье».

* * *

В те времена, когда у нас водились еще янсенисты, ²⁶² их узнавали по длинному воротнику плаща. Архиепископ Лионский, ²⁶³ который произвел на свет немало детей, при очередном подвиге такого рода тоже удлинял на дюйм воротник своего плаща.²⁶⁴ Воротник достиг у него в конце концов такой длины, что обладатель его прослыл янсенистом и довольно

долго был на подозрении у двора.

* * *

Одному французу дозволили осмотреть кабинет испанского короля. Увидев кресло и письменный стол монарха, путешественник воскликнул: «Так вот где работает этот великий государь!». «Что? Работает? — возмутился его провожатый. — Да как вы смеее утверждать, будто столь великий король работает? Вы, что же, явились сюда насмеяться над его величеством?». Произошла ссора, и французу пришлось немало попотеть. прежде чем он втолковал испанцу, что не имел намерения оскорбить достоинство его государя.

* * *

Де*, заметив, что г-н Барт²⁶⁵ ревнив (а ревновал он свою собственную жену), сказал ему: «Вы ревнуете? А известно ли вам, что это признак чрезмерного самомнения? Не понимаете? Извольте, объясню. Знайте: стать рогоносцем может отнюдь не всякий. Для этого надо держать открытый дом, быть человеком порядочным, учтивым, общительным. Сначала приобретите эти достоинства, а уж потом порядочные люди посмотрят, стоит ли им что-нибудь сделать и для вас. Ну, кто сейчас станет украшать рогами такого, как вы? Разве что какое-нибудь ничтожество. Когда вам придет время опасаться

рогов, я первый поздравлю вас с этим».

* * *

Г-жа де Креки так отозвалась при мне о бароне де Бретейле: «Черт возьми, этот барон хуже, чем грубое животное: он — дурак».

* * *

Один острослов говорил мне, что Франция — это абсолютная монархия, ограниченная песнями.

* * *

Однажды, войдя в кабинет г-на Тюрго, аббат Делиль застал его за чтением рукописи. Это были «Месяцы» Руше.²⁶⁶ Делиль догадался об этом и шутливо воскликнул: «Вокруг поэзия свой аромат струила». «Вы слишком надушены, чтобы различать запахи», —отозвался Тюрго.

* * *

Г-н Флери,²⁶⁷ генеральный прокурор, сказал как-то в присутствии нескольких литераторов: «Последнее время я замечаю, что в разговорах о делах правления стали употреблять слово „народ”. Вот вам плоды новой философии! Да разве можно забывать, что третье сословие всего лишь придаток

к государству?». (Другими словами, это означает, что из двадцати четырех миллионов человек двадцать три миллиона девятьсот тысяч представляют собой случайный и незначительный добавок к ста тысячам).

* * *

Милорд Херви, ²⁶⁸ путешествуя по берегу Италии и переправляясь через какую-то лагуну, погрузил в нее палец. «Ого! — воскликнул он. Вода-то соленая! Значит, эти места — наши». ²⁶⁹

* * *

Некто рассказывал о том, как он скучал, слушая в версальской церкви проповедь.

— Почему же вы не ушли с нее? — осведомился Дюкло.

— Я боялся потревожить присутствующих и оскорбить их чувства.

— А я, честное слово, предпочел бы вернуться в лоно веры после первых же слов такой проповеди, лишь бы не слушать ее до конца! — воскликнул Дюкло.

* * *

Будучи любовником г-жи Дюбарри, г-н д'Эгийон подхватил где-то на стороне некий галантный недуг и решил, что наградил им графиню, а следовательно,

погиб; на его счастье эти опасения не подтвердились. Вынужденный во время лечения, которое показалось ему очень долгим, воздерживаться от близости с г-жой Дюбарри, он говорил своему врачу: «Если вы не поторопитесь, эта болезнь погубит меня». Пользовал герцога тогда тот же г-н Бюссон,²⁷⁰ что еще раньше, в Бретани, вылечил его от смертельной болезни, когда остальные врачи потеряли уже надежду на благоприятный исход. Этим Бюссон оказал своей провинции дурную услугу, и ему припомнили ее, лишив его всех занимаемых им должностей на другой же день после падения д'Эгийона. Последний, став министром, долгое время не удосуживался что-нибудь сделать для г-на Бюссона, и тот, узнав, что герцог не лучше обошелся и с г-ном Ленге,²⁷¹ сказал: «Господин д'Эгийон не брезгует ничем и никем, кроме тех, кто спас ему честь и жизнь».

* * *

Увидев однажды мальчика, который проходил так близко от лошади, что животное могло бы навсегда изувечить его ударом копыта, г-н де Тюрэнн подозвал к себе ребенка и сказал: «Милое дитя, никогда не приближайся к лошади сзади — она может тебя покалечить. Лучше обойди ее. Поверь, что за всю свою жизнь ты не сделаешь и лишнего полулье из-за такой меры предосторожности, и запомни: тебе советует это господин де Тюрэнн».

* * *

Дидро спросили, что за человек г-н д'Эпине:²⁷²
«Это человека — ответил он, — который ухитрился
спустить два миллиона, не сказав ни одного умного
слова и не сделав ни одного доброго дела».

* * *

Г-н де Т*, желая дать понять, насколько слащавы
пастушеские идиллии Флориана, говаривал: «Они
даже понравились бы мне, если бы автор добавил к
барашкам немного волков».

* * *

Как-то раз г-н де Фронсак отправился взглянуть
на планисферу, которую показывал художник,
изготовивший ее. Этот человек, видя на посетителе
крест Святого Людовика, но не зная, кто он, употребил
при обращении к нему всего лишь титул шевалье.
Тщеславный Фронсак, уязвленный тем, что его не
назвали герцогом, тут же сочинил целую историю, в
которой фигурировал один из его слуг, якобы
назвавший хозяина «монсеньер». При этом слове г-н
де Жанлис перебил рассказчика: «Как ты сказал?
Монсеньер? Да ведь тебя примут за епископа!».

* * *

Г-н де Лассе, человек очень мягкий, но отлично
знавший свет, говаривал, что, если человеку

предстоит провести целый день в обществе, он должен на завтрак проглотить жабу — тогда до самого вечера ничто уже не вызовет в нем отвращения.

* * *

Г-ну Даламберу случилось повидать г-жу Деки на другой же день. после ее бракосочетания с г-ном Дювивье. Его спросили, счастливый ли у нее был вид. «Очень счастливый, — ответил он. — Поверьте мне, счастливый до тошноты».

* * *

Некто, послушав «Георгики» Вергилия в переводе аббата Делиля, сказа поэту: «Перевод превосходен. Не сомневаюсь, что как только автора назначат епископом, первый же свободный бенефиций — за вами»..

* * *

Господа де Б* и де К* настолько близки, что их чуть ли не почитают образцом истинной дружбы. Однажды де Б* осведомляется у де К*

— Не было ли среди женщин, принадлежавших тебе, какой-нибудь кокетки, которая спросила бы, кто тебе дороже — она или я, и готов ли ты пожертвовать мною ради нее?

— Была.

— Кто же это?

— Госпожа де М*, — ответил де К*.

Речь шла о любовнице его друга.

* * *

С возмущением рассказав мне об одной плутне поставщиков провианта, М* воскликнул: «Это стоило жизни пяти тысячам человек — они буквально умерли с голоду, сударь. Вот уж поистине знатный кусок с королевского стола!».

* * *

г-н Вольтер заметил однажды по поводу религии, повсеместно приходящей в упадок: «А жаль! Скоро нам нечего будет осмеивать». — «Утешьтесь! — возразил г-н Сабатье де Кабр. — Предмет и повод для осмеяния всегда найдутся». — «Не скажите, сударь! — сокрушенно вздохнул Вольтер. — Вне церкви нет благодати!».

* * *

Незадолго до смерти тяжелобольной принц Конти пожаловался Бомарше, что не надеется выздороветь — слишком уж он истощен тяготами войны, вином и наслаждениями. — Что касается походов, — возразил Бомарше, то принц Евгений проделал двадцать одну кампанию и все-таки умер в семидесятивосьмилетнем

возрасте. Что до вина, то маркиз де Бранкас ежедневно осушал шесть бутылок шампанского и тем не менее дожил до восьмидесяти четырех лет. — Допустим, — согласился принц. — А как насчет любовных утех? — Вспомните вашу матушку! — отпарировал Бомарше (принцесса скончалась на восьмидесятом году жизни). — Верно! — обрадовался Конти. — Пожалуй, я еще выкарабкаюсь.

* * *

Как-то раз регент обещал позаботиться о молодом Аруэ, то есть подыскать ему должность и сделать из него важную персону. Вскоре после этого юный поэт попался регенту на глаза, когда тот в сопровождении всех четырех статс-секретарей шел с заседания кабинета. Заметна его, регент сказал: «Я не забыл о тебе, Аруэ, — ты будешь ведать департаментом придворных шутов». — «Что вы, монсеньер! — ответил Аруэ. — Там у меня нашлось бы чересчур много соперников. Четверых я уже вижу». Регент чуть не лопнул со смеху.

* * *

Когда маршал Ришелье после взятия Маона явился ко двору, первые, вернее, единственные слова, сказанные ему Людовиком XV, были таковы: «Знаете, маршал, а ведь бедняга Лансматт умер». Лансматтом звали старого камер-лакея.

* * *

Когда «Журналь де Пари» напечатал чрезвычайно глупое письмо г-на Бланшара о воздухоплавании, кто-то заметил: «Господину Бланшару уже незачем подниматься в воздух — он и без того воспарил».

* * *

Монтазе, епископ Отенский, а затем архиепископ Лионский, был не только священник, но и отменно ловкий царедворец. Доказательство тому — хитрость, на которую он однажды пустился. Зная за собой грешки, могущие легко погубить его в глазах театинца Буайе, епископа города Мирлуа, он сам написал на себя анонимное письмо, полное клеветнических и явно нелепых измышлений. Послание это он адресовал епископу Нарбоннскому. Тот имел с ним объяснение, и Монтазе намекнул ему на коварство своих тайных недругов. Когда же последние действительно прибегли к анонимным письмам, где была изложена доподлинная правда, Буайе решил пренебречь ими: обманутый первым письмом, он счел за благо не доверять и остальным.

* * *

Людовик XV заказал свой портрет Латуру и во

время сеансов часто разговаривал с художником. Ободренный тем, что король доволен его работой, живописец, естественно, осмелел и однажды позволил себе сказать: «А ведь ваши адмиралы не в ладах с морем, государь». «Вот как? — сухо отозвался король. — Зато с ним в ладах мой Берне».

* * *

Герцогиня де Шон, жившая в разводе с мужем, находится при смерти. Е.К докладывают: — Вас пришли соборовать. — Еще минутку) — Вас желает видеть герцог де Шон. — Он здесь? — Да. — Пусть обождет. Впустите его вместе со святыми дарами.

* * *

Как-то раз, когда я гулял в обществе одного своего друга, с ним раскланялась довольно подозрительная личность. Я спросил, кто это такой. Мой друг ответил, что это человек, совершающий ради отечества то, на что не решился бы даже Врут. Я попросил собеседника низвести свою высокую мысль до уровня моего убогого разума и узнал, что его знакомец-полицейский шпион,

* * *

г-н Лемьер, сам того не подозревая, отменно сострил, когда сказал, что между его «Малабарской

вдовой» в постановке 1770 года и той же трагедией в постановке 1781 года такая же разница, как между вязанкой и возом дров. В самом деле, успех этой пьесе после ее возобновления принес именно костер на сцене, устроенный гораздо более эффектно, нежели в первый раз.

* * *

Некий философ, решив начать уединенную жизнь, прислал мне письмо, дышавшее рассудительностью и добродетелью. Кончалось оно такими словами: «Прощайте, друг мой! Не старайтесь подавить в себе интересы, связующие людей с обществом, но непременно развивайте в себе чувства, которые отдаляли бы вас от него».

* * *

Дидро, и в шестьдесят два года остававшийся любителем женщин, сказал однажды ком-то из друзей: «Я то и дело твержу себе: „Ах, старый дурак, старый юбочник! Когда же ты перестанешь подвергать себя риску получить позорный отказ или дать осечку и осрамиться?“».

* * *

г-н де К* распространялся о преимуществах английского образа правления в собрании, где

присутствовало несколько епископов и аббатов. Один из них, аббат де Сегеран, возразил ему: «Сударь, то немногое, что я знаю об этой стране, отнюдь не пробуждает у меня желания поселиться в ней. Уверен, что мне там было бы очень плохо». — «Именно потому эта страна и хороша, господин аббат», — в простоте душевной ответил де К*.

* * *

Несколько французских офицеров посетили Берлин, и один из них явился на прием к королю в партикулярном платье и белых чулках. Король, подойдя к нему, осведомился, как его зовут. — Маркиз де Бокур. — Какого полка? — Шампанского. — А, того самого, где плюют на дисциплину). И король заговорил с остальными офицерами, на которых были мундиры и ботфорты.

* * *

г-н де Шон, заказав портрет своей жены в образе Венеры, никак не мог решить, в каком же виде ему самому позировать для парного портрета. Он поверил свои сомнения мадмуазель Кино, и та посоветовала: «Велите изобразить себя Вулканом».

* * *

У врача Бувара был на лице шрам в форме буквы

«С», который сильно обезобразивал его. Дидро любил повторять, что Бувар обязан этим уродством своей неловкости: взявшись за косу Смерти, он стукнулся о косовище.

* * *

Проезжая через Трясет и по обычаю своему сохраняя инкогнито, император остановился в гостинице. На вопрос его, не найдется ли удобной комнаты, ему ответили, что свободны лишь две чердачные каморки, последний хороший номер занял недавно приехавший немецким епископ. Император распорядился подать ужин, но и тут оказалось, что остались лишь яйца да овощи: вся птица пошла на стол прелату и его свите. Тогда император велел спросить епископа, не пригласит ли тот его, как иностранца, разделить с ним трапезу. Епископ ответил отказом. Императору пришлось ужинать с одним из епископских капелланов, для которого не нашлось места за общим столом. Он спросил священника, зачем они едут в Рим. «Его преосвященство намерен исхлопотать себе бенефиций, приносящий пятьдесят тысяч гульденов дохода, благо император еще не знает, что этот бенефиций освободился», ответил капеллан и переменял разговор. Вечером император написал два письма: одно — кардиналу-датарию, другое — своему послу, и попросил нового знакомца по приезде в Рим передать их по адресу. Капеллан сдержал слово и, к

великому своему изумлению, получил от кардинала-датария жалованную грамоту на вышеназванный бенефиций. Он сообщил об этом своему епископу, и тот немедленно уехал восвояси. Капеллан же задержался в Риме и позднее рассказал прелату, что история с бенефицием явилась следствием писем, адресованных имперскому послу и кардиналу-датарию тем самым иностранцем, с которым его преосвященство не пожелал поделиться ужином в Триесте: иностранец оказался императором!

* * *

Граф де* и маркиз де* спросили меня, усматриваю ли я какое-либо различие в их житейских правилах. «Различие действительно есть, — ответил я: — один из вас готов лишь облизывать уполовник, а второй способен еще и проглотить его».

* * *

В 1788 году, получив отставку, барон де Бретейль всячески порицал поведение архиепископа Санского. Он называл его деспотом и приговаривал: «А вот я хотел, чтобы королевская власть не выродилась в деспотию и не выходила за пределы, которыми была ограничена при Людовике XIV». Он полагал, что такие речи — признак гражданского мужества и могут даже погубить его во мнении двора.

* * *

Однажды, когда у г-жи д'Эпарбе было любовное свидание с Людовиком XV, король сказал ей: — Ты жила со всеми моими подданными. — Ах, государь!.. — Ты спала с герцогом Шуазелем. — Но он так влиятелен! — С маршалом Ришелье. — Но он так остроумен! — С Монвилем. — У него такие красивые ноги! — В добрый час!.. Ну, а герцог д'Омон? У него-то ведь нет ни одного из этих достоинств. — Ах, государь, он так предан вашему величеству!

* * *

Г-жа де Ментенон гуляла с г-жой де Келюс у пруда в Марли. Вода была так прозрачна, что дамы разглядели плававших в ней карпов. Рыбы были тощими и невеселыми, двигались медленно. Г-жа де Келюс обратила на это внимание своей спутницы, и та ответила: «Они, как и я, скучают по тон мутной луже, откуда их извлекли».

* * *

Колле³⁰⁰ положил на срочный вклад изрядную сумму, поместив ее из десяти годовых у некоего финансиста, который за два года не выплатил ему ни одного су. «Сударь, — заявил банкиру Колле, — я обратил свои деньги в пожизненную ренту именно затем, чтобы получать ее при жизни».

Английский посол в Неаполе устроил однажды очаровательный праздник, стоивший ему, однако, не слишком дорого. Это стало известно, и в свете принялись злословить, хотя сначала праздник был сочтен очень удачным. Посол расквитался с хулителями как истый англичанин и человек, умеющий презирать деньги. Он объявил, что намерен устроить новый прием. Все решили, что британец собирается взять реванш и праздник будет поэтому чем-то из ряда вон выходящим. В назначенный день гости толпой съехались в посольство, но никаких приготовлений к приему не обнаружили. Наконец, слуга вынес жаровню. Собравшиеся замерли в ожилании чуда. «Господа, — сказал им посол, — вам не важно, весело у меня или скучно; вас интересует одно — во сколько мне встал прием. Смотрите же! И, распахнув свой фрак, он показал приглашенным его подкладку). На нее пошло полотно Доменикино ценой в пять тысяч гиней. Но это не все. Вот десять векселей на предъявителя по тысяче гиней каждый. Они выписаны на амстердамский банк (с этими словами посол скомкал бумаги и бросил их на жаровню). Не сомневаюсь, что сегодня вы разъедетесь по домам, довольные и праздником, и мною. До свиданья, господа! Прием окончен».

«Потомство, — говаривал г-н де Б*, — это всего-навсего новая публика в театре, приходящая на смену старой. Ну, а что такое нынешняя публика — нам известно».

* * *

Н* говорил: «Как в нравственном, так и в физическом отношении, как в прямом, так и в переносном смысле мне ненавистны три вещи: шум, опьянение и похмелье».

* * *

Узнав, что некая особа легкого поведения вышла за человека, слывшего до тех пор вполне добропорядочным, г-жа де Л* заметила: «Даже будучи потаскушкой, я все равно осталась бы честной женщиной: мне в голову бы не пришло взять в любовники того, кто способен на мне жениться».

* * *

«Госпожа де Ж*, — утверждал М*, — слишком умна и ловка, чтобы ее презирали столь же глубоко, как многих других женщин, гораздо меньше достойных презрения».

* * *

На первых порах своей брачной жизни покойная герцогиня Орлеанская была сильно влюблена в мужа — свидетели тому почти все закоулки Пале-Рояля. Однажды супруги отправились навестить вдовствующую герцогиню, которой тогда нездоровилось. Во время беседы она задремала, и герцог с молодой женой решили немного позабавиться, предавшись утехам прямо у постели больной. Та заметила это и упрекнула невестку: «Сударыня, вы первая заставляете меня краснеть за замужних женщин».

* * *

Маршал де Дюрае, разгневавшись на одного из своих сыновей, воскликнул: «Уймись, негодник, или поедешь ужинать к королю!». Дело в том, что молодой человек дважды ужинал в Марли и чуть не умер там со скуки.

* * *

Дюкло то и дело оскорблял аббата д'Оливе, о котором отзывался так: «Он настолько подл, что, несмотря на все мои грубости, ненавидит меня не больше, чем всех остальных».

* * *

Однажды, когда Дюкло рассуждал о том, что каждый представляет себе рай на свой манер, г-жа де Рошфор заметила: «Что до вас, Дюкло, то вам для райского блаженства нужны только хлеб, сыр, вино и первая встречная».

* * *

Некто осмелился сказать: «Хочу дожить до того дня, когда послед. него короля удавят кишками последнего попа».

* * *

В доме г-жи Делюше был заведен такой обычай: когда кто-нибудь развлекал гостей забавной историей, хозяйка тотчас покупала ее у рассказчика. «Сколько вы за нее хотите?». — «Столько-то...». Как-то раз г-жа Делюше стала проверять счет своей служанки, истратившей сто экую та назвала все расходы, но долго не могла вспомнить, на что ушла сумме в тридцать шесть ливров. «Ах, сударыня — вскричала она наконец. Мы же забыли историю, купленную вами у господина Кокле. Вы тогда еще позвонили, я прибежала и заплатила ему тридцать шесть ливров»

* * *

г-н де Внеси решил было порвать связь с

президентшей д'Алигр, но как раз в это время нашел у нее на камине письмо, адресованное чело веку, с которым она завела новую интрижку. Президентша писала, что щадя самолюбие Внеси, постарается все устроить так, чтобы он сам бра сил ее. С этой целью она, вероятно, и оставила письмо на видном месте Внеси, однако, притворился, что ничего не знает, и прожил с президентшей еще полгода, неотступно докучая ей своими нежностями.

* * *

г-н де Р* очень умен, но в его уме столько глупости, что порою его можно принять за дурака.

* * *

г-н д'Эпремениль с давних пор состоял в связи с г-жой Тилорье. Ей хотелось выйти за него замуж, и она прибегла к помощи Калиостро. Как известно, тот, играя на фанатизме и суеверии людей и дурача их алхимическими благоглупостями, вселил во многих надежду найти философский камень. Когда д'Эпремениль стал сетовать на то, что он никак не может получить этот камень, ибо какая-то формула Калиостро оказалась неверной, шарлатан ответил, что причина неудачи д'Эпремениля его греховная связь с г-жой Тилорье. «Успеха вы добьетесь лишь тогда, когда научитесь жить в согласии с незримыми силами, и особенно с главной среди них — Верховным

существом. Женитесь на госпоже Тилорье или порвите с нею». После этого г-жа Тилорье принялась кокетничать еще пуще, и д'Эпремениль женился на ней; таким образом, философский камень принес ей немалую пользу.

* * *

Людовику XV доложили, что один из его гвардейцев вот-вот отдаст богу душу — дурачась, он проглотил эю в шесть ливров. — Боже мой! — вскричал король. — Бегите же скорей за Андуг-Че, Ламартиньером, Лассоном! — Звать надо не их, государь, — возразил герцог де Ноайль. — Кого же тогда? — Аббата Терре. — Аббата Терре? Почему именно его? — Он немедленно обложит эту крупную монету десятиной, повторной десятиной, двадцатиной и повторной двадцатиной, после чего эю в шесть ливров станет обычным эю в тридцать шесть су, выйдет естественным путем, и больной выздоровеет. Это — единственная шутка, когда-либо задевшая аббата Терре; он запомнил ее и впоследствии сам пересказал маркизу де Семезону.

* * *

В бытность свою генеральным контролером финансов г-н д'Ормессон при двух десятках свидетелей заявил: «Я долго старался понять, на что нужны такие люди, как Корнель, Буало, Лафонтен,

но так и не понял». Это ему сошло: генеральному контролеру все сходит. Только г-н Пельтье де Морфонтен, его тесть, кротко упрекнул зятя: «Я знаю, вы действительно так думаете. Но старайтесь, хотя бы ради меня, в этом не сознаваться: я очень не люблю, когда вы бахвалитесь своими недостатками. Не забывайте: вы занимаете то же место, что и человек, который подолгу беседовал с глазу на глаз с Расином и Буало и принимал их у себя в поместье, а когда одновременно с ними туда наезжало несколько епископов, приказывал слугам: „Покажите этим духовным особам замен, сады, все что угодно, только не пускайте ко мне — я занят”».

* * *

Враждебность кардинала Флери к супруге Людовика XV объясняется тем, что королева не пожелала внять его галантным домогательствам. Известно это стало лишь после ее смерти, когда отыскалось письмо короля Станислава к дочери, которое он написал в ответ на ее просьбу посоветовать ей, как держать себя с кардиналом. Правда, Флери было в то время уже семьдесят шесть лет, но всего несколькими месяцами раньше он ухитрился изнасиловать двух женщин. Письмо Станислава видели своими глазами жена маршала де Муши и еще одна дама.

* * *

Говоря о беззакониях, запятнавших последние годы царствования Людовика XIV, мы вспоминаем обычно драгонады, гонения на гугенотов. которым запрещалось покидать Францию, где их травили, и приказы о заключении без суда, дождем сыпавшиеся на отшельников Пор-Рояля — янсенистов, молинистов и квиетистов. Этого, разумеется, довольно; однако не следует забывать о секретном, а подчас и явном надзоре, под который король-ханжа отдавал тех, кто не соблюдал пост, и о слежке, которую интенданты и епископы в Париже и провинции вели за мужчинами и женщинами, заподозренными в сожительстве. Такая слежка не раз вынуждала людей предавать гласности свой тайный брак: лучше уж было сознаться в нем раньше времени и претерпеть все связанные с этим неприятности, чем подвергаться преследованиям со стороны светских и духовных властей. Быть может, подобные меры были просто хитроумным маневром г-жи де Ментенон, надеявшейся таким способом дать понять, что она — законная королева.

* * *

Когда знаменитого акушера Левре вызвали ко двору принимать роды у дофины, ныне покойной, ее супруг сказал ему: «Надеюсь, вы рады, что принимаете роды у дофины, господин Левре? Это упрочит вашу репутацию». — «Меня бы не было

здесь, не будь она уже упрочена», — невозмутимо ответил акушер.

* * *

Однажды Дюкло стал жаловаться г-жа» де Рошфор и де Мирлуа на ханжество нынешних куртизанок — они не желают слушать даже маломальски вольные речи. «Они теперь стыдливее порядочных женщин!», воскликнул он и тут же рассказал весьма пикантную историю, затем другую, посолонее, и, наконец, третью, с самого начала оказавшуюся еще более игривой. Тогда г-жа де Рошфор прервала его: «Полегче, Дюкло! Вы считаете нас слишком уж порядочными».

* * *

Как-то раз король прусский страшно разгневался на своего кучера, по неловкости опрокинувшего коляску. «Велика беда! — ответил тот. С кем такого не бывает! Разве вам не случалось проигрывать сражения?».

* * *

г-н де Шуазель-Гуффье решил за собственный счет покрыть черепицей дома своих крестьян, легко становившиеся добычей огня. Крестьяне поблагодарили его за доброту, но попросили оставить

их крыши в прежнем виде: если они заменят солому черепицей, помощники интенданта увеличат им подушную подать.

* * *

Маршал де Виллар до старости оставался весьма привержен к вину. В 1734 году, прибыв после начала войны в Италию, чтобы принять там командование войсками, и представляясь королю Сардинскому, он оказался настолько пьян, что не удержался на ногах и грохнулся оземь. Однако, даже в таком состоянии сохранив ясную голову, он тут же воскликнул: «Прошу простить мой естественный порыв — я так долго жаждал припасть к стопам вашего величества!».

* * *

Г-жа Жоффрен говорила о своей дочери — г-же де Ла Ферте-Энбо: «Глядя на нее, я дивлюсь, как курица, высидевшая утенка».

* * *

Лорд Рочестер написал в свое время стихи, прославляющие трусость. Однажды, когда он сидел в кофейне, туда зашел человек, который безропотно дал избить себя палкой. Рочестер сперва наговорил ему кучу комплиментов, а под конец заявил: «Сударь, если уж вы способны покорно вытерпеть палочные

удары, надо Было предупредить об этом сразу: я бы тоже вздул вас и восстановил свое доброе имя».

* * *

Людовик XIV жаловался г-же де Ментенон на беспокойство, которое внушают ему разногласия среди епископов. «Чтобы избежать раскола, надо переубедить меньшинство, а это нелегко — инакомыслящих набралось целых девять», — прибавил он. «Полно, государь! — рассмеялась маркиза. — Велите-ка лучше большинству уступить: эти сорок человек упираться не станут».

* * *

Вскоре после кончины Людовика XV его преемник, наскучив каким-то концертом, приказал кончить его раньше положенного времени и объявил: «Хватит с нас музыки!». Оркестранты узнали о его словах, и один из них шепнул соседу: «Друг мой, каким ужасным будет новое царствование!».

* * *

Граф де Грамон продал за полторы тысячи ливров рукопись тех самых мемуаров, где его откровенно именуют мошенником. Фонтенель, цензуровавший книгу, из уважения к графу отказался одобрить ее к печати. Грамон пожаловался на него

канцлеру, которому Фонтенель и представил свои резоны. Тем не менее граф, не желая терять полторы тысячи ливров, принудил его одобрить произведение Гамильтона.

* * *

г-н де Л*, мизантроп вроде Тимона, разговорился однажды с г-ном де Б*, тоже ненавистником рода людского, но человеком не столь мрачным и подчас даже довольно жизнерадостным. После их меланхолической беседы де Л* проникся интересом к де Б* и признался, что не прочь подружиться с ним. «Будьте осторожны! — предупредил его кто-то. Не доверяйте его мрачности: он порою бывает очень весел».

* * *

Видя, что влияние г-на де Шуазеля все возрастает, маршал де Бель-Иль велел иезуиту Невиллю составить для короля памятную записку с обвинениями против министра, но сам так и не успел подать ее, ибо умер. Его бумаги попали к Шуазелю, и тот, найдя среди них вышеупомянутый документ, сделал все возможное, чтобы установить, чьей же рукой он написан. Это ему не удалось, и он оставил свое намерение. Однако вскоре некий видный иезуит попросил у Шуазеля позволения прочесть ему похвальный отзыв о нем, который содержался в

надгробном слове маршалу де Бель-Илю, произнесенном отцом Невилем. Иезуит прочел этот отзыв по авторской рукописи, и министр узнал почерк. Тем не менее отомстил он отцу Невилю лишь одним — велел передать ему, что надгробные речи получаются у него лучше, чем памятные записки на имя короля.

* * *

Будучи генеральным контролером финансов, г-н д'Энво обратился к королю с просьбой позволить ему вступить в брак. Король, уже знавший, кто невеста, ответил: «Вы для нее недостаточно богаты». Когда же д'Энво намекнул на то, что этот недостаток искупается его должностью, король возразил: «О, нет! Место можно и потерять, а жена останется».

* * *

У г-на де Шуазеля ужинали бретонские депутаты, один из которых, человек на вид весьма степенный, за весь вечер не промолвил ни слова. Герцог де Грамон, пораженный его внешностью, сказал шевалье де Куру, командиру полка швейцарцев: — Хотел бы я знать, какие речи можно услышать от такого человека! Шевалье немедленно обратился к молчальнику. — Из какого вы города, сударь? — Из Сен-Мало. — Из Сен-Мало? Так это ваш город охраняют собаки? Вот странно! — А что в этом

странного? Охраняют же короля швейцарцы! — ответил степенный бретонец.

* * *

Во время американской войны некий шотландец спросил француза, указывая ему на кучку пленных американцев: «Вы сражались за своего государя, я — за своего, но за кого дрались эти люди?». Такой вопрос сделал бы честь тому королю страны Пегу, который чуть не умер со смеху, узнав, что у венецианцев нет короля.

* * *

Случилось так, что меня очень сильно взволновала какая-то несправедливость. Видя это, один старый человек сказал мне: «Милый мальчик, мчитесь у жизни примиряться с жизнью».

* * *

До назначения своего генеральным контролером финансов г-н Орри был весьма близок с аббатом де Ла Галезьером. Когда же он получил эту должность, его привратник, переименованный отныне в швейцара, сделал вид, что не узнает аббата. «Друг мой, — сказал ему де Ла Галезьерне опережай событий: твой хозяин еще не успел зазнаться».

* * *

Некая девяностолетняя старуха сказала г-ну де Фонтенелю, которому было тогда девяносто пять: «Смерть забыла о нас». — «Т-с-с!», — ответил Фонтенель, приложив палец к губам.

* * *

Нос у г-жи де Немур был длинный и крючковатый, губы алые; г-н де Бандам говорил о ней: «Она похожа на попугая, который ест вишню».

* * *

Застав у своей любовницы г-на де Бриссака, принц де Шараде сказал ему: «Выйдите!». «Монсеньера — ответил де Бриссак, — Ваши предки сказали бы: „Выйдем!“».

* * *

В дни ссоры Дидро и Руссо г-н де Кастри с негодованием заметил г-ну де Р*, который впоследствии и пересказал мне его слова: «Невероятно! У всех на языке только эти люди, хотя у них нет ни положения в обществе, ни даже своего дома: они ведь и живут-то на чердаках. Не могу к этому привыкнуть!».

* * *

Гостя у г-жи дю Шатле, Вольтер разговорился в ее будуаре с аббатав Миньо, тогда еще совсем ребенком. Он посадил мальчика к себе и; колени и принялся его поучать: «Друг мой, успеха в жизни добиваете? лишь тот, кого поддерживают женщины. Значит, их нужно изучать. За. помните же, что все они — лгуны и шлюхи». — «Как все? Что вы мелете сударь?», — вспыхнула г-жа дю Шатле. «Сударыня, — возразил Вольтер, — детей грешно обманывать!».

* * *

Когда г-н де Тюренн обедал у г-на де Ламуаньона, хозяин спросим своего неустрашимого гостя, не приходилось ли ему испытывать перед боем известную робость. «Приходилось, — ответил Тюренн. — В таких случаях я места себе не нахожу от волнения. Но в армии немало офицеров и еще больше солдат, которые не знают, что такое страх».

* * *

Собираясь написать книгу, грозившую ему серьезными неприятностями, Дидро рассказал о своем намерении кому-то из друзей, но попросил его держать это в секрете. Друг, хорошо знавший Дидро, ответил: «А вы-то мне обещаете, что не проболтаетесь?». Он оказался прав: Дидро сам все

и разгласил.

* * *

г-н де Можирон совершил поступок настолько гнусный, что, когда мне рассказали эту историю, я поначалу счел ее клеветой. Когда он был в армии, повара его арестовали за мародерство. Можирону доложили об этом. «Поваром своим я вполне доволен, но вот помощник у него никудышный», ответил он, велел позвать беднягу и послал его с письмом к главному прево. Несчастный отнес письмо, был схвачен и повешен, несмотря на все его уверения в своей невинности.

* * *

Я советовал г-ну де Л* вступить в брак: партия казалась мне удачной. «Зачем мне жениться? — удивился де Л*. — Если я обзаведусь женой, то в лучшем случае избегну рогов, и только, тогда как оставшись холост, уж наверняка не сделаюсь роконосцем».

* * *

Фонтенель написал оперу, где, к негодованию ханжей, был выведен хор жрецов. Архиепископ парижский потребовал исключить этот номер. «Я не трогаю его священников, пусть и он не трогает моих»,

— ответил Фонтенель.

* * *

Король прусский признавался Даламберу, что принц Фердинанд наверняка был бы разбит под Минденом, если бы де Бройль перешел в атаку и тем самым оказал помощь де Контаду. Когда семейство де Кройлей велело спросить у Даламбера, действительно ли Фридрих II сказал эти слова, Д'аламбер ответил утвердительно.

* * *

Некий придворный говаривал: «Со мной не так просто поссориться я не до всякого снисхожу».

* * *

Умиряющего Фонтенеля спросили: «Как вы себя чувствуете?». «Чувствую, что уже ничего не чувствую», отозвался он.

* * *

Станислав, король польский, был очень ласков с аббатом Порке, но ничего для него не сделал. Когда аббат посетовал на это, Станислав ответил: «Во многом виноваты вы сами, мой дорогой аббат. Вы ведете слишком вольные речи и, говорят, даже не

верите в бога. Пора уже остепениться и уверовать. Даю вам на это год».

* * *

Один из друзей г-на Тюрго долгое время не виделся с ним. Когда они встретились, Тюрго сказал: «С тех пор как меня назначили министром, я у вас в опале».

* * *

Однажды Людовик XV отказал своему камердинеру Лебедю в двадцати пяти тысячах франков на содержание личных апартаментов короля. Лебедь просил выдать ему эту сумму из собственной кассы государя, Людовик же велел ему обратиться в казначейство. «С какой мне стати выслушивать отказы чиновников и терпеть их придирки, когда у вас там несколько миллионов?», заворчал Лебедь. «С такой, что я не люблю выкладывать свои денежки, — отпарировал король. — Надо всегда иметь кое-что на черный день». (Анекдот, рассказанный Лебедем г-ну Бюше).

* * *

Покойный король состоял, как известно, в тайной переписке с графом де Бройлем. Когда речь зашла о выборе посла в Швецию, граф предложил назначить

на эту должность г-на де Верженна, который после возвращения из Константинополя жил у себя в поместье, вдали от двора. Король не соглашался, граф настаивал. На поле последнего его письма в письмах к королю полагалось оставлять поле шириной в полстраницы — Людовик XV начертал: «Выбор ваш не одобряю, но вынужден согласиться. Пусть де Верженн едет, но я запрещаю ему брать с собой свою противную жену». (Анекдот, рассказанный Фавье, который лично видел в руках у графа де Бройля письмо с королевской резолюцией).

* * *

Многих удивляло, почему г-же Дюбарри так долго не удастся свалить герцога де Шуазеля. Ларчик же открывался просто: когда положение герцога становилось особенно шатким, он испрашивал у короля аудиенцию или отправлялся к нему с докладом и осведомлялся, как прикажет государь распорядиться пятью-шестью миллионами, которые он, Шуазель, сумел сэкономить по военному министерству и считает ненужным возвращать в казначейство. Отлично понимая, что все это означает, Людовик XV отвечал: «Поговорите с Бертенем и передайте ему три миллиона на такие-то нужды; остальное я дарю вам». Словом, король делился с министром и, сомневаясь, что преемник последнего окажется столь же покладист, не увольнял Шуазеля в отставку вопреки всем проискам г-жи Дюбарри.

* * *

Во время подписания торгового договора 1786 года г-н Хэррис, известный лондонский негодник, находившийся тогда в Париже, говорил знакомым французам: «Полагаю, что этот договор обойдется Франции в миллион фунтов ежегодно, но так будет лишь в течение первых двадцати пяти-тридцати лет, а затем баланс выправится».

* * *

Известно, что г-н де Морепа отличался крайним легкомыслием. Вот новое тому доказательство. Из надежных, но тайных источников г-ну Франсису стало известно, что Испания вмешается в американскую войну за независимость не раньше 1780 года. Он сообщил об этом г-ну де Монепе. Прошел год, Испания не выступила, и Франсис приобрел репутацию провидца. г-н де Верженн призвал его и спросил, почему он распространяет подобный слух. «Потому что этот слух верен», — ответил Франсис. Тогда министр со всей вельможной надменностью потребовал, чтобы Франсис рассказал, на чем основано такое его заявление. Франсис возразил, что это его личный секрет, которым он вовсе не обязан делиться с правительством, поскольку на службе не состоит. К тому же, добавил Франсис, он давно передал все эти сведения г-ну Морепа, хотя и

умолчал, откуда их получил. Де Верженн удивился и попросил у Морепса объяснений. Тот ответил: «Я в самом деле знал об этом, да все забывал вам сказать».

* * *

г-н де Трессан, некогда любовник г-жи де Жанлис и отец двоих ее детей, под старость решил провести своих отпрысков и приехал в Сийери, одно из их поместий. Они лично проводили гостя в отведенную ему спальню и откинули полог кровати, над которой заранее велели повесить портрет своей покойной матери. Де Трессан обнял их, прослезился, они тоже расчувствовались, и произошла трогательная, но до неприличия смешная сцена.

* * *

Герцогу де Шуазелю страшно хотелось заполучить обратно письма, написанные им де Калонну в связи с делом де Ла Щалоте но признаться в этом прямо казалось ему слишком опасным. В результате между ним и Каленном произошла забавная сцена. Калонн поочередно вынимал из портфеля тщательно пронумерованные письма и пробегал их, всяким раз прибавляя: «Вот это лучше бы сжечь!» — и отпуская иные насмешливые замечания. Шуазель изо всех сил старался делать вид, что не придает никакого значения

происходящему, а Калонн, наслаждаясь его терзаниями, приговаривал: «Дело, которое мне ничем не грозит, утрачивает в моих глазах всякий интерес». Любопытнее всего, однако, другое. Узнав об этой сцене, д'Эгийон написал Калонну: «Мне стало известно, сударь, что вы сожгли письма г-на де Шуазеля, относящиеся к делу де Ла Шалоте. Что до моих, прошу сохранить их в целости».

* * *

Некий очень бедный человек, написавший крамольную книгу, воскликнул: «Когда же меня засадят в Бастилию, черт побери! Мне уже срок платить за квартиру».

* * *

Когда Монтазе, сделавшись архиепископом Лионским, вступал в должность, старуха канонисса де*, сестра кардинала де Тансена, сделала ему комплимент насчет его успехов у женщин и поздравила с сыном, которого родила от него г-жа де Мазарини. Прелат стал отпираться и сказал: «Да будет вам известно, сударыня, что клевета не щадит даже вас. История, которую рассказывают обо мне и госпоже де Мазарини, столь же правдива, как и сплетни о вас и господине кардинале». — «В таком случае ребенок несомненно ваш», невозмутимо ответила канонисса.

* * *

Накануне лиссабонского землетрясения португальская королевская чета уехала в Белен на бой быков, что и спасло ее. Король — это факт, за достоверность которого ручались мне многие французы, жившие тогда в Португалии, — так никогда и не узнал истинных размеров катастрофы. Сперва ему говорили, что разрушен десяток домов, затем — что разрушено несколько церквей; в Лиссабон он больше не вернулся и оказался единственным человеком в Европе, на представлявшим себе, какое бедствие постигло его столицу, хотя находился он всего в одном лье от нее.

* * *

Г-жа де К* сказала г-ну Б*: «Я люблю вас за... я. — «Ах, сударыня — пылко прервал он ее. — Если вы знаете — за что, я пропал!».

* * *

Я знал мизантропа, который в хорошие минуты говаривал: «Охотно допускаю, что на свете бывают и порядочные люди, только никому неизвестно, где их искать».

* * *

Однажды во время сражения маршал де Бройль упорно не хотел покинуть место, где он бесцельно подвергал себя опасности. Друзья тщетно доказывали ему, что он не вправе попусту рисковать жизнью. Наконец, один из них, г-н де Жокур, подошел к де Бройлю и шепнул: «Не забывайте, господин маршал: если вас убьют, командование перейдет к г-ну де Руту» (так звали самого бездарного из генерал-лейтенантов). При мысли о том, чем это грозило бы армии, де Бройль немедленно покинул опасное место.

* * *

Принц Конти не любил г-на де Силуэта и дурно отзывался о нем. Однажды Людовик XV сказал принцу: «А ведь кое-кто считает, что его надо сделать генеральным контролером». — «Знаю, — ответил принц. Поэтому я прошу ваше величество не выдавать меня, если он все-таки получит эту должность». Когда назначение Силуэта состоялось, король не замедлил сообщить об этом принцу и добавил: «Я не забуду своего обещания, тем более что вы ведете тяжбу, которую должен рассматривать кабинет». (Анекдот, рассказанный г-жой де Буффлер).

* * *

В день смерти г-жи де Шатору Людовик XV был

очень удручен; печаль свою он излил в весьма примечательной фразе: «Как ужасно, что мне придется скорбеть еще так долго я ведь доживу по крайней мере до девяноста лет!». Этот анекдот сообщила при мне г-жа де Люксембург, своими ушами слышавшая восклицание короля. «Я рассказала об этом лишь после кончины Людовика XV», — прибавила она. Слова Людовика XV действительно стоит сделать достоянием гласности — так причудливо смешались в них любовь и эгоизм.

* * *

Некто пил превосходное вино, но от похвал воздерживался. Тогда хозяин дома велел подать ему другое, гораздо хуже сортом. «Хорошее вино!», — сказал молчальник. «Но это же пойло за десять су, тогда как то, что вы пили раньше, — истинный нектар!», — воскликнул хозяин. «Знаю, — ответил гость. — Потому я о нем ничего и не сказал: оно в похвалах не нуждалось».

* * *

Чтобы не осквернять слово «римлянин», Дюкло всегда называл современных римлян «итальянцами из Рима».

* * *

«Даже в юности, — говаривал мне М*, — мне нравилось увлекать женщин, а не соблазнять их и уж подавно не развращать».

* * *

В разговоре со мной М* заметил: «Я бываю только у тех, кого почитаю людьми более достойными, чем я сам: не такой уж я бездельник, чтобы ходить в гости по каким-нибудь иным побуждениям». М* говорил: «Хотя над браком принято смеяться, я не вижу ничего смешного в супружеском союзе шестидесятилетнего мужчины и женщины лет на пять помоложе». ».

* * *

г-н де Л* сказал мне о г-не де Р*: «Это сосуд, куда общество сливает свой яд. Он копит его как жаба, * источает как гадюка». ».

* * *

О г-не де Калонне, который был отставлен от должности, после того как обнародовал дефицит, говорили: «Его не трогали, пока он поджигал, но наказали, чуть только он стал бить в набат». ».

* * *

Как-то раз я беседовал с г-ном де В*, человеком, который, видимо, избыл свои иллюзии еще в том возрасте, когда люди обычно сохраняют способность к пылким чувствам. Я дал ему понять, что удивлен его бесстрастностью. «Что может интересовать человека, который изведal все? невозмутимо ответил он. — В свое время я, как и другие, был любовником светской дамы, игрушкой кокетки, забавой распутницы, орудием интриганки. Что мне еще остается?». — «Стать другом хорошей женщины». — «Ну, такие встречаются только в романах». ».

* * *

«Уверяю вас, — сказал М* одному очень богатому человеку, — я отнюдь не нуждаюсь в том, чего у меня нет». ».

* * *

Когда М* предложили должность, сопряженную с обязанностями, которые были бы слишком тягостны при его щепетильности, он ответила «Это место не отвечает моим честолюбивым замыслам — ни тем, что я лелею сам, ни тем, что вынужден питать в силу своего положения». ».

* * *

Некоего острослова, прочитавшего маленькие

трактаты Даламбера о красноречии, поэзии и оде, спросили, что он думает об этих сочинениях... «Не каждый любит есть всухомятку», ответил он. ».

* * *

М* говорил: «Я отвергаю те блага, что добываются с помощью протекции, готов, пожалуй, с признательностью принять те, что приносит нам заслуженная репутация, но ценю лишь те, что дарует нам дружба». М*, который коллекционировал речи, произнесенные при вступлении во Французскую академию, говаривал мне: «Когда я перелистываю их, мне так и кажется, будто передо мною обгорелые остовы ракет — остатки фейерверка, что устраивают в Иванову ночь». ».

* * *

М* спросили, какое свойство делает человека особенно приятным в обществе. «Умение нравиться», ответил он. ».

* * *

Одному человеку, некогда благодетельствованному М*, сказали, что последний ненавидит его. «Позволю себе взять ваши слова под сомнение, — ответил он. — Насколько мне известно, М* никогда не пытался поколебать мое уважение, к

самому себе, а ведь оно — единственное чувство, питать которое меня обязывает моя признательность М*». ».

* * *

М* всегда упорно отстаивает свои взгляды. Он мог бы даже прослыть человеком последовательным, не будь так глупо то, чему он следует, и пошел бы довольно далеко, если бы руководился убеждениями, а не предубеждениями. ».

* * *

Некая юная особа, мать которой весьма раздражало то обстоятельство, что дочери ее уже тринадцать, однажды в разговоре со мной призналась: «Мне хочется попросить у нее прощения за то, что она меня родила». ».

* * *

М*, известный литератор, за три года ни разу не удосужился попросить, чтобы его представили кому-нибудь из иностранных государей, то и дело посещавших Францию. Когда я осведомился о причинах подобной непредприимчивости, М* ответил: «В театре жизни я люблю лишь те сцены, где коллизии просты и естественны. Я понимаю, например, что и км связывает отца с сыном, женщину

с любовником, друга с другом, сановника с искателем места, даже покупателя с продавцом и так далее. В сценах же вроде аудиенции у иностранного государя, где все подчинено этикету и даже диалог как бы расписан заранее, нет, на мой взгляд, никакого смысла; поэтому они не вызывают у меня интереса. Предпочитаю итальянскую комедию — там по крайней мере импровизируют». ³⁷⁵».

* * *

В последние годы общественное мнение все сильнее влияет на государственные дела, назначение сановников, выбор министров. Вот почему М*, желая посодействовать карьере одного своего знакомого, сказал г-ну де Л*: «Будьте добры, устройте ему немного общественного мнения». ».

* * *

Я спросил г-на Н*, почему он не бывает в свете. «Потому что я разлюбил женщин и узнал мужчин», ответил он. ».

* * *

М* сказал о Сент-Ф., человеке без всяких правил и неразборчивом в средствах: «Он, как собака, не отличает благовония от вони». ».

* * *

Не без успеха поставив свою первую пиесу в театре, М* преисполнился спеси и чванства, и тогда кто-то из друзей сказал ему: «Друг мой, ты сеешь терния на своем собственном пути. Пойдешь по нему снова — изранишь себе ноги». ».

* * *

г-н де Б* говаривал: «Стоит лишь вспомнить, кого в обществе хулят к кого хвалят, как у самого беспорочного человека на свете появляется желание стать жертвой клеветы». ».

* * *

Некая дама, сын которой из-за чего-то заупрямился, сказала, что все дети — ужасные эгоисты. «Да, — отозвался М* — У них все наружу: они еще не приобрели светский лоск». ».

* * *

Кто-то сказал М*: «Вы ведь тоже добиваетесь уважения». Вот его ответ, поразивший меня: «Нет. Я просто сам уважаю себя, поэтому порой меня уважают и другие». ».

* * *

Со времен Генриха IV до министерства кардинала де Ломени включительно наше государство пятьдесят шесть раз отказывалось платить по своим обязательствам. Вот почему, когда речь заходила о частых банкротствах французских королей, г-н Д* всегда вспоминал двустишие Расина:³⁷⁸

И свой священный трон порою
утверждают
На клятвах, что дают, но редко
соблюдают. ».

* * *

Академику М* сказали: «Когда-нибудь и вы женитесь». Он ответил: Я долго осмеивал Академию и все-таки попал в нее. Теперь я в вечном страхе, что и с женитьбой будет то же самое».».

* * *

О мадмуазель*, которая чуждалась корыстных расчетов, покорствовалась лишь велениям сердца и хранила верность своему избраннику, М* говорил: «Это очаровательная особа, ведущая самый достойный образ жизни, хотя она и не девица, и не замужняя». ».

* * *

Один муж предупреждал жену: «Сударыня, у этого человека есть на вас какие-то права — он был неучтив с вами в моем присутствии. Я этого не потерплю. Пусть он грубит вам, когда вы с ним наедине; но не оказывать вам уважения, когда я рядом, значит оскорблять меня». ».

* * *

Однажды мой сосед по столу, указав на женщину, что сидела напротив него, спросил меня, не жена ли она человеку, сидящему рядом с нем. Я же, заметив, что последний за все время не перемолвился с нею ни единым словом, ответил: «Одно из двух, сударь: либо они незнакомы, либо она его жена». ».

* * *

Я спросил г-на де* женится ли он когда-нибудь. «Не думаю, — ответил он и, рассмеявшись, добавил: Я не ищу женщину, которая мне подошла бы; более того, я даже не боюсь ее встретить». ».

* * *

Я спросил г-на де Т*, почему он пренебрегает своим талантом и, по всей видимости, совершенно равнодушен к славе. Вот дословно его ответ: «Когда

потерпел кораблекрушение мой интерес к людям, вместе с ним пошло на дно и мое честолюбие».».

* * *

Некоему скромному человеку сказали: «И в спуде, под которым таится добродетель, порою бывают щели». ».

* * *

Когда М* попробовали вызвать на разговор о различных злоупотреблениях в общественной и частной жизни, он холодно отпарировал: «Я каждый день расширяю список предметов, о которых не говорю. Мудрее всех тот, у кого такой список особенно обширен». ».

* * *

«Я, — говорил г-н Д* — охотно предложил бы клеветникам и людям злокозненным такой уговор. Первым я сказал бы: „Можете клеветать на меня, но при одном условии: повод для клеветы (то есть какой-нибудь незначительный, а порой и похвальный поступок) даю я сам, а клевета лишь вышивает по канве, не выдумывая ни фактов, ни обстоятельств. Короче говоря, ваше дело — форма, а не содержание”. Строящим козни я сказал бы: „Злоумышляйте против меня, сделайте милость, но

извлекайте из этого хоть какую-нибудь выгоду. Короче говоря, откажитесь от обыкновения вредить только ради удовольствия — ведь у вас есть такое обыкновение”». ».

* * *

Об одном искусном, но трусливом фехтовальщике, человеке остроумном и обходительном с женщинами, но бессильном в постели, говорили: «Шпага у него острая, в речах он тоже остер, но клинок его всегда гнется — он боится и дуэли, и любви». ».

* * *

«Весьма досадно, — сетовал М*, что мы так уронили значение рогов. Я хочу сказать, что на них никто теперь не обращает внимания. В былое время они давали их носителю определенное положение в светска него смотрели, как в наши дни смотрят, например, на игрока. А ныне рогоносца просто не замечают». ».

* * *

Однажды, беседуя со мной о любви к уединению, г-н де Л*, известный мизантроп, заметил: «Нужно черт знает как сильно любить человека, чтобы выдерживать его общество!». ».

* * *

М* радуется, когда его называют человеком злым, точно так же как иезуиты бывали довольны, когда их называли цареубийцами. Гордыня всегда стремится управлять слабостью с помощью страха. ».

* * *

Один холостяк, которого настоятельно уговаривали жениться, шутливо возразил: «Да спасет меня господь от женщин — от брака я спасусь и сам». ».

* * *

Некто разглагольствовал о том, что публику следует уважать. «Да, согласился М*, — этого требует осторожность. Торговок презирают все. но разве кто-нибудь рискнет задеть их, проходя через рынок?». ».

* * *

Я спросил г-на Р*, человека весьма умного и одаренного, почему он никак не проявил себя в дни революции 1789 года. Он ответил: «За тридцать лет я столько раз убеждался в порочности людей, взятых поодиночке, что уже не жду от них ничего хорошего и

тогда, когда они собираются вместе».

* * *

«Учреждение, именуемое полицией, — шутила г-жа де*, — должно быть, я в самом деле ужасное место. Недаром англичане боятся ее больше, чем воров и убийц, а турки — больше, чем чумы».

* * *

«Всего несноснее в обществе — это, во-первых, плуты, а, во-вторых, порядочные люди, — говорил мне г-н де Л* — Чтобы сделать жизнь в нем сколько-нибудь терпимой, надо истребить первых и отучить от слабодушия вторых, а это столь же просто, как разрушить ад и перестроить рай».

* * *

Д* немало удивлялся, видя, что г-н де Л*, человек весьма влиятельный, не в силах помочь своему другу. А дело было только в том, что слабыхарактерность де Л* сводила на нет все выгоды его положения. Тот, чья сила не подкреплена решительностью, все равно что бессилён.

* * *

Г-жа де Ф* считает, что главное во всяком деле

— умно и красноречиво высказаться о нем, а все остальное приложится само собой. Если бы какая-нибудь из ее подруг делала то, что она, г-жа де Ф*, советует, из них двоих вышел бы один отличный философ. г-н де* метко сказал про нее: «Она отлично описывает действие слабительного, а потом удивляется, почему ее тут же не прослабило».

* * *

Один острослов следующим образом описал Версаль: «Это такое место, где, даже опускаясь, надо делать вид, что поднимаешься; иными словами, где надо гордиться тем, что вы знаете с людьми, знаясь с которыми зазорно».

* * *

М* говорил мне, что в общении с женщинами ему неизменно помогали такие правила: «Всегда хорошо отзывайся о женщинах вообще, хвали тех, кто тебе нравится, а об остальных не говори вовсе; водись с ними поменьше, остерегайся им доверять и не допускай, чтобы твое счастье зависело от одной из них, пусть даже самой лучшей».

* * *

Некий философ признался мне, что, познакомившись с государственным устройством и

порядками у различных народов, он сохранил интерес лишь к дикарям и детям. Первых он изучает по книгам путешественников, за вторыми наблюдает в повседневной жизни.

* * *

Г-жа де* говорила о г-не де Б*: «Это человек порядочный, но неумный и неуживчивый. Он — точь-в-точь окунь: безвреден для здоровья, но безвкусен и костист».

* * *

М* не столько обуздывает свои страсти, сколько подавляет их. Он сам признавался мне: «Я вроде наездника, не умеющего сладить с лошадью, которая понесла. Он убивает ее из пистолета и валится наземь вместе с нею».

* * *

Я спросил у М*, почему он отказался от многих предложенных ему мест. «Хочу быть человеком, а не действующим лицом», ответил он.

* * *

«Разве вы сами не видите, — говорил М*, — что я был бы ничем, если бы не моя добрая слава? Стоит

мне поскользнуться, как я слабею стоит мне оступиться, как я падаю».

* * *

Весьма примечательно, что Кребийон и Бернар, пламенно воспевавшие — один в прозе, другой в стихах — безнравственность и распутство, умерли, страстно влюбленные в потаскушек. Трудно придумать большую нелепость — разве что платоническое чувство, которое г-жа де Вуайе до последнего своего вздоха питала к виконту де Ноайлю, чаще сентиментальные любовные письма, дважды переписанные рукой г-на Вуайе и найденные после его смерти. Ими были набиты две шкатулки. И оба писателя, и чета Вуайе напоминают мне трусов, расппевающих во весь голос, чтобы заглушить страх.

* * *

«Допускаю, что умный человек может сомневаться в верности любовницы, — смеясь, говаривал г-н де* — Но сомневаться в неверности жены может только дурак».

* * *

г-н Л* — прелюбопытный человек: ум у него насмешливый и глубокий, сердце гордое и неколебимое, воображение беззлобное, живое и даже

— пылкое.

* * *

«В свете, — говорил М*, — встречаются три сорта друзей: первые вас любят, вторым нет до вас дела, третьи вас ненавидят».

* * *

«Не понимаю, — удивлялся М*, — почему г-же де Л* так хочется, чтобы я у нее бывал? Я почти перестаю презирать эту даму, когда не вижу ее». Эти слова можно отнести и к светскому обществу в целом.

* * *

Д*, мизантроп и насмешник, говоря со мной о порочности людей, сказал: «Бог не насылает на нас второй потоп лишь потому, что первый оказался бесполезен».

* * *

Услышав, как некто обвиняет современную философию в том, что из-за нее умножилось число холостяков, М* отпарировал: «Пока мне не докажут, что именно философы, сделав складчину, собрали те деньги, на которые открыла свое заведение мадмуазель Бертен,³⁸¹ я по-прежнему буду считать,

что нежелание мужчин жениться объясняется иной причиной».

* * *

Н* говорил, что, вдумываясь в отношения людей, надо всегда принимать во внимание, что их связывает: сердце или плоть — если это мужчина и женщина; дружба или выгода — если это частное лицо и сановник или придворный, и т.д.

* * *

г-н де П* считал, что на публичных заседаниях Французской академии следует читать лишь предписанное ее уставом, и подкреплял свое мнение такими словами: «Делая что-нибудь бесполезное, следует ограничиваться лишь самым необходимым».

* * *

М* говаривал, что быть ниже принцев — прискорбно, зато быть вдали от них — приятно. Второе с лихвой искупает первое.

* * *

Когда М* посоветовали вступить в брак, он ответил: «У меня всегда были две страсти — к женщинам и к холостой жизни. Первая уже угасла;

значит, надо лелеять хотябы вторую».

* * *

«Неподдельное чувство встречается так редко, — заметил г-н де*, — что порой, идя по улице, я останавливаюсь, чтобы полюбоваться собакой, которая с аппетитом гложет кость. Это зрелище пробуждает во мне особенно острый интерес, когда я возвращаюсь из Версаля, Марли, Фонтенебло».

* * *

г-н Тома³⁸² был очень честолюбив — сказал мне однажды: «Я думаю не о современниках, но о потомках». «Много же вы почерпнули в философии, если можете обходиться без живых людей, но нуждаетесь в тех, что еще не родились!», — ответил я.

* * *

Н* сказал г-ну Барту: «Все десять лет нашего знакомства я полагал, что с вами нельзя подружиться. Но я ошибался: это возможно». — «Каким же образом?». «Полностью отказаться от самого себя и непрестанно боготворить вашу особу».

* * *

г-н де Р* стал с годами особенно суров и злоязычен: он растратил почти всю свою снисходительность, а то, что осталось, приберегает для себя.

* * *

Одному холостяку посоветовали жениться. Он отшутился и притом так остроумно, что ему сказали: «Жене такого человека, как вы, не пришлось бы скучать». «Если б она была хорошенькой, конечно, нет — она развлекалась бы тем же, чем и остальные», — подхватил он.

* * *

М* обвиняли в мизантропии. «Нет, — возразил он, — я не мизантроп, но когда-то боялся, что стану им, и потому, на свое счастье, принял нужные меры». — «Какие же?». — «Стал жить вдали от людей».

* * *

«Пора уже философии, — говорил М* — по примеру римской и мадридской инквизиции завести свой собственный индекс. Пусть и она составит список запрещенных книг. Он у нее получится длиннее, чем у ее соперницы: ведь даже в книгах, в общем одобренных ею, найдется довольно мыслей, которые заслуживают осуждения, ибо противоречат

требованиям нравственности, а порой и здравого смысла».

* * *

«Сегодня я был воплощенной любезностью и не позволил себе ни одной грубости», — сказал мне как-то г-н С*. В нем действительно уживались оба эти качества.

* * *

Однажды, шутя над женщинами и недостатками их пола, М* сказал мне: «Женщин надо или любить, или знать, третьего не дано».

* * *

М* написал книгу, имевшую шумный успех, и друзья его настаивали, чтобы он поскорей опубликовал следующее свое произведение — оно очень им нравилось. «Нет, — ответил он. — Надо дать зависти время утереться — ее слюна ядовита».

* * *

Молодой человек по имени М* спросил меня, почему г-жа де Б* отвергла его домогательства, а сама гоняется за г-ном де Л* которому ее авансы явно не по сердцу. «Милый друг, — ответил я, — сильная

и богатая Генуя просила многих королей принять ее в подданство, но все отказались, хотя воевали из-за Корсики, * обильной только каштанами, но зато гордой и независимой».

* * *

Кто-то из родственников г-на де Верженна спросил его, почему он позволил назначить министром по делам Парижа г-на де Бретейля, в котором все видели его, де Верженна, преемника. «Этого человека, — объяснил де Верженн, — знают у нас плохо: он долго жил за границей, Он пользуется незаслуженно хорошим репутацией, и многие считают его — достойным поста министра. Подобное заблуждение нужно рассеять, а для этого он должен сесть на такое место, где все увидят, что представляет собой барон де Бретейль».

* * *

Г-на Л*, литератора, упрекнули за то, что он уже давно ничем не радует публику. «А что можно печатать в стране, где время от времени запрещают даже „Льежский альманах?», — ответил он. К г-ну де Ла Реньеру ездят все: у него отличный стол, хотя сам он человек смертельно скучный. М* не зря сказал о нем: «Его объедают, но не переваривают».

* * *

г-н де Ф*, зная, что у его жены есть любовники, тем не менее вспоминал порой о своих супружеских правах. Однажды вечером он вознамерился ими воспользоваться, но жена ответила ему отказом.

Разве вам не известно о моей связи с М*? — возмутилась она.

— Велика важность! — возразил де Ф*. — Вы же были близки с Л*. С*. Б*. Т*?

— Это совсем другое дело. Я не любила их, а лишь уступала своей прихоти. А вот к М* у меня подлинное чувство, любовь до гробовой доски .

— Простите, не знал. Считайте, что разговор исчерпан.

И действительно, больше они к этой теме не возвращались.

Когда эту историю рассказали г-ну де Р*, он воскликнул: «Возблагодарим господу за то, что он сподобил людей довести брак до такой утонченности » .

* * *

М* говорил: «Мои недруги не в силах мне повредить: они не властны отнять у меня способность разумно мыслить и разумно поступать».

* * *

Я спросил М*, намерен ли он жениться. «Зачем?

— удивился он. Чтобы платить королю Франции подушную подать при жизни и тройную двадцатину после смерти?».

* * *

г-н де* попросил епископам отдать ему загородный дом, куда тот никогда не ездил. «Разве вам не известно, — ответил прелат, — что у каждого человека должно быть такое место, куда ему никак не попасть, но где, как мнится ему, он был бы счастлив». г-н де* помолчал, потом ответил: «Это верно. Видимо, потому-то люди и верят в рай».

* * *

После возвращения Карла II³⁸⁶ Милтону предложили вновь занять его былую и весьма доходную должность. Жена уговаривала его согласиться, но он ответил: «Ты — женщина и мечтаешь ездить в карете, а мне хочется остаться честным человеком».

* * *

Я уговаривал г-на де Л* забыть обиды, нанесенные ему г-ном де Б*, — ведь тот когда-то облагодетельствовал его. «Бог заповедал нам прощать обиды, но отнюдь не благодеяния», ответил де Л*

* * *

М* говорил мне: «Я считаю короля Франции государем лишь тех ста тысяч человек, которым он приносит в жертву двадцать четыре миллиона девятьсот тысяч французов и между которыми делит пот, кровь и последние достатки нации в долях, чьи величины определены безнравственными и политически нелепыми феодальными и солдафонскими понятиями, вот уже две тысячи лет позорящими Европу».

* * *

г-н де Калонн, намереваясь впустить к себе в кабинет каких-то лая, никак не мог отпереть дверь, «...ключ!», нетерпеливо выругался он, но тут же спохватился и сказал: «Прошу извинить, но жизнь доказала мне, что только это слово помогает в любом затруднении». И в самом деле. замок тут же открылся.

* * *

Я спросил М*, почему он предпочитает оставаться безвестным, лишая людей возможности облагодетельствовать его. «Лучшее благодеяние, которое они могут мне оказать. — это предать меня забвению», — ответил он.

* * *

г-н* что-то обещал г-ну Л* и дал ему в этом слово дворянина. «Если не возражаете, — ответил Л*, — дайте мне лучше слово честного человека » .

* * *

Знаменитый Бен Джонсон³⁸⁸ говаривал, что каждый, кто берет музу в жены, умирает с голоду, тогда как тот, кто делает ее своей любовницей, живет припеваючи. Эти слова напоминают замечание Дидро - я сам слышал от него эту фразу — о том, что литератор, если он человек разумный, может сойтись с женщиной, способной сострять книгу, но жениться должен лишь на женщине, которая умеет сострять обед. Но есть еще одна, более приятная возможность: не брать в любовницы женщину, пишущую книги, а в жены — вообще никакую.

* * *

М* говорил: «Надеюсь, наступит день, когда, выйдя из Национального собрания, где будет председательствовать еврей, я отправлюсь» на свадьбу католика, который только что развелся с лютеранкой и теперь женится на юной анабаптистке, а после венчания мы все отобедаем у кюре, тоже состоящего во втором браке, и он представит нам свою новую жену, молодую особу англиканского

вероисповедания и дочь кальвинистки».

* * *

Г-н де М* сказал мне: «Только человек незаурядный осмеливается сказать фортуне: «Я подпущу тебя к себе лишь при условии, что ты покорно наденешь на себя ярмо моих капризов», или дерзает заявить славе: „Ты — всего-навсего потаскушка, и я готов поразвлечься с тобой, но немедля прогоню тебя, если ты станешь чересчур развязной и назойливой ».. Говоря это, де М* живописал самого себя: у него именно такой характер.

* * *

Об одном придворном, человеке легкомысленном, но, в сущности, неизвращенном, говорили: «Он запылился на ветру, но не вывалился в грязи».

* * *

М* считал, что философ должен сперва обрести счастье, которое является уделом мертвецов, то есть стать неуязвимым для страдания и пребывать в покое, и только потом изведать счастье, доступное лишь живым, то есть начать мыслить, чувствовать и радоваться.

* * *

г-н де Верженн не любил литераторов: как известно, ни один из выдающихся сочинителей не воспел в стихах мир 1783 года.* По этому поводу кто-то заметил: «Поэты молчат по двум причинам: во-первых, этот мир ничего не принес поэтам; во-вторых, слишком непоэтичен сюжет».

* * *

Я спросил М*, почему он не женится — партия-то ведь выгодная. «Я не женюсь из боязни, как бы сын мой не вышел в отца», ответил он, чем поверг меня в немалое изумление: я знал, что М* — человек в высшей степени порядочный. Тогда он пояснил: «Да, да, я боюсь, что мой сын вместе с бедностью унаследует от меня неумение лгать, заискивать, пресмыкаться и ему придется пройти через те же испытания, через которые прошел я».

* * *

Некая дама разглагольствовала о своей добродетели и, по ее словам, слышать больше о любви не хотела. Услышав такие речи, один острослов заметил: «К чему вся эта похвальба? Неужели она не может найти себе любовника иным способом?».

* * *

В дни собрания нотаблей³⁹² кто-то попробовал заставить говорить попугая г-жи*. «Не трудитесь, вмешалась она. — Из него слова не выжмешь». — «На что же он тогда годен? Заведите попугая, который, на худой конец, умел бы кричать: „Да здравствует король!«. — «Упаси меня боже! — воскликнула г-жа*. — Зачем мне такой попугай? Его тотчас же назначили бы нотаблем*».

* * *

Некоему привратнику дети его покойного хозяина отказались выплатить тысячу ливров, полагавшуюся ему по завещанию их отца. Я посоветовал бедняге истребовать эту сумму по суду. «Неужели вы думаете, сударь, — возмутился он, — что я заведу с ними тяжбу? Ведь я служил их отцу двадцать пять лет, а им самим служу уже пятнадцать*». Даже в несправедливости своих господ несчастный усмотрел лишь предлог для того, чтобы сделать им щедрый подарок.

* * *

М* спросили, почему природа устроила так, что любовь не подвластна разуму. «Потому, — ответил он, — что у природы одна цель — продолжение рода человеческого, а для того, чтобы ее достигнуть,

вполне достаточно одной нашей глупости. Природе безразлично, обращаюсь ли я, пьяный, к услугам служанки из кабака, а порой и просто уличной девки или же после двухлетних домогательств получаю руку Клариссы, — и в том, и в другом случае цель достигнута. А если бы я внимал разуму, он уберег бы меня и от служанки, и от девки, и, вероятно, даже от Клариссы. Что случилось бы с людьми, если бы они покорствовали только разуму? Кто из мужчин захотел бы сделаться отцом и обречь себя на бесконечные заботы в течение многих лет. Какая женщина согласилась бы расплачиваться девятимесячным недугом за несколько минут эпилептических содроганий? Вырывая нас из-под ига разума, природа укрепляет свою власть над нами. Вот почему в любви она равняет Зеновию с ее птичницей. Марка Аврелия с его конюхом».

* * *

М* — человек живой, впечатлительный и готовый откликнуться на все, что он видит и слышит: если ему расскажут о благородном поступке, он прослезится: если глупец попытается выставить его на посмеяние, он улыбнется.

* * *

М* утверждает, что самое избранное общество — точная копия публичного дома, который однажды

описала ему некая юная обитательница последнего. Встретив ее в воксале, он подошел и осведомился, где с нею можно увидаться наедине и потолковать о вещах, касающихся только их двоих. «Сударь, — ответила она, — я живу у г-жи* Это очень почтенное заведение: там бывают только порядочные люди, и приезжают они почти всегда в каретах. В доме есть ворота и премиленькая гостиная с зеркалами и красивой люстрой. Посетители порой даже ужинают у нас, и тогда посуду им ставят серебряную». — «Скажите на милость!.. Знаете, мадмуазель, такое я видывал только в самом лучшем обществе». — «Я тоже, а я перебивала в разных домах такого сорта». И тут М*, еще раз перебрав все подробности описания, начинает доказывать, что любая из них в равной мере могла бы относиться и к высшему свету.

* * *

М* очень любит подмечать смешные стороны светской жизни. Он просто ликует, когда узнает о какой-нибудь вопиющей несправедливости, неудачном выборе сановника, смехотворной непоследовательности власть имущих и всяческих безобразиях, столь частых в высшем обществе. Поначалу я счел его просто злопыхателем, но, познакомившись с ним поближе, понял, откуда у него этот странный взгляд на вещи: человек честный, он так пылал добродетельным негодованием, что для облегчения душевных мук приучил себя к

насмешливости, которая силится выглядеть веселой, но подчас, выдавая истинную свою природу, становится галькой и саркастической.

* * *

Дружба для Н* — это не что иное, как деловые отношения с его так называемыми друзьями. Любовь для него — всего лишь добавок к хорошему пищеварению. Все, что выше или ниже уровня его интересов, попросту для него не существует. Благородное и бескорыстное дружеское участие или неподдельное сердечное увлечение кажутся ему бессмысленным безумством из числа тех, за которые сажают в сумасшедший дом.

* * *

г-н де Сегюр издал ордонанс о том, что артиллерийским офицером может быть только дворянин. Но так как ремесло артиллериста доступно лишь людям образованным, этот ордонанс привел к весьма забавному недоразумению: аббат Боссю, экзаменовавший выпускников военных школ, аттестовал одних простолюдинов; Шерен же, проверявший их родословную, — одних дворян. Из сотни выпускников нашлось всего человек пять, удовлетворивших и того, и другого.

* * *

Мне довелось однажды беседовать с г-ном де Л* о плотских утехах. По его мнению, кто потерял способность быть в любви мотом, тот немедля должен стать скупцом, так как, перестав быть богачом, он мгновенно делается нищим. «Что до меня, — признался он, — то как только мне пришлось перейти от расплаты наличными к выдаче векселей, я сразу же закрыл свой банк».

* * *

Один писатель, которому вельможа дал понять, какое расстояние их разделяет, сказал ему: «Ваша светлость, я помню о том, о чем обязан помнить; но я не забываю и о том, что быть выше меня куда легче, нежели стать вровень со мной».

* * *

Г-жа де Л* — кокетка с иллюзиями: в первую очередь она обманывает самое себя. Г-жа де Б* — кокетка без иллюзий: она обманывает только других.

* * *

Маршал де Ноайль вел в парламенте тяжбу с одним из своих арендаторов. Восемь или девять советников в один голос отказались участвовать в разборе дела, сославшись на свое родство с г-ном

де Ноайлем. Они действительно приходились ему родственниками, но только в восьмом колене. Сочтя такое тщеславие смехотворным, советник по имени Юрсон встал и объявил: «Я тоже отвожу себя». — «На каком основании?». спросил первый президент. «Я состою в родстве с арендатором», ответил Юрсон.

* * *

Когда шестидесятипятилетняя г-жа де* вышла за двадцатидвухлетнего М*, кто-то назвал их союз браком Пирама и Бавкиды.⁴⁰⁰

* * *

Когда М* упрекнули в холодности к женщинам, он ответил: «Госпожа де К* сказала однажды о детях: „Я так и вижу ребенка, которого мне не удалось родить“. То же самое могу сказать и о женщинах. Я мысленно нарисовал себе образ женщины, каких мало, и он ограждает меня от женщин, каких много. Поверьте, я весьма признателен этой придуманной мною даме».

* * *

«На мой взгляд, — говаривал М*, — в обществе нет ничего смехотворнее, чем брак и звание мужа, а в политике — чем королевская власть и сан монарха. Вот два предмета, которые особенно меня веселят и

дают мне постоянный повод для шуток. Поэтому тот, кто сумел бы меня женить или возвести на трон, отнял бы у меня добрую долю моего разума и веселого нрава».

* * *

В одном обществе рассуждали о том, как свалить дурного министра, запятнавшего себя множеством низостей, и один из его отъявленных врагов неожиданно предложил: «А что, если подбить его на какой-нибудь разумный шаг или честный поступок? Вот уж тогда его наверняка прогонят!».

* * *

«Что могут мне сделать вельможи и государи? — восклицал М* — Разве в силах они вернуть мне молодость или отнять у меня способность мыслить, утешающую меня во всех невзгодах?».

* * *

Однажды г-жа де* сказала М*: «По-моему, вы не очень уважаете меня, и все из-за того, что одно время я часто виделась с господином д'Юр... Сейчас я вам все объясню, и это послужит наилучшим для меня оправданием. Дело в том, что я спала с ним; не будь этого, разве я стала бы его терпеть? Ненавижу дурное общество) Мне кажется, этого довольно, чтобы

извинить меня и в моих собственных, и, надеюсь, в ваших глазах».

* * *

г-н де Б* ежедневно бывал у г-жи де Л*; ходили даже слухи, что он намерен на ней жениться. Узнав о них, де Б* сказал ком-то из друзей: «На свете едва ли найдется мужчина, которого она не предпочла бы мне; я плачу ей той же монетой. Мы дружны вот уже пятнадцать лет за столь долгий срок два человека не могут не понять, как мало симпатичны они друг другу».

* * *

«Если у меня и есть иллюзии насчет людей, которых я люблю, не раз говорил М* — то они, подобно стеклу на пастельной картине, смягчают иные черты, но не могут изменить ни пропорции, ни взаимоотношения частей».

* * *

Как-то раз в светской гостиной заспорили о том, что приятнее — давать или получать? Кто говорил, что давать; кто утверждал, что, когда людей связывает истинная дружба, удовольствие получать не менее утонченно и даже более сильно. Один умный человек на вопрос, что он думает по этому

поводу, сказал: «Не знаю, какое из двух удовольствий сильнее, но я всегда предпочитаю первое, то есть давать: оно долговечнее, и я не раз убеждался, что люди не так быстро его забывают».

* * *

Друзьям М* хотелось подчинить его волю своим прихотям; им это не удалось, и тогда они заявили, что он неисправим. «Если бы меня можно было исправить, — возразил он, — я давным-давно испортился бы.

* * *

«Я равнодушен к авансам г-на де Б*, — говорил М*, — ибо не слишком ценю в себе качества, которые так привлекают его. Я уверен: узнай, что именно я в себе ценю, он сразу отказал бы мне от дома».

* * *

Г-на де* упрекали в том, что он из породы врачей, которые все видят в черном свете. «А это потому, — объяснил он, — что я наблюдал, как сан» за другим умерли больные того врача, который все видел в розовом свете. Если умрут и мои больные, то, по крайней мере, меня никто не посчитает болваном».

* * *

Некто, не пожелавший вступить в связь с г-жой де С*, воскликнул: «На что человеку ум, как не на то, чтобы уберечь его от связи с г-жой де С*?».

* * *

г-н Жоли де Флери, занимавший в 1781 году пост генерального контролера, как-то сказал моему другу, г-ну Б*: «Зачем вы все время говорите о нации? Никакой нации нет, а есть народ, тот самый народ, который еще в старину наши публицисты именовали „народ-раб, повинный барщиной и податями по воле и милости господина”».

* * *

М* предложили место доходное, но малоприятное. Он отказался, за метив при этом: «Я знаю, что жить без денег нельзя, но я знаю также, что жить ради денег не стоит».

* * *

Кто-то сказал об одном непомерном себялюбце: «Он, глазом не моргнув, сожжет чужой дом, чтобы сварить себе два яйца вкрутую».

* * *

Герцог де*, некогда человек острого ума, умевший ценить общество достойных людей, годам к пятидесяти превратился в самого заурядного царедворца. Это новое ремесло и жизнь, которую он ведет в Версале, полетать его дряхлеющему разуму, словно карты — старухам.

* * *

Кто-то спросил человека, который быстро поправил свое расстроенное здоровье, как ему удалось этого добиться. «Очень просто, — ответил тот: — прежде я рассчитывал на себя, а теперь считаюсь с собой».

* * *

«Самое его большое достоинство — это имя, — говорил М* о герцоге де*. — У него есть решительно все добродетели, какими только можно разжиться с помощью дворянской грамоты».

* * *

Некоего молодого придворного за глаза обвинили в том, что он обожает девок. Так как это обвинение могло бы рассорить с ним порядочных и влиятельных женщин, слышавших весь разговор, один из друзей молодого человека почел долгом возразить: «Преувеличение) Злостный навет) Он и светскими

дамами не брезгует)».

* * *

М*, большой женолюб, говорил мне, что он не может обойтись без женщин: они смягчают его суровый ум и дают пищу его чувствительной душе. «В голове у меня Тацит, а в сердце — Тибулл», — заключил он.

* * *

г-н де Л* утверждал, что брак следовало бы приравнять к аренде дома, который можно нанять сроком на три, шесть, девять месяцев, а если окажется подходящим, то и купить.

* * *

«Между мною и вами та разница, — объяснял мне М*, — что вы всем маскам по очереди сказали: „Маска, я тебя знаю“, а я сделал вид, будто они меня провели. Поэтому свет ко мне куда благосклоннее, чем к вам. Вы отняли у других интерес к маскараду, да и себя лишили развлечения».

* * *

Если г-ну де Р* за день не удастся написать ни строчки, он повторяет слова Тита: «Сегодня я потерял

день».*

* * *

«Судя по мне, — говаривал М* — человек — преглупое животное».

* * *

М* выражал свое презрение к людям всегда одной и той же фразой: «Это предпоследний из людей». «Но почему предпоследний?», спросили у него. «Чтобы ни у кого не отнимать надежду: смотрите, какое их множество».

* * *

М*, человек слабого здоровья, но сильного характера, говорил о себе: «Физически я похож на тростник, который гнется, но не ломается; нравственно же подобен дубу, который можно сломать, но нельзя согнуть. „Homo interior, lotus pervus”, [«Человек изнутри — сплошные жилы» (лат.)] как сказал ван Гельмонт».

* * *

г-н де Л* — ему пошел уже девяносто второй год — както сказал Мир: «Я встречал людей характера сильного, но не возвышенного, и людей характера

возвышенного, но не сильного». г-н д'А* оказал однажды большую услугу г-ну де К* и попросил его держать это в тайне, что тот и выполнил. Прошло несколько лет, они поссорились, и тогда г-н де К* рассказал о добром поступке д'А*. г-н Т*, общий их друг, узнав об этом, спросил де К* о причине такого странного, на первый взгляд, поведения. Тот ответил: «Я молчал о благодеянии д'А*, пока любил его. Заговорил же я потому, что больше его не люблю. Раньше это была тайна д'А*, теперь — только моя».

* * *

М* говорил о принце де Бово, большом ревнителе чистоты французского языка; «Я заметил, что когда я встречаю принца на утренней прогулке и на меня падает тень от его коня (а он часто ездит верхом — этого требует его здоровье), то потом я уже весь день не делаю ни единой ошибки во французском языке».

* * *

Н* говорил, что его всегда приводят в изумление смертоубийственные пиршества, которые задают светские люди. «Добро бы они приглашали родственников — тут хоть можно рассчитывать на наследство, но зачем звать друзей? Ведь от их смерти все равно никакого проку!».

* * *

«Я видел немало гордецов, — говаривал М*, но все они мало чего стоят. Единственный, кто понастоящему горд, это Сатана из милтонова „Потерянного рая».

* * *

«Счастье — нелегкая штука, — твердил М* — Его и в себе-то обрести трудно, а уж в другом и подавно».

* * *

г-ну де* настойчиво предлагали уйти с поста, одно название которого ограждало его от преследования могущественных врагов. «Вы можете отричь Самсона, — заявил он в ответ, — но не советуйте ему напрашиваться на головомойку».

* * *

На чье-то замечание о том, что М* необщителен, один из его друзей заметил: «Да, ему противны те черты общества, которые противны природе».

* * *

Когда на М* нападали за его пристрастие к уединению, он обычно отвечал: «Видите ли, к своим собственным недостаткам я притерпелся больше, чем

г-н де*, везде кричавший о том, как он дружен с Тюрго, явился к г-ну де Морепе и поздравил того с отставкой Тюрго. Тот же самый друг Тюрго целый год не встречался с ним, после того как он попал в немилость, а когда бывшему министру зачем-то понадобилось повидать де*, последний назначил местом встречи не дом г-на Тюрго, не свой собственный дом, а мастерскую Дюплесси, которому позировал для портрета. Тем не менее у него хватило потом наглости заявить г-ну де Берт... , уехавшему из Парижа неделю спустя после смерти Тюрго: «Я дневал и ночевал у господина Тюрго, был его ближайшим другом и своими руками закрыл ему глаза». Он стал высокомерно обходиться с г-ном Неккером, едва лишь у того испортились отношения с г-ном де Морепе, а когда Неккер попал в немилость, г-н де* вместе с Бурбулоном, врагом опального министра, отправился обедать к Сент-Фуа, хотя от души презирал обоих. Начал он с того, что бесконечно злословил о г-не де Каление, а кончил тем, что поселил его у себя. Точно так же сперва он обливал грязью г-на де Верженна, а потом стал втираться к нему в доверие; для этого он использовал д'Энена, но вскоре совершенно отстранил последнего. Рассорившись с д'Эненом, он подружился с Ренневалем, который помог ему вступить в очень

выгодные отношения с г-ном д'Орнано, председателем комиссии по установлению границы между Францией и Испанией. Нsverующий, он на всякий случай постится по пятницам и субботам. Выпросив у короля сто тысяч ливров на уплату долгов своего брата, он делает теперь вид, что покрыл их денежками из собственного кармана. Будучи опекуном юного Барт... , которому мать завещала сто тысяч эю, обойдя при этом его сестру, г-жу де Верж... , он собрал семейный совет и уговорил молодого человека не только отказаться от наследства, но даже порвать завещание. А стоило Барт... совершить одну из свойственных юности ошибок, как г-н де* снял с себя обязанности опекуна.

* * *

Все, наверно, помнят, как нелепо важничал и чванился своим происхождением и древностью рода Ле Телье-Лувуа, архиепископ Реймский. В свое время его чванство было известно по всей Франции. Особенно забавно проявилось оно при следующих обстоятельствах. Герцог д'А*, несколько лет не появлявшийся при дворе, вернулся из провинции Берри, где он был губернатором, и поехал представляться в Версаль. По дороге его карета опрокинулась и сломалась. Стоял лютый холод. Герцогу сказали, что починка кареты займет не меньше двух часов. В это время герцог увидел, что выводят перекладных лошадей, и спросил, для кого

они предназначены. Ему сказали, что для архиепископа Реймского, который тоже едет в Версаль. Тогда герцог отправляет вперед всю свою челядь, оставив при себе только одного слугу, да и тому наказывает держаться в сторонке, пока его не позовут. Приезжает архиепископ, и, пока перепрягают лошадей, герцог велит одному из слуг прелата спросить у своего хозяина, не согласится ли тот предоставить место в карете дворянину, которому иначе придется томиться здесь еще два часа, ибо его экипаж сломался и теперь в починке. Слуга передает просьбу архиепископу. — А что это за человек? — спрашивает тот. — Хоть порядочный на вид? — Да, монсеньер, на вид очень благородный. — Что это значит «очень благородный»? Одет он хорошо? — Просто одет, но хорошо, монсеньер. — Слуги при нем есть? — Кажется, есть, монсеньер. — Поди узнай. Лакей уходит и возвращается. — Он велел им, не дожидаясь его, отправляться в Версаль. — Ага! Это уже кое-что, но отнюдь не все. Спроси у него, действительно ли он дворянин? Лакей уходит и возвращается. — Да, монсеньер, дворянин. — Дай-то бог. Пусть он подойдет ко мне, посмотрим, что это за птица. Герцог подходит, кланяется. Архиепископ кивает ему головой и чуть-чуть отодвигается, чтобы тот мог сесть на краешек сиденья. Тут он замечает на незнакомце крест Святого Людовика. — Сударь, — обращается архиепископ к герцогу, — мне, право, жаль, что я заставил вас ждать, но, согласитесь, не мог же я предоставить место в своей карете первому

встречному. Теперь я знаю, что вы дворянин. Полагаю, бывший военный? — Да, монсеньер. — И едете сейчас в Версаль? — Да, монсеньер. — Наверно, подать прошение в какую-нибудь канцелярию? — Нет, в канцеляриях мне делать нечего. Я должен принести благодарность... — г-ну де Лувуа? ** — Нет, монсеньер, королю. — Королю? (Архиепископ отодвигается, освобождая немного больше места на сиденье). Значит, король только что оказал вам какую-то милость? — Не совсем так, ваше преосвященство. Но это долго рассказывать. — А вы все-таки расскажите. — Дело в том, что два года назад я выдал дочь замуж за человека небогатого... (архиепископ снова рассаживается и теснит гостя), но очень старинного рода (архиепископ отодвигается). Его величество соизволил благосклонно отнестись к этому браку (архиепископ отодвигается еще дальше) и даже обещал моему зятю первое вакантное место губернатора. — Место губернатора? Наверно, в каком-нибудь заштатном городишке? В каком же? — Нет, монсеньер, это не город, а провинция. — Что я слышу, сударь! — восклицает архиепископ, забиваясь в самый угол. — Место губернатора провинции?.. — Да, и сейчас появилось такое место. — А в какой провинции? — В моей — Берри. Я хочу передать управление ею моему зятю. — Как, сударь, вы губернатор?.. Значит, вы герцог д'А*? (архиепископ хочет вылезти из кареты). Что же вы сразу не сказали, ваша светлость? Это же невероятно! В какое положение вы меня поставили!

Умоляю, простите меня за то, что я заставил вас ждать!.. Мерзавец лакей не сказал мне... Слава богу, я хоть поверил вам на слово, что вы дворянин, — теперь ведь любой проходимец претендует на дворянство. Этот д'Озье такой бездельник! Я в полном смущении, ваша светлость! — Успокойтесь, монсеньер. Не гневайтесь на вашего лакея за то, что он счел меня человеком благородным. Не гневайтесь на д'Озье за то, что он подверг вас риску дать место в вашем экипаже старому нетитулованному вояке. И не гневайтесь на меня за то, что я влез к вам в карету, не представив своей родословной.

* * *

ДОПОЛНЕНИЯ

I

Людовик XIV заказал Куапелю портрет герцога Бургундского и велел сделать копию с него: оригинал он хотел отправить в Испанию, а копию оставить себе. Обе картины, похожие как две капли воды, были одновременно вывешены в галерее. Король, предвидя, что окажется в затруднительном положении, отвел Куапеля в сторону и сказал: «Мне не подобает ошибаться в выборе, поэтому я хочу заранее знать, с какой стороны висит оригинал». Куапель показал, и Людовик XIV, второй раз проходя

мимо картин, бросил: «Они так похожи, что ничего не стоит их спутать; но приглядитесь внимательно и вы увидите: оригинал вот этот».

* * *

В древнем Перу право учиться имела одна лишь знать. Наша на это право. не притязает.

* * *

«Иной дурак похож на полный кувшин без ручки: так же неудобен в обращении», — говорил М* об одном глупце.

* * *

«Генрих IV был великим правителем, Людовик XIV правил в великую эпоху». В этом словце Вуазенона заложен смысл куда более глубокий, чем в прочих его остротах.

* * *

После того как Людовик XV грубо выбранил покойного принца Конти, тот рассказал об этом неприятном происшествии своему другу, лорду Тирконнелу. и попросил у него совета. Подумав, лорд простодушно сказал: «Ваше высочество, вы вполне могли бы отомстить за себя: для этого нужны только

деньги и доброе имя».

* * *

Король прусский, умевший отлично распорядиться своим временем, тем не менее говорил, что вряд ли существовал на свете человек, который сделал в жизни хоть половину того, что мог бы сделать.

* * *

Братья Монгольфье, уже будучи авторами столь великого изобретения, как аэростат, стали хлопотать в Париже о предоставлении одному из своих родственников лицензии на табачную лавку. Их прошение наткнулось на множество затруднений, чинимых разными лицами, в частности г-ном де Колонна, от которого, в общем, зависел успех дела. Граф д'Антрег, друг братьев Монгольфье, сказал г-ну де Колонна: — Сударь, если их просьба не будет уважена, я выступлю в печати и расскажу, как с ними обошлись в Англии и как, по вашей милости, обращаются сейчас во Франции. — А что было в Англии? — Хотите знать? Слушайте. В прошлом году господин Этьен Монгольфье посетил Англию. Он был представлен королю, который принял его необычайно ласково и сказал, что хотел бы что-нибудь для него сделать. Монгольфье передал через лорда Сидни, *” что, поскольку он иностранец, у него не может быть

никаких просьб. Лорд продолжал настаивать, и тогда Монгольфье вспомнил, что в Квебеке у него живет⁴²¹ очень бедный брат, священник. Вот он и попросил для того небольшого бенефиция, гиней на пятьдесят, но лорд ответил, что такая просьба недостойна ни братьев Монгольфье, ни короля, ни министра. Прошло немного времени, и в Квебеке освободилось место архиепископа. Лорд Сидни доложил королю, что думает назначить на это место родственника Монгольфье, и король дал согласие, отказав претенденту, за которого хлопотал лорд Глостер. Братья Монгольфье не без труда добились, чтобы король ограничил свою доброту более скромным благодеянием. Между подобной щедростью и отказом французских властей в табачной лавке разница немалая.

* * *

Как-то в обществе зашла речь о споре между теми, кто считал, что эпитафии следует писать по-латыни, и сторонниками эпитафий на французском языке. — Не понимаю, о чем тут спорить, — сказал г-н Б* — Да, я тоже не понимаю, — подхватил г-н Т* — Это же очевидно, — продолжал Б*. — Их надо писать только по-латыни, не так ли? — Вот уж нет, — запротестовал Т*. — Только по-французски.

* * *

— Какого вы мнения о г-не*? — Очень любезный человек; я очень его не люблю. Сказано это было так, чтобы особенно подчеркнуть разницу между людьми любезными и людьми, действительно достойными любви.

* * *

«Я поставил крест на любви, — сказал однажды М*, как только женщины начали говорить: „Ах, этот М*, я очень люблю его, люблю от всей души!“. Прежде, когда я был молод, — добавил он, — они говорили: „Ах, я бесконечно ценю М*: он такой воспитанный молодой человек”»*

* * *

«Я так ненавижу всякий деспотизм, — сказал както М*, — что слово „предписание” противно мне даже в устах врача».

* * *

Некий больной был так плох, что от него уже отказались врачи. У г-на Троншена спросили,⁴²³ не пора ли послать за святыми дарами. «Сейчас они ему очень пристанут».

* * *

Когда аббат де Сен-Пьер хотел что-нибудь одобрить, он всегда говорил: «Что касается меня, то сегодня мне это очень по душе». Можно ли лучше дать понять, что мнения людские разнообразны, а взгляды каждого человека изменчивы?

* * *

Пока мадмуазель Клерон не ввела во Французской комедии театральные костюмы, для трагедии существовал только один вид костюма, который именовался «римским». Актеры играли в нем пьесы, где действующими лицами были греки, американцы, испанцы и т.д. Первым подчинился нововведению актер Лекен: он заказал себе для роли Ореста в «Андромахе» греческое одеяние. В тот момент, когда театральная портной принес его в уборную Локона, туда вошел Доберваль. Пораженный невиданной одеждой, он спросил, что это такое. «Греческий костюм», — ответил Лекен. «Он изумительно красива — воскликнул Доберваль. — Первый же свой римский костюм я велю сшить на греческий лад».

* * *

М* утверждал, что иные правила хороши для натур твердых и несокрушимых, но не годятся для более податливых характеров. Доспехи Ахилла по плечу лишь ему одному: Патрокли тот сгибается под

ИХ ТЯЖЕСТЬЮ.

* * *

Сразу после умышленных преступлений и дурных дел следует поставить зло, совершенное с благими намерениями, и поступки, сами по себе хорошие, но вредные для общества: помощь негодяям, глупое попустительство, доведение до абсурда философских принципов, неловкие услуги друзьям, неуместное применение полезных и благородных жизненных правил и т.д.

* * *

Природа, обрушив на человека столько напастей и при этом вселив в него неистребимую любовь к жизни, обошлась с ним словно злоумышленник, который поджег бы наш дом, а у дверей выставил бы часовых. Очень уж страшна должна быть опасность, чтобы побудить нас выброситься из окна.

* * *

Министры, если случайно они не вовсе лишены ума, любят говорить о том времени, когда они будут уже не у дел. Люди обычно идут на эту удочку и верят их чистосердечию, хотя министры просто стараются выказать здравый ум. Они подобны тем больным, которые постоянно говорят о своей смерти, но, судя

по случайно оброненным ими замечаниям, уверены, что не умрут.

* * *

Кто-то попенял Делону, врачу-месмеристу: «Вот вы обещали исцелить г-на Б* а он умер». «Вы куда-то уезжали, — ответил врач, и не были свидетелем того, как удачно шло лечение: г-н Б* умер, совершенно исцеленный».

* * *

О М*, который вечно был во власти мрачных предчувствий и все сидел в черном свете, говорили: «Он любит строить воздушные темницы».

* * *

Когда аббат Данжо, член Французской академии и великий ревнитель чистоты французского языка, работал над составлением грамматики, ни о чем другом говорить он не мог. Однажды в его присутствии кто-то стал сетовать на военные поражения, постигшие Францию (это было в конце царствования Людовика XIV). «Ну и что ж! — воскликнул аббат. — Зато у меня в шкатулке уже лежат две тысячи глаголов с полным их спряжением!».

* * *

Некий писака тиснул в своем листке: «Одни говорят, что кардинал Мазарини умер, другиечто жив, а я не верю ни тому, ни другом!».

* * *

Старик д'Арнонкур заключил с девицей легкого поведения контракт, по которому обязывался выплачивать ей ренту в тысячу двести ливров, пока она будет его любить. Она легкомысленно бросила его и связалась с молодым человеком. Тот знал о контракте и решил во что бы то ни стало восстановить его. Подстрекаемая любовником, девица потребовала у д'Арнонкура денег, не выплаченных ей после разрыва, предъявив ему составленное на гербовой бумаге свидетельство о том, что она по-прежнему его любит.

* * *

Некий торговец эстампами 25 июня продавал гравированный портрет г-жи Ламотт, подвергшейся 21 июня телесному наказанию и клеймению; при этом он запрашивал очень высокую цену, говоря, что гравюра была оттиснута заблаговременно и клейма на ней нет.

* * *

Массильон был большой поклонник женщин. Он влюбился в г-жу де Симиан, внучку г-жи де Севинье. Эта дама очень ценила изысканный слог, и, чтобы ей понравиться, Массильон с особенным тщанием писал «Синоды» одно из лучших своих творений. Он жил при Оратории и должен был возвращаться не позже девяти вечера; ради него г-жа де Симиан приказывала подавать ужин в семь часов. За одним из таких ужинов вдвоем Массильон сочинил прелестную песенку, из которой я запомнил половину куплета:

Эльвира, нежны наши узы!
Так пусть же будет этот стих
Для любопытных — шуткой Музы,
Но истиной — для нас двоих!

* * *

У г-жи де Рошфор спросили, хочет ли она узнать будущее. «Нет, ответила она, оно слишком похоже на прошлое».

* * *

Аббата Ватри уговаривали хлопотать о том, чтобы ему предоставили освободившееся место в Королевском коллеже. «Там видно будет», — отговорился он и ничего не стал делать. Место получил кто-то другой. Один из друзей аббата прибегает к нему:

— Ну, что вы за человек! Сидели сложа руки, а тем временем на это место назначили другого!

— Уже назначили? — спрашивает аббат. — Ну, теперь мне самая пора просить его себе. — Вы что, с ума сошли? — Ничуть! Раньше у меня была сотня соперников, а нынче остался только один. Аббат начал хлопоты и получил место.

* * *

Г-жа*, которая из кожи вон лезла, чтобы привлечь в свой салон людей умных и острых на язык, говорила о Л*: «Я о нем невысокого мнения: он никогда даже не заглянет ко мне».

* * *

Аббат де Флери был влюблен в супругу маршала де Ноайля, но она обходилась с ним свысока. Потом аббат стал первым министром и, когда г-же де Ноайль что-то понадобилось от него, припомнил ей, как сурова она с ним была. «Ах, монсеньер, — наивно воскликнула дама, кто же мог предвидеть, что так получится!».

* * *

Герцог де Шабо приказал нарисовать на своей карете изображение богини Молвы, и по этому случаю кто-то вспомнил известные стихи:

Поступок совершил оплошный,
Когда, в припадке доброты,
Свою хулительницу ты
Зазвал и себе в сей дом роскошный.

* * *

Некий сельский врач пошел в соседнюю деревню навестить больного. Он взял с собой ружье, чтобы скоротать время и поохотиться в пути. Крестьянин, попавшийся ему по дороге, спросил у него, куда он идет с ружьем. «К больному». — «Боитесь, что без ружья вам его не прикончить ? ».

* * *

Некая девица покаялась на исповеди: «Святой отец, я очень уважала одного молодого человека». «Уважала? Сколько раз?», спросил исповедник.

* * *

К человеку, который лежал на смертном одре, пришел исповедник и сказал: «Я буду молиться за вас до самой вашей смерти». «Молю вас, — ответил тот, — дайте мне сперва умереть».

* * *

Аббату Террассону кто-то очень расхваливал новое издание Библии. «Слышал, слышал, — заметил аббат, — все грязные места сохранены там в первоизданной чистоте».

* * *

Болтая с г-ном де М*, некая дама воскликнула: «Ах, вы только и знаете, что говорить глупости!». — «Сударыня — возразил он, — иногда мне действительно приходится их выслушивать — вы как раз присутствуете при этом».

* * *

«Вы зевааете!», — с упреком сказала жена своему супругу. «Дорогая моя, — ответил он, — муж и жена — одно, а когда я наедине с собой, мне скучно».

* * *

Однажды Мопертюи, развалившись в кресле и позевывая, сказал: «С каким удовольствием я занялся бы сейчас решением красивой и не очень трудной задачи!». В этих словах — весь человек.

* * *

Мадмуазель д'Антраг, разобиженная решительным нежеланием Бассомпьера жениться на

ней, воскликнула: «Глупее вас нет никого при этом дворе!», на что Бассомпьер ответил: «По-моему, я все время доказываю вам обратное».

* * *

Некий антрепренер обратился к г-ну де Виллару с просьбой о том, чтобы пажам запретили бесплатный вход в театр. «Ваша светлость, сказал он, — примите в соображение, что, когда пажей много, из них получается целый корпус».

* * *

Король назначил г-на де Навайля воспитателем герцога Шартрского, впоследствии регента. Через неделю после этого г-н де Навайло умер, и король выбрал ему в преемники г-на д'Эстрада. Тот тоже умер приблизительно через столько же времени, и тогда Бенсерад сказал: «Видно, не образовался еще на свете человек, способный образовать герцога Шартрского».

* * *

Дидро, обнаружив, что человек, в котором он принял участие, нечист на руку и обкрадывает даже его, посоветовал тому убраться из Франции. Плут внял совету, и Дидро лет десять ничего о нем не знал. Однажды он услышал неистовый звонок. Дидро сам

открыл дверь, узнал старого знакомого и удивленно спросил: «Как! Это вы?». — «Честное слово, не за что было», ответил тот, сразу догадавшись, что Дидро недоумекает, как это его еще не повесили.

* * *

г-н де* азартный игрок, спустил за одну партию в кости свой годовой доход — тысячу экю. Тогда он написал своему другу М* прося дать ему займы эти деньги. М*, который знал о страсти де* к игре и хотел излечить его от нее, прислал в ответ вексель, составленный в таких выражениях: «Прошу г-на банкира * открыть г-ну де* неограниченный кредит в пределах всей суммы моего состояния». Столь грозный и великодушный урок возымел желаемое действие.

* * *

Королю прусскому кто-то стал расхваливать Людовика XIV, однако Фридрих решительно отказался признать за ним достоинства и таланты. «Но согласитесь, ваше величество, он отлично играл роль монарха». «Барон* играл ее еще лучше», сердито возразил король.

* * *

На представлении «Меропы»⁴⁴⁹ одна из

зрительниц не пролила ни слезинки. В ответ на недоумение своих знакомых она сказала: «Я с охотой поплакала бы, но мне предстоит сегодня званый ужин».

* * *

Некий иностранец, будучи принят папой и беседуя с ним о достопримечательностях Италии, весьма неловко сказал: «Я видел решительно все, кроме заседания конклава, а мне так хотелось побывать на нем!».

* * *

Аббат де Кане заявил как-то, что Людовик XV просто обязан назначить пенсioen Каюзаку. «Почему?». — «Да потому, что, пока жив Каюзак, король еще не самый презренный человек в своей стране».

* * *

Генрих IV прибег к очень необычному способу, чтобы наглядно показать испанскому послу разницу в характере трех своих министров Вильруа, президента Жаннена и Сюлли. Сперва он вызвал Вильруа. «Видите вы эту балку? Она вот-вот обрушится». — «Вы правы, не подняв головы, сказал Вильруа. Я распоряжусь, чтобы ее укрепили». После

этого король приказал вызвать президента Жаннена. «Надо будет посмотреть, в чем там дело», сказал тот. Потом послали за Сюлли. Он внимательно посмотрел на балку и воскликнул: «Да что вы, государь! Эта балка еще нас с вами переживет».

* * *

Я слышал, как один богомольный человек, стараясь переубедить тех, кто оспаривал догматы религии, простодушно сказал: «Господа, истинный христианин не рассуждает о том, во что ему приказано верить. Это вроде горькой пилюли: разжуешь — потом ни за что не проглотить».

* * *

Когда, желая доставить регенту удовольствие, богомольная г-жа де Парабер начинала вести вольнодумные речи, он ей обычно говорил: «Не старайся — все равно спасешься!».

* * *

Некий проповедник рассказывал: «Когда отец Бурдалу проповедовал в Руане, там все пришло в беспорядок: ремесленники побросали мастерские, врачи — больных. Через год ему на смену приехал проповедовать я, — добавил он, — и всех вернул на свои места».

* * *

Английские газеты в таких выражениях изложили суть некой финансовой операции аббата Терре: «Король наполовину понизил государственную ренту. Остальное — в ближайшем будущем».

* * *

Когда г-н де Б* читал или слышал о каком-нибудь гнусном, преступном деле, либо становился его очевидцем, он всегда восклицал: «Я не пожалел бы экую, чтобы на небе был бог!».

* * *

Художник Башелье неудачно изобразил Христа. Один из его друзей сказал ему: «Ваша картина никуда не годится: у Христа лицо глупое и низменное». «Как вы странно говорите) — возмутился Башелье и наивно добавил: — У меня только что были Дидро и Даламбер, и оба нашли, что я отлично уловил сходство».

* * *

Г-н де Сен-Жермен, собираясь представить какие-то дела на рассмотрение кабинета министров, спросил у г-на де Мальзерба, как это лучше сделать.

«Те дела, что поважней, решите сами, — ответил Мальзерб. — Остальные пусть решает кабинет».

* * *

Каноник Рекуперо, известный естествоиспытатель, опубликовал ученый труд о вулкане Этна. Так как он доказывал в этом сочинении, что, судя по датам извержений и составу лавы, земле не менее 14000 лет, то получил из высших сфер приказ замолчать, если не хочет убедиться, что и у святой церкви бывают извержения. Рекуперо, разумеется, немедленно умолк. Эту историю он сам рассказал шевалье де ла Трамбле.

* * *

Мариво утверждал, что у стиля есть пол и что женские писания можно распознавать по одной фразе.

* * *

Королю сардинскому доложили, что савойское дворянство совсем обнищало. Однажды, когда король проездом остановился в каком-то городке, к нему на прием пришло несколько дворян в роскошных праздничных нарядах. Король намекнул им, что, видно, не так уж они бедны, как об этом говорят. «Государь, — последовал ответ, — узнав о вашем

прибытии, мы сделали все, что должны были сделать, но мы должны за все, что сделали».

* * *

Трактат «Об уме» и поэма «Девственница» подверглись гонению в одно и то же время. В Швейцарии обе книги были запрещены. Чиновник из Берна, занимавшийся изъятием этих произведений, доложил сенату: «Во всем кантоне мы не нашли ни „Ума“, ни „Девственницы“ ».

* * *

«Достойным человеком я почитаю того, кто при рассказе о благородном поступке чувствует прилив сил, а недостойным — того, кто старается очернить доброе дело». Эти слова принадлежат г-ну де Мерану.

* * *

Знаменитая певица Габриелли запросила у русской императрицы пять тысяч дукатов за два месяца выступлений в Петербурге. «Я своим фельдмаршалам плачу меньше», запротестовала императрица. «Отлично, ваше императорское величество, — отпарировала Габриелли, — пусть ваши фельдмаршалы вам и поют». Императрица уплатила ей пять тысяч дукатов.

* * *

Г-жа дю Д* говорила о М*, что он из кожи вон лезет, лишь бы вызвать к себе неприязнь.

* * *

«Для меня куда полезнее общество людей неверующих, нежели богобоязненных, — говорил г-н Д* — Стоит мне встретиться с безбожником, как я тут же вспоминаю все полудоказательства существования божьего, а при виде верующего мне на ум приходят одни только полудоказательства того, что бога нет».

* * *

«Мне наговорили много худого о г-не де *, — заметил М*. — Полгода назад я еще поверил бы этому, но с тех пор мы с ним помирились».

* * *

Когда несколько советников стали слишком уж громко болтать во время заседания, первый президент г-н де Арле воззвал к ним: «Если те, что разговаривают, соблаговолят шуметь не больше, чем те, что спят, они весьма обяжут тех, что слушают».

* * *

Кольбер говорил по поводу развития французской промышленности, что французам дай только возможность — они и камни в золото превратят.

* * *

Адвокат Маршан, человек весьма остроумный, заметил: «Посмотришь на административную, судебную или кухонную стряпню и, пожалуй, схватишь несварение желудка».

* * *

«Мне вполне довольно собственного общества, а придет время обойдусь и без него», говорил М* давая этими словами понять, что умрет без особых сожалений.

* * *

«Мысль, которая дважды появляется в сочинении, да еще на протяжении немногих страниц, — заметил М*, — напоминает мне человека, который, откланявшись, тотчас же возвращается за шпагой или шляпой».

* * *

«Я играю в шахматы при ставке в двадцать четыре су, а рядом, в этой же гостиной, играют в кости при ставке в сто луидоров», — говорил некий генерал, который вел трудную и не приносящую славы войну, тогда как его собратья по оружию отличались в кампаниях легких и выигранных.

* * *

Мадмуазель Дюте потеряла одного из своих любовников при обстоятельствах, наделавших много шума. Некто, придя к ней в гости и застав ее за игрой на арфе, удивленно сказал: «Ну и ну! А я-то думал, что застану вас в тоске и отчаянье!». — «Ах, — воскликнула она патетически, — вы бы видели, как я убивалась вчера!».

* * *

В светском обществе, где среди прочих гостей находилась и маркиза де Сен-Пьер, зашел разговор о том, что у г-на де Ришелье было много женщин, но ни одной из них он не любил. «Пожалуй, это слишком сказано, — возразила маркиза. — Я знавала женщину, ради которой он проскакал триста лье». И тут маркиза рассказывает целую историю, все время в третьем лице, но под конец, увлеченная своей повестью, восклицает: «Он с неслыханной страстью бросил ее на кровать, и мы трое суток не выходили

из спальни*.

* * *

М* задали каверзный вопрос. «Есть вещи, — ответил он, — которые я отлично помню, пока никто не заговаривает со мной о них, но мгновенно забываю, едва меня начинают расспрашивать».

* * *

Маркиз де Шуазель Ла Бом, юный племянник епископа Шалонского, убежденного янсениста и ханжи, вдруг очень загрустил. Дядя-епископ спросил у него, в чем причина такой меланхолии. Молодой человек ответил, что ему очень хочется заполучить одну мороженицу, но на это нет никакой надежды. «А что, цена велика?». — «Да, дядюшка: целых двадцать пять луидоров». Епископ дал племяннику деньги, но с непременным условием, что тот покажет ему мороженицу. Прошло несколько дней, и он поинтересовался, купил ли уже маркиз предмет своих желаний. «Да, дядюшка, и завтра я обязательно покажу ее вам». И он действительно показал ее при выходе из церкви после мессы. Мороженица оказалась прехорошенькой — только не той, в которой вертят мороженое, а той, которая его продает. Впоследствии она стала известной под именем г-жи де Бюсси. Вообразите гнев старого янсениста!

* * *

Когда я прихожу в театр посмотреть какую-нибудь пиесу К* и вижу полупустой зал, я всегда вспоминаю возглас некоего плацманера, назначившего сбор на такой-то час. Застав на месте сбора одного трубача, он воскликнул: «Ах, сволочи, почему вы явились в единственном числе?».

* * *

Вольтер говорил о поэте Руа, который только что вышел из тюрьмы Сен-Лазарон вообще был не в ладах с правосудием: «Человек Руа, конечно, остроумный, но поэту Руа лучше бы побольше сидеть». Маркиз де Виллет назвал банкротство г-на де Гомоне «светлейшим банкротством».

* * *

Когда театр Французской комедии перенесли на площадь Карусели, Люксанбур, глашатай, выкрикивавший экипажи при разезде из театра, заявил: «Плохо здесь будет Комедии: никакого эха нет».

* * *

У человека, всегда твердившего, что он глубоко уважает женщин, спросили, много ли у него было

любовниц. «Меньше, чем если бы я их презирал».

* * *

Одному умному человеку дали понять, что он плохо знает придворную жизнь. «Можно быть отличным географом, не выходя из своей комнаты. Д'Анвиль никогда никуда не выезжал», ответил он.

* * *

Споря с кем-то о распространенном предрассудке, будто иные наказания позорят не только преступника, но и его близких, М * сказал: «Довольно и того, что почести и награды получают люди недостойные. Зачем нужно еще, чтобы кара обрушивалась на людей неповинных?».

* * *

Милорд Тайроли утверждал, что если отнять у испанца его достоинства, то получится португалец. Тайроли говорил это, будучи послом в Португалии.

* * *

г-н де Л * пытаюсь отговорить недавно овдовевшую г-жу де Б * от нового брака, урезонивал ее: «Понимаете ли вы, какое это счастье — носить имя человека, который уже не в состоянии наделать

глупостей?».

* * *

Виконт де С* подошел однажды к г-ну де Вону с такими словами: «Правда ли, сударь, что в одном доме, где общество благосклонно признало за мной некоторый ум, вы соизволили отказать мне в этом качестве?».«Все это сплошная выдумка, сударь: я никогда не бывал в домах, где за вами признавали бы ум, и никогда не говорил, что у вас его нет».

* * *

В разговоре со мной М* заметил, что люди, которые в своих писаниях длинно и подробно оправдываются в чем-либо перед публикой, напоминают собак, с лаем бегущих вслед за почтовой каретой.

* * *

В каждую пору своей жизни человек всегда вступает новичком.

* * *

М* сказал молодому человеку, который не замечал, что его любит женщина: «Вы еще так юны, что, видно, разбираете только крупный шрифт».

* * *

«Почему это люди говорят: „Нужно учиться умирать”? — спрашивала двенадцатилетняя мадмуазель де*. — Я вижу, что у всех это получается с первого раза».

* * *

М*, человеку уже немолодому, сказали: «Вы неспособны больше любить». «Способен, но не осмеливаюсь, — возразил он. — Даже теперь при виде хорошенькой женщины я подчас твержу себе: „Как бы я любил ее, если бы еще мог вызывать любовь!..».

* * *

Когда вышел памфлет Мирабо о биржевой спекуляции, в котором автор самым суровым образом обошелся с г-ном де Каленном, вдруг пошли слухи, основанные на одном выпаде против г-на Неккера, будто именно г-н Калонн и оплатил книгу, а все дурное, что там написано о нем, просто маскировка, дабы скрыть сговор. Наслушавшись подобных разговоров, г-н де Л* заметил, что все это напоминает ему случай с регентом, который сказал аббату Дюбуэ на одном балу: «Будь со мной пофамильярнее, тогда никто не узнает, что это я». Аббат на балу несколько

раз пнул его ногой в зад, и, так как последний пинок был слишком уж увесистым, регент, потирая ушибленное место, запротестовал: «Аббат, ты маскируешь меня чересчур усердно!».

* * *

«Терпеть не могу женщин непогрешимых, чуждых людским слабостям, — говорил М*. — Мне все время мерещится, что у них на лбу как на вратах дантова ада, начертан девиз проклятых душ: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.* [«Входящие, оставьте упования» (итал.). Пер. М. Лозинского.]

* * *

«Я всеми силами стараюсь уважать людей, и все же не слишком уважаю, — сказал как-то М*. Не понимаю, как это получается».

* * *

Мой знакомый, человек с очень скудным достатком, взялся помогать бедняку, который тщетно зывал к благотворительности сперва вельможи, а потом откупщика. Я рассказал ему об этом, присовокупив подробности, которые лишь отягощали вину сильных мира сего. Он спокойно ответил мне: «Как по-вашему, что случилось бы с миром, если бы бедняки не старались все время творить добро,

которого не желают делать богачи, и не исправляли зло, которое те чинят?»).

* * *

Все советовали одному молодому человеку забрать у сорокалетней дамы, в которую он прежде был влюблен, свои письма. «Да она их, наверно, уже уничтожила!». — «Ну нет! — возразил кто-то. — Едва женщине минет тридцать, как она начинает свято хранить каждое любовное письмо».

* * *

М * говорил по поводу того, как полезно уединение и какую мощь придает оно человеческому разуму: «Горе поэту, который ежедневно завивает волосы) Чтобы писать хорошие вирши, он должен носить ночной колпак и иметь возможность хвататься за голову».

* * *

Людям маленьким и тщеславным великие мира сего никогда не дарят свое общество безвозмездно.

* * *

История Пор-Рояля, написанная Расином, — поистине примечательное произведение. Весьма

занятно читать, как автор «Федры» рассуждает о великом предназначении, уготованном господом матери Агнессе.

* * *

Как-то д'Арно, зайдя к графу Фризену, застал того за туалетом; его прекрасные волосы были распущены по плечам. «Сударь, у вас волосы истинного гения!», воскликнул д'Арно. «Вы находите? Хотите, я отрежу их и закажу вам из них парик?», - ответил граф.

* * *

От тех, кто занимается сейчас во Франции внешней политикой, в первую очередь требуют досконального знания всего, что относится к Индии. Изучению этого предмета Бриссо де Варвиль посвятил много лет своей жизни, и я сам слышал, как он рассказывал, что отвлечь его от этого занятия и чинить ему всяческие препятствия старался не кто иной, как г-н де Верженн.

* * *

Ж.Ж. Руссо, выигравшему несколько партий в шахматы у принца Конти, попеняли на то, что он проявил неучтивость: следовало дать принцу выиграть хотя бы две-три партии. «Но ведь я дал ему фору в ладью!», — возразил Руссо.

* * *

М * говорил мне, что как ни старается г-жа де К * стать богомолкой, у нее все равно ничего не выйдет: для спасения души мало одной глупости, то есть искренней веры, тут еще нужен такой запас повседневного тупоумия, какого ей никогда не приобрести. «А именно это тупоумие и зовется благодатью», добавил он.

* * *

Когда г-н де Ришелье на светском приеме стал увиваться за г-жой де Брион, дамой очень красивой, но, по общему признанию, глуповатой, не обращая должного внимания на г-жу де Тальмон, последняя сказала ему: «Сударь, зрение у вас безусловно отличное, но вот на ухо вы, кажется, немного туги».

* * *

Аббат Делавиль хотел устроить политическую карьеру г-на де*, человека скромного и порядочного, но неуверенного в своих силах и потому отклонявшего все его предложения. «Эх, сударь, да вы загляните в „Королевский альманах“!», сказал ему, наконец, аббат.

* * *

В одном итальянском фарсе Арлекин говорит, касаясь недостатков обоих полов, что люди достигли бы совершенства, если бы не были мужчинами и женщинами.

* * *

Сикст V, будучи уже папой, вызвал к себе в Рим из Милана некоего доминиканца, начал распекать его за то, что он нерачительно распоряжается средствами своего монастыря, и напомнил ему, что лет пятнадцать назад он дал деньги в долг одному францисканцу. «Да, был такой грех, — сознался провинившийся. — Францисканец оказался дрянным человеком, он меня надул». — «Тот францисканец — это я, — сказал тогда папа. — Берите ваши деньги, но впредь будьте осмотрительней и никогда не давайте займы братии этого ордена».

* * *

Лукавство и осторожность — вот, видимо, те качества, которые особенно ходки и выгодны в обществе. Они порой подсказывают людям словечки, которые стоят любых остроумий. В одной гостинице неумеренно расхваливали деятельность г-на Неккера; некто, явно его недолюбливавший, спросил: «А не помните ли вы, сколько времени он занимал пост министра после смерти г-на де Позе?». Тут

собеседники вспомнили, что г-н Неккер — креатура последнего, и всеобщее восхищение сразу поостыло.

* * *

Прусский король, заметив, что лицо одного из солдат изуродовано шрамами, спросил его: «В каком это кабаке тебя так изукрасили?». «Да в том же самом, где и вы получили свою порцию, — в Калине», ответил солдат. Хотя под Колином король потерпел поражение, ответ солдата привел его в восторг.

* * *

Христина, королева шведская, пригласила к своему двору знаменитого Поде, написавшего очень серьезный труд о греческих танцах, и немецкого ученого Майбомиуса, который перевел и выпустил в свет сочинения семи греческих авторов о музыке. Бурдело, придворный медик Христины, помесь фаворита с шутком, надоумил королеву предложить упомянутым ученым: одному — спеть старинную греческую песню, другому — изобразить греческий танец. Ей удалось их уговорить, почтенные мужи разыграли этот фарс и сделались всеобщим посмешищем. Поде отнесся к шутке весьма хладнокровно, но ученый, с окончанием на «ус», выйдя из себя, поставил Бурдело не один фонарь под глазами, а затем покинул шведский двор и даже вообще уехал из Швеции.

* * *

Канцлер д'Агессо предоставлял привилегию на какой-нибудь новый роман или даже просто соглашался закрыть глаза на его печатание, лишь поставив целый ряд обязательных условий. Так, он разрешил аббату Прево выпустить первый том «Кливленда» только при условии, что в последнем томе Кливленд обратится в католичество.

* * *

М* говорил о принцессе де*: «Она из того сорта женщин, которых нельзя бросить. Значит, остается одно: изменять ей».

* * *

Кардинал де Ларош-Эмон, смертельно больной, исповедался каком-то священнику. Его потом спросили, что это за человек. «Я просто в восторге от него, — ответил кардинал. — Он рассуждает о преисподней как сущий ангел».

* * *

Однажды Ла Кальпренета спросили, что это за красивая ткань, из которой сшит его костюм. «Это „Сильвандр», — ответил он. Так называется один из

его романов, имевший большой успех.

* * *

Аббат Верто очень часто переходил из одного монашеского ордена в другой. Остряки называли эти его переходы «революциями аббата Верто».

* * *

М* сказал как-то: «Мне ни к чему быть христианином, но вот верить в бога было бы неплохо».

* * *

Непонятно, почему Вольтер не изобразил в своей «Девственнице» шута: ведь в те времена у королей всегда были шуты, а такой персонаж мог бы обогатить картину нравов эпохи несколькими яркими штрихами»

* * *

Когда г-на де*, человека необычайно вспыльчивого, упрекнули за какой-то промах, он пришел в ярость и заявил, что отныне поселится в уединенной хижине. Один из его друзей спокойно ответил на это: «Значит, вам легче расстаться с вашими друзьями, чем с вашими недостатками».

* * *

Узнав подробности сражения при Рамильи, Людовик XIV воскликнул: «Значит, господь бог забыл, что я для него сделал!». (Анекдот, рассказанный г-ну де Вольтеру одним из герцогов де Бранкас).

* * *

По английскому обычаю воры, ожидающие в тюрьме смертной казни, имеют право распродать все свое имущество, чтобы как следует попить напоследок. Особенно охотно покупают у них лошадей, большей частью превосходных. У одного такого вора торговал коня некий лорд. Считая, что последний — свой брат-жулик, вор сказал ему: «Не хочу тебя надуть: конь у меня и вправду легок на ногу, но с большим изъязном боится решеток».

* * *

Не так-то просто понять общий замысел «Книдского храма», да и отдельные места там неясны. Вот почему г-жа дю Деффан называла эту книгу «апокалипсисом галантной литературы».

* * *

Одного охотника пересказывать людям все хорошее, что им случилось оказать друг о друге,

называли любителем подобрословить.

* * *

Фокс⁵⁰¹ задолжал огромные суммы ростовщикам-евреям в надежде, что один из его дядей после смерти оставит ему наследство и тогда он расплатится с долгами. Дядя женился и обзавелся сыном, после чего Фокс сказал: «Это не ребенок, а настоящий младенец Иисус: он родился «а погибель евреям».

* * *

«Женщины так обесславили себя, что мужчинам уже неловко хвалиться успехом у них», любил говорить Дюбюк.

* * *

Кто-то сказал Вольтеру, что, злоупотребляя работой и кофе, он убивает себя. «А я уже родился убитым», ответил он.

* * *

Некая дама овдовела. На следующий день после похорон к ней с визитом пришел ее духовный наставник и застал ее за игрой в карты с весьма изящно одетым молодым человеком. «Сударь, —

сказала она, увидев, как ошеломлен вновь пришедший, — явись вы на полчаса раньше, вы застали бы меня всю в слезах; но я поставила свою скорбь на карту и проиграла ее».

* * *

О предпоследнем епископе Отенском, человеке чудовищной толщины, говорили, что он был создан и послан в мир, дабы люди убедились, до чего растяжима человеческая натура.

* * *

«Светское общество было бы прелестно, — говаривал М* по поводу царящих там нравов, — если бы члены его хоть сколько-нибудь интересовались друг другом».

* * *

Нужно считать очевидным фактом, что человек в железной маске был братом Людовика XIV; в противном случае эта таинственная история становится полнейшей нелепостью. Очевидно и то, что Мазарини был не только любовником королевы, но (как это ни невероятно) и ее мужем, иначе невозможно объяснить тот безапелляционный тон, каким кардинал пишет королеве из Кельна по поводу ее решения в каком-то важном деле: «Вам надлежало,

государыня», и т.д. К тому же старые царедворцы рассказывают, что за несколько дней до смерти королевы между ней и ее сыном произошло трогательное объяснение, сопровождавшееся слезами; надо полагать, что именно тогда мать и открыла сыну свою тайну.

* * *

Папа Ганганелли спросил у барона де Ла Уза, оказавшего ему кое-какие услуги, чем он может быть полезен барону. Ла Уз, хитрый гасконец, попросил подарить ему мощи какого-нибудь святого. Папа удивился такой просьбе, да еще исходящей от француза, но мощи подарил. У барона в Пиренеях было захудалое поместье, почти не приносящее доходов, потому что сбывать урожай было некуда. Он привез в свое поместье мощи святого и повсеместно дал об этом знать. Отовсюду съехался народ, начали совершаться чудеса, ближний городок заселился, провизия поднялась в цене, и доходы барона утроились.

* * *

Король Иаков, живший после изгнания в Сен-Жермене только на щедроты Людовика XIV, наезжал в Париж, чтобы лечить от золотухи возложением рук — он ведь считал себя и королем Франции.

* * *

г-н Серутти сочинил стихи, где была такая строка: О старец из Ферме, о паншартренский старец... Даламбер, прочитав его рукопись, изменил эту строчку таким образом: О старец из Ферме, старик из Пан-Шартрена...

* * *

Пятидесятилетний г-н де Б* женился на тринадцатилетней мадмуазель де С*. Во время этого сватовства о женихе говорили, что он жаждет занять должность куклы мадмуазель.

* * *

Некий очень глупый человек, вмешавшись в беседу, сказал: «Мне пришла в голову мысль!. — «Да ну?», воскликнул некий острослов.

* * *

Милорд Гамильтон, большой оригинал, однажды напился в какой-то английской харчевне, убил слугу и поднялся к себе, так и не поняв, что он натворил. Перепуганный хозяин заведения прибежал к нему с криком: «Милорд, вы убили моего слугу)». «Поставьте его в счет».

* * *

К шевалье де Нарбонну подошел некто весьма назойливый и с неприятной фамильярностью сказал: «Здравствуй, мой друг, как ты поживаешь?». — «Здравствуй, мой друг, как тебя звать?», отпарировал шевалье.

* * *

Некий скряга мучился зубной болью; ему посоветовали вырвать зуб. «Да уж, видно, придется мне раскошелиться и выложить его», заохал скупец.

* * *

Кто-то сказал о человеке, которому очень не везло в жизни: «Он на спину упадет, и то нос расквасит».

* * *

Я рассказал в обществе об одном любовном походе жены президента де*, но не назвал ее имени. «Эта самая г-жа де Верньер, о которой вы только что говорили...», простодушно подхватил мой рассказ М*. Все так и покатались со смеху.

* * *

Вернувшись из Германии, М* сказал: «Вот уж кто из меня не получится, так это немец».

* * *

Станислав, король польский, с каждым днем садился обедать все раньше. По этому поводу г-н де Ла Галезьер сказал ему: «Государь, если так будет продолжаться, вы кончите тем, что прикажете подавать обед накануне» .

* * *

М* никак не мог исцелиться от своего недуга, так как постоянно нарушал режим и не отказывался ни от каких удовольствий. По этому поводу он сказал мне: «Если бы не я, какое завидное у меня было бы здоровье!».

* * *

Некий бреславльский католик выкрал из церкви своей общины золотые сердечки и другие дары прихожан. Представ перед судом, он заявил, что их самолично вручила ему божья мать. Приговор, который ему вынесли, был, согласно обычаю, отправлен на утверждение прусскому королю. Король приказал богословам собраться и решить, так ли уж невозможно, чтобы мать божья подарила ревностному католику какую-нибудь мелочь.

Богословы, весьма смущенные, пришли к заключению, что подобный подарок в принципе возможен. Тогда король написал под приговором виновному: «Объявляю высочайшее помилование таком-то, но запрещаю ему под страхом смертной казни принимать в дальнейшем какие-либо подарки от матери божьей и святых».

* * *

Как-то, когда епископ де Л* сидел за завтраком, к нему пришел аббат де*. Епископ пригласил гостя позавтракать, но тот отказался. Прелат стал настаивать. «Монсеньер, — сказал священник, — я уже дважды завтракал, к тому же сегодня пост».

* * *

Когда г-н Вольтер был проездом в Суассоне, ему нанесли визит представители тамошней Академии. На их слова о том, что Суассонская академия — старшая дочь Французской академии, Вольтер ответил: «Вы правы, господа, она — старшая дочь, притом такая благоразумная и порядочная, что никто даже словечка о ней не молвит».

* * *

Когда в кафедральный собор города Арраса поставили гроб с телом маршала Левиса, епископ

аррасский воскликнул: «Наконец-то этот достойный человек в моих руках!».

* * *

Принцесса Конти, дочь Людовика XIV, увидев однажды спящую — или притворившуюся спящей — дофину, принцессу Баварскую, долго ее разглядывала, а потом сказала: «Дофина еще уродливее, когда спит, чем когда бодрствует», на что та, не открывая глаз, ответила: «Не всем же быть детьми любви!».

* * *

Некий американец, обнаружив шестерых англичан, отбившихся от своей части, с неслыханной отвагой бросился на них, двух ранил, четырех обезоружил и всех привел к генералу Вашингтону. Генерал спросил, каким это образом он ухитрился один справиться с шестерыми. «Как только я их увидел, — ответил тот, — я сразу пошел в атаку и окружил их».

* * *

В ту пору, когда было установлено несколько налогов на богачей, один миллионер, оказавшись в обществе других толстосумов, которые жаловались на трудные времена, воскликнул: «Кто счастлив в

наши дни? Разве что какие-нибудь жалкие нищие!».

* * *

Когда аббат Петио тяжело заболел, святые дары принес ему аббат С*. Увидев, с каким видом больной принял сами знаете что, С* подумал: «Если этот человек выздоровеет, он будет моим другом».

* * *

Некий поэт спросил, нравится ли Шамфору написанное им двестишье. «Очень, — заявил Шамфор, — только нельзя ли его сократить?»

* * *

Рюльер сказал Шамфору: «Я сделал лишь одну дурную вещь в своей жизни». — «Когда же она кончится?», — спросил тот.

* * *

г-н де Водрейль пенял Шамфору на то, что он не прибегает к помощи друзей. «Средства у вас скудные, но обратиться к нашей дружбе вы не желаете». — «Обещаю занять у вас двадцать пять луидоров, как только вы расплатитесь с долгами», — ответил Шамфор.

* * *

Кто-то сказал во время обеда: «Сколько ни ем, а все аппетита нет».

* * *

Увидев в опере расплывшуюся Армиду и на редкость уродливого Ринальдо, одна остроумная женщина заметила: «Вот любовники, которые не выбирали друг друга, а сошлись только потому, что все остальные уже выбрали себе кого-нибудь получше».

* * *

Один человек угодил под суд по столь серьезному делу, что оно едва не стоило ему головы. Много лет спустя он встречается своего друга, который уехал в дальние края, когда разбирательство названного дела еще только начиналось, и спрашивает его: «Вы не находите, что я изменился со времени нашей последней встречи ? ». — «Нахожу, — отвечает друг. Вы опять выросли на целую голову».

* * *

Существует песенка о Геракле, совладавшем с пятьюдесятью девственницами, и кончается она такими словами: Я, как он, их мог бы взять, Только

где их отыскать?

* * *

г-н Брессар-отец написал однажды жене: «Дорогая моя, часовня наш строится, и мы можем льстить себя надеждой, что нас обоих похороня в ней, если, конечно, господь сподобит нас долгой жизнью».

* * *

Когда г-жа Крамер, проведя несколько лет в Женеве, вернулась в Париж, ее спросили: «Что поделявает госпожа Траншен?». (Эта особа отличалась редкостным безобразием). — «То же, что и раньше: нагоняет на всех страх», — ответила г-жа Крамер.

* * *

Однажды король прусский распорядился возвести казармы в таком месте, что они преградили доступ свету к соседней католической церкви Причт обратился к Фридриху с жалобой, которую тот вернул, начертав на ней следующие слова: «*Beati qui non viderunt et crediderunt*»[«Блаженны не видевшие и уверовавшие» (лат.)].

* * *

Граф де Шароле целых четыре года ничего не давал на содержание своего двора и не платил даже чинам своей свиты. Наконец, двое из них некие господа де Лаваль и де Шуазель, представили принцу своих слуг, и сказали: «Нам вы не платите, ваше высочество, но в таком случае скажите хоть, откуда нам взять деньги, чтобы расплатиться с этими людьми?». Принц позвал своего казначея и, указывая на де Лавалья де Шуазеля и на их слуг, бросил: «Рассчитайтесь с моей челядью!».

* * *

Один больной, не желая перед смертью вкусить святых даров, шепнул своему другу: «Лучше уж я притворюсь, что вовсе не собираюсь умирать»

* * *

Анекдот о г-не де Вилларе: прослушав однажды на рождество три мессы подряд, он решил, что две последних священник отслужил в его честь, и велел вручить тому три луидора. «Я служил их для собственного удовольствия», ответил священник.

* * *

Шестилетняя девочка говорит матери: — Как мне жаль двух этих людей) — Каких людей, дитя мое? — Бедного Авеля. Он был такой красивый и добрый, а

брат взял и убил его. Я все время вспоминаю картинку про него в нашей большой Библии. — Да, да, это очень грустная история. А кого еще тебе жаль? — Кола из «Фанфана и Кола» — ведь Фанфан не дал ему сладкого пирога. Мама, а пирог был взаврадашний?

* * *

— Знаете, что я делаю, когда испытываю искушение? — спросил М*. — Нет. — Стараюсь испытывать его подольше.

* * *

Не помню уж какого президента парламента хвалили за то, что он башковит. В ответ кто-то заметил: «Это слово я слышал сотни раз, но еще никто не решился сказать, что он просто умен».

* * *

Однажды маленький отец Андре похвастался принцу Конде, что сумеет без подготовки сказать проповедь на любую тему. Назавтра принц прислал ему эту тему — то было изображение фаллоса. Проповедник получил сей возвышенный предмет в ту минуту, когда уже выходил из ризницы; тем не менее он не растерялся, взошел на кафедру и начал: «Лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих,

а не все тело твое было ввержено в геенну».

* * *

Некий англичанин спросил адвоката, как ему обойти закон, карающий за увоз богатой наследницы. Крюкотвор осведомился, согласна ли девушка на то, чтобы ее похитили. «Да». — «В таком случае берите лошадь, сажайте девицу в седло, сами садитесь сзади, на круп, поезжайте до первой деревни и кричите: «Мисс такая-то похищает меня!». Клиент внял сонет и увез дочь самого законника.

* * *

Некий англичанин, приговоренный к повешению, был помилован королем. «Нет, — возмутился он, — я требую, чтобы меня повесили: это мое законное право».

* * *

Г-жа дю Деффан сказала аббату д'Эди: «Сознайтесь, что вы любите меня сейчас больше всех на свете». — «Я с радостью сказал бы вам это, — подумав, ответил аббат, — да ведь вы решите тогда, что я никого не люблю».

* * *

Когда барон де Бретейль был министром, герцогиня де Б* выхлопотала у него для аббата де К* которому покровительствовала, должность, требующую от того, кто ее занимает, немалых способностей. В обществе назначение де К* вызвало недовольство — все считали, что это место следовало отдать г-ну Л* Б*, человеку гораздо более одаренному. Узнав об этих пересудах, герцогиня воскликнула: «Ах так! Значит, тот, кому я протежирую, недостойн этой должности? Тем лучше: теперь все увидят, каково мое влияние!».

* * *

Однажды г-н Божон приказал слугам вынести его в гостиную, где собралось несколько красивых женщин, которых молва величает его «усыпальницами», и, заикаясь, объявил: «Радуйтесь, сударыни мои: у меня был не апоплексический удар, а всего-навсего паралич».

* * *

Когда беарнские штаты присягнули королю, он в свою очередь принес им присягу на верность и обещал блюсти их вольности и привилегии. Таким образом, гасконцы и тут не остались в накладе. Просто непостижимо, почему из всех жителей многочисленных наших провинций только у них хватило на это ума.

* * *

Лакею графа Калиостро задали вопрос, правда ли, что его хозяину триста лет. «Не могу знать, — ответил он. — Я ведь состою при нем всего сто лет».

* * *

Некий шарлатан предсказывает судьбу всем желающим из простонародья. К нему подходит чистильщик сапог, маленький босоногий оборванец, и протягивает одно су четырьмя монетками по лиару. Гадальщик берет деньги, разглядывает ладони паренька и с обычными ужимками изрекает: «Сын мой, у тебя много завистников». Мальчуган мрачнеет. «Не хотел бы я оказаться на твоём месте!», добавляет прорицатель.

* * *

Увидев свет в овнах домика, где герцог де Лозой принимал женщин, принц Конти завернул туда и застал хозяина в обществе двух великанш, которых тот подцепил на ярмарке. Принц остался ужинать с ними, а герцогине Орлеанской, к которой был зван в тот вечер, послал записку: «Я пожертвовал вами ради двух особ, еще более высоких, чем вы».

* * *

Вместо слова «bruit» в смысле «пересуды, сплетни» простой народ частенько употребляет другое «сапсан». Оно восходит ко временам Рамуса, когда в университете шел спор, как надо произносить «quanquam»: на латинский лад «кванквам» или на французский «канкан». университетский совет был тогда вынужден даже вынести особое постановление, запрещавшее иным из профессоров утверждать, будто «его amat» столь же правильный латинский оборот, как и «его агно». (см. Бе-Яль, статья «Рамус»).

* * *

Герцог Йоркский, будущий король Иаков II, стал однажды подбивать своего брата Карла II на какой-то шаг, который неминуемо вызвал бы недовольство палаты общин. «Брат мой, — ответил король, — я устал от скитаний по Европе. Если вам так уж хочется попутешествовать, подождите, пока я умру». Иаков не раз, наверно, вспоминал эти слова в долгие годы, проведенные им в Сен-Жермене.

* * *

Послушав оратора, совсем не владевшего искусством декламации, Юлий Цезарь сказал ему: «Если ты полагаешь, что это была речь, знай: это было пение; если ты полагаешь, что это было пение,

знай: оно было отвратительно».

* * *

Горько сожалел об известной своей булле, папа Климент XI оправдывался: «Если бы отец Ле Телье не уверил меня в неограниченной власти короля, я никогда не решился бы издать эту буллу. Отец Ле Телье заявил королю, что в осужденной книге больше ста еретических положений, ну а потом уж не хотел прослыть лжецом. Меня прямо-таки за горло брали, требуя, чтобы я осудил больше ста положений, а я к сотне добавил только одно».

* * *

Некий священник написал г-же де Креки по случаю смерти г-на де Креки-Канапля, чудака и безбожника: «Я не совсем уверен, будет ли дано его душе спастись, но, поскольку пути господни неисповедимы, а покойник имел честь состоять в родстве с вашим домом и т.д.».

* * *

Нерико-Детуш жил у себя в поместье и там писал свои пьесы. Закончив очередную, он вез ее в Париж и возвращался домой накануне первого представления.

* * *

Когда, увидев воочию русских крепостных, так называемых мужиков, живущих в страшной нищете, изъеденных насекомыми и т.д., Дидро нарисовал императрице ужасающую картину их существования, Екатерина возразила ему: «А зачем им содержать в чистоте дома, где они не хозяева, а жильцы?». В самом деле, русский раб не владеет ничем, даже собственной жизнью.

* * *

Глядя на обеденный стол, накрытый столь пышно, что глаза разбегались, некто сказал: «За деревьями я не вижу леса».

* * *

Некий вояка, заядлый дуэлист, приехав в Париж, подарил одному престарелому генерал-лейтенанту шпагу, которая, по его словам, заслуживала всяческих похвал. Через несколько дней он вновь навестил старика и осведомился: «Ну, что вы скажете о клинке, ваше превосходительство?». Бретер полагал, что его собеседник уже успел испробовать оружие на нескольких поединках.

* * *

Мне рассказывали об одном придворном шуте-человеке, видимо, очень неглупом; этот шут однажды заметил: «Не знаю, почему так получается, но удачно сострить удастся только насчет тех, кто в опале».

* * *

Герцог Бургундский Карл Смелый в делах войны взял себе за образец Ганнибала, чье имя поминал на каждом шагу. После сражения при Муртене, где Карл был наголову разбит, придворный шут, удирая вместе со своим государем с поля боя, то и дело твердил на бегу: «Эк нас отганнибалили!».

* * *

Король прусский весьма благоволил к одному пехотному офицеру, которого он тем не менее по забывчивости обошел чином при очередном производстве. Офицер не скрыл своего недовольства, и некий доброхот доложил об этом королю. Тот ответил доносчику: «Его недовольство понятно: он ведь не знает, что я намерен для него сделать. Передайте ему, что мне все известно и что я прощаю его, но отнюдь не требую, чтобы он простил вас». Офицер узнал о случившемся, и дело кончилось дуэлью на пистолетах, стоившей доносчику жизни. Спустя некоторое время король дал обойденному служаке полк.

* * *

Когда король прусский вступил во взятый им Дрезден, ему доложили, что у графа Брюля найдено множество ботфорт и париков. «Зачем столько ботфорт никогда не сидевшему в седле? Зачем столько париков безголовому?», удивился Фридрих.

* * *

Когда, закончив последнюю кампанию Семилетней войны, король прусский вступал в свою столицу, берлинцы воздвигли на его пути три триумфальные арки. Под первой аркой Фридрих объявил об отмене одного налога, под второй — об отмене другого, под третьей — об отмене всех остальных.

* * *

Он же, дав евреям подряд на изготовление фальшивой монеты, расплатился с ними деньгами, которые они сфабриковали.

* * *

В Нижней Бретани слово «габель» — «соляной налог» известно только понаслышке, тем не менее крестьяне очень боятся его. Однажды какой-то деревенский священник получил в подарок от некоего

сеньора стенные часы. Крестьяне долго гадали, что это такое; наконец, одному из них пришло в голову, что незнакомый предмет и есть ненавистная габель. Они уже начали запасаться камнями, намереваясь уничтожить злополучные часы, но тут подоспел священник и уверил их, что это вовсе не габель, а свидетельство о полном отпущении грехов всем его прихожанам, присланное ему папой. Крестьяне сразу успокоились.

* * *

Некий русский вельможа приставил к детям гувернера-гасконца, и тот обучил своих питомцев баскскому языку, единственном, которым владел он сам. Забавная была, наверно, сцена, когда они впервые повстречались с французами)

* * *

Молодой гасконец, занимавший при дворе какую-то незначительную должность, пообещал некоему старому служаке, своему земляку, похлопотать за него. Он встал с ним так, что король, проходя мимо, непременно должен был заметить их, и, представив своего спутника государю, сказал, что вдвоем они служат его величеству вот уже сорок шесть лет. «Как! Сорок шесть лет?», изумился король. «Да, государь. Он — сорок пять лет, да я один год. Вот и выходит полных сорок шесть».

* * *

Будучи как-то в Тулузе, Мадмуазель сказала одному из знатных горожан: «Дивлюсь я на вас, тулузцев: ваш город расположен между Гасконью и Провансом, а вы такие славные люди». — «Вы еще не присмотрелись к нам, ваше высочество, — возразил тулузец, — а вот узнаете нас и тогда увидите, что мы будем почище гасконцев и провансальцев вместе взятых».

* * *

Некий пьяница, выпив перед обедом стакан вина, напутствовал его такими словами: «Не очень-то располагайся — все равно тебе придется потесниться».

* * *

Некий пьяница, идучи ночью под руку с приятелем, ворчал: «Ну в порядке у нас! Мы платим налоги, а за что? За освещение грязных улиц. Насчет грязи ничего не скажу — грязи хватает, но где же фонари? Экое жульничество!».

* * *

Разные полицейские предписания,

запретительные распоряжения кабинета министров, а порой и важнейшие законы — все это лишь хитроумные уловки, цель которых — выжимать из людей деньги, продавая им разрешения обходить эти самые законы.

* * *

Шутка, которая производит не то впечатление, какого ожидал острослов, — вот неиссякаемый источник комического. Чаще всего этот спектакль можно наблюдать при дворе и в высшем свете.

* * *

Двое молодых людей ехали в Париж в почтовой карете. Один из них, разговорившись, поведал другому о том, что цель его поездки — женитьба на дочери г-на де*, что у него самого такие-то связи, а его отец такой-то и т.д. Заночевали они на одном постоялом дворе. На следующий день, в семь утра, первый из них скончался, так ни разу и не увидев невесты. Спутник его, завзятый шутник, отправился к отцу этой девушки, выдал себя за жениха, блеснул остроумием и очаровал всю семью. Наконец, он собрался уходить и на прощание сказал, что торопится — ему нужно успеть кое с кем повидаться, так как в шесть вечера состоится его похороны. Действительно, в этот час должны были предать земле останки молодого человека, скончавшегося

поутру. Когда слуга, спешно отряженный на постоянный двор, где остановился мнимый зять, вернулся и рассказал, как обстоит дело, отец невесты и все его домочадцы были изрядно удивлены: они всерьез поверили, что у них в гостях побывал призрак.

* * *

В те годы, когда на Сен-Лоранской ярмарке еще разыгрывались фарсы, на подмостки вышел однажды полишинель с двумя горбами, на груди и на спине. — Что у тебя в переднем горбе? — спросили его. — Приказы, — ответил он. — А в заднем? — Приказы об отмене приказов. Это было время, когда власти совершали особенно много ошибок и глупостей. Неудивительно, что столь удачная острота привела шутника в Бисетр.

* * *

г-н де ла Брифф, генеральный адвокат при Большом совете, скончался в первый день масленицы. Похороны состоялись на завтра, во вторник, и похоронной процессии пришлось прокладывать себе дорогу через толпы ряженных, которые приняли ее за карнавальное шествие. Чем настойчивей провожающие пытались втолковать, что это не маскарад, тем громче простонародье вопило: «Вывалить его в грязь! В грязь его!».

* * *

Однажды Людовик XV играл в карты с маршалом д'Эстре; тот потерял изрядную сумму и решил, наконец, ретироваться. «Но ведь у вас еще осталось поместье!», — остановил его король.

* * *

Знаменитый игрок Фокс говаривал: «Игра — источник двух наслаждений: наслаждения выигрыша и наслаждения проигрыша».

* * *

Некий игрок решил сдать внаем квартиру, которую сам у кого-то снимал. Его спросили, светло ли там. «Право, не знаю, — вздохнул он. Я ведь ухожу так рано и возвращаюсь так поздно!».

* * *

Вот последнее слово человека, которого суд по монетным делам (Париж, 1775 или 1776) слишком поспешно присудил к повешению: «Благодарю, господа. Столь торопливо отправив правосудие и приговорив меня к виселице, вы оказали мне неоценимую услугу и бесконечно обязали меня: я совершил двадцать краж, четыре убийства и поэтому заслуживал гораздо более тяжелой кары. В том, за что

меня казнят, я невиновен, но все равно благодарю».

* * *

По ложному обвинению в чернокнижии маршала де Люксембурга два года продержали в Бастилии, но все-таки выпустили — армией кому-то надо командовать. «А без чернокнижника-то не обойтись», — пошутил он.

* * *

г-н де*, отпетый враль, рассказал не помню уж какую басню. «Сударь, — отозвался кто-то, — я вам верю, но согласитесь, что правде следовало бы не полениться и придать себе хоть чуточку правдоподобия».

* * *

Один аббат попросил у регента аббатство. «Идите в ..!», — бросил тот, не поворачивая головы. «Увы, на это тоже нужны деньги; ваше высочество, несомненно, согласится с этим, если соблаговолит взглянуть на меня», — возразил аббат, человек редкостного уродства. Регент расхохотался и дал ему аббатство.

* * *

Некий голландец, худо знавший по-французски, сразу же начинал вполголоса спрягать любой глагол, употребленный его собеседником. — Однажды какой-то невежа говорит ему: — Вы, кажется, издеваетесь надо мной. Голландец принимается спрягать глагол «издеваться». — А ну, выйдем! требует забияка. — Я выхожу, ты выходишь и т.д. — Становитесь в позицию. — Я становлюсь в позицию, ты... Они дерутся. — Получайте! — Я получаю, ты получаешь, он получает...

* * *

Услышав эту историю, другой иностранец, также говоривший с ошибками, сказал рассказчику: «Сударь, я буду позаимствовать у вас эту историю и многих ею забавляю». — «Охотно уступлю вам ее, — согласился тот, при условии, что вы будете почаще менять в ней глаголы и таким образом научитесь их спрягать».

* * *

Некто присутствовал на представлении «Федры», заранее зная, что исполняют ее дрянные актеры, и в оправдание свое стал потом уверять, будто пошел в театр, чтобы не утруждать глаза чтением. «Э, сударь, сказал ему кто-то, — смотреть Расина в исполнении таких тупиц — это все равно что читать Прадона».

* * *

«Я знаю, что каждый добрый парижский буржуа, у которого под боком харчевня и булочная, непременно будет возмущаться, почему это моя армия не продвигается каждый день на десять лье», — говорил, смеясь, маршал Саксонский.

* * *

Мисс Питт сказала кому-то, кто ей приглянулся: «Я знаю вас всего третий день, сударь, но будем считать, что мы знакомы уже три года».

* * *

Некий кюре из эмонского прихода, расположенного во владения маркиза де Креки, сказал своей пастве: «Дети мои, помянем в наших молитвах маркиза де Креки — служба королю, он сгубил и тело свое, и душу

* * *

В армии, где были и католики, и кальвинисты, и лютеране, служи солдат, давно забывший, к какой церкви он принадлежит. Его смертельно ранило, и тогда он спросил у кого-то из сотоварищей, какая вера самая лучшая, но тот и сам пекся о спасении души не больше, чем умирающий Поэтому он ответил, что

ему об этом ничего не известно, и предложил по советоваться с капитаном. Капитан, выслушав солдата, воскликнул: «Да я не пожалел бы и ста экю, лишь бы это узнать!».

* * *

У одного солдата украли коня. Он собрал товарищей и объявил, что сели в течение двух часов ему не вернут лошадь, он сделает то же, что сделал в таком же точно случае его отец. Угрожающий вид, с которым он произнес эти слова, напугал вора, и тот вернул свою добычу владельцу. Все бросились поздравлять солдата и стали допытываться, как же он все таки собирался поступить и как поступил его отец. «Когда у моего отца увели коня, — ответил вояка, — он всюду искал его, но так и не нашел. Тогда он надел ботфорты, прицепил шпоры, взвалил седло себе на спину, взял в руки хлыст и сказал товарищам: „Вот видите, приехал я верхом а возвращаюсь пешком“».

* * *

Мюссона и Руссо, подвизавшихся в свете на роли шутов, пригласили в один знатный дом. Они долго и словно наперегонки ели и пили, не обращая никакого внимания на гостей. Те, наконец, стали выказывать неудовольствие, и тогда Руссо сказал Мюссону: «Послушай, друг мой, а не пора ли нам заняться

нашим ремеслом?». Эта фраза, поправившая дело стоила всего, что они наболтали потом.

* * *

У г-на де Монкальма был в подчинении отряд дикарей. Однажды в разговоре с их предводителем этот генерал вспылил. «Ты — вождь а сердишься», хладнокровно сказал ему индеец.

* * *

Купив отель де Монморанси, г-н де Мам* велел написать на фасаде: «Hotel de Mesmes. Под этой надписью кто-то вывел другую: «Pas de tete».

* * *

Один старик, которого я знавал в юности, сказал мне о герцоге де*. бывшем тогда в случае: «Я нагляделся на счастье министров и фаворитов. Кончается оно почти всегда тем, что эти люди начинают завидовать. участи своих помощников и даже секретарей».

* * *

Однажды герцогине Мэнской зачем-то понадобился аббат де Вобрен, и она приказала лакею во что бы то ни стало разыскать его. Тот отправился

на поиски и к великому своему удивлению узнал, что аббат де Вобрен служит мессу в такой-то церкви. Он подошел к аббату, когда тот еще стоял на ступенях алтаря, передал поручение и признался, что не ожидал застать его за служением мессы. Аббат, слывший вольнодумцем, взмолился: «Прошу вас, не говорите принцессе, чем я сейчас занимался».

* * *

При дворе плелись интриги, которые имели целью срочно женить Людовика XV, чахнувшего от рукоблудия. Правда, кардинал де Флери уже склонялся к тому, чтобы остановить свой выбор на дочери польского короля, но дело не терпело отлагательства, и каждый пытался на свои страх и риск женить короля как можно скорее. Царедворцы, желавшие устранить мадмуазель де Бомон ле Тур, подговорили врачей объявить, что королю нужна зрелая женщина — без этого он не избавится от вредных последствий своего порока и детей у него не будет. Пока велись эти закулисные переговоры, все державы пребывали в волнении и в Европе пряли осталась хоть одна принцесса, от которой кардинал не получил бы подношений. Будущей королеве послали даже на подпись нечто вроде договора. Она обязывалась не говорить с королем о государственных делах и т.д.

* * *

Диалог между аббатом Мори и кардиналом де Ла Рош-Эмоном. Кардинал ворчливо приказывает аббату составить для него речь по случаю бракосочетания мадам Клотильды.

* * *

— И смотрите, поменьше пышных слов. Я вам не какой-нибудь краснобай. В мои годы довольно и нескольких фраз, и т.д. — А не следует ли вам, монсеньер... — Следует? Это еще что такое? Вы, кажется, вообразили, что речь сочиняете вы, а не я? — Монсеньер, я хотел только спросить, не надо ли сказать несколько слов о Людовике XV? — Что за вопрос! И кардинал раздражается пространной хвалой сперва в честь короля, потом королевы. — Не сочтете ли вы уместным, монсеньер, упомянуть и дофина? — Да о чем вы спрашиваете! Что же я, по-вашему, философ какой-нибудь и способен не воздать государю моему и детям его то, что подобает им по праву? — Не сказать ли и о принцессах? Новая вспышка кардинала и новые предложения слуги. Наконец, аббат берется за перо и набрасывает несколько фраз. В эту минуту появляется секретарь кардинала. — Наш аббат все пытался тут склонить меня к краснобайству, празднословию и т.д., — говорит ему кардинал. — Я же продиктовал ему несколько строк, которые будут получше всей академической риторики. До свиданья, аббат, до

свиданья. В следующий раз не будьте так многословны и высокопарны.

* * *

Тот же де Ла Рош-Эмон сказал одному старому епископу: «Если вы умрете, я позабочусь о вашем племяннике, как о своем собственном».. «Ну, что ж, монсеньер, буду уповать на ваше бессмертие», — ответил епископ, который был хоть и в преклонных годах, но все-таки моложе* кардинала.

* * *

Однажды, когда Людовика XV потешали разными небылицами, герцог д'Эйен рассказал о некоем приоре капуцинов, который каждый лень после заутрени убивал из пистолета по одному монаху, подсторожив свою жертву в каком-либо закоулке обители. Слова герцога получили огласку, провинциал самолично нагрянул в монастырь и устроил братии перекличку. По счастью, все монахи оказались налицо.

* * *

Мадмуазель де * девятилетняя девочка, спросила свою мать, которая лишилась должности при дворе и пребывала в полном отчаянии: «Мама, разве умирать от скуки так уж приятно?».

* * *

Мальчуган просит у матери варенья: «Дай мне столько, чтобы не съесть».

* * *

Некто схоронил дочь и не успел расплатиться с могильщиком. Он встречает его и хочет отдать ему деньги. «Подождем до следующего раза. сударь, — предлагает могильщик. — У вас больна служанка, да и супруге вашей все время неможется».

* * *

Солдат-ирландец во время боя зовет на помощь товарища: — Я тут взял одного в плен, да он не сдается. — Ну, и отпусти его, коли не можешь с ним сладить. — Я-то отпустил бы, да он не отпускает.

* * *

Маркиз де К* с двумя приятелями решил побывать в одном из королевских дворцов. У входа стоит на часах солдат-швейцарец. Де К* расталкивает толпу, указывает на своих друзей и бросает часовому: — Дорогу! Вот эти люди — со мной; прочих не пускать. Швейцарец отступает в сторону и пропускает их. Тут кто-то из толпы замечает, как эти трое молодых

людей смеются над часовым, и говорит ему об этом. Тот догоняет пришельцев и требует у маркиза: — Ваш пропуск! — Есть у тебя карандаш? — Нет, сударь. — У меня есть, — вставляет один из спутников де К* Маркиз берет карандаш и что-то пишет: — Люблю людей, которые знают службу и соблюдают устав! — изрекает он, наконец, вручая швейцарцу записку такого содержания: «Пропустить маркиза де К* и сопровождающих его лиц». Швейцарец берет бумажку и с торжествующим видом показывает ее тем, кто поднял тревогу: — Вот он, пропуск!

* * *

Один человек раздражается самыми ужасными богохульствами. Кто-то из друзей останавливает его: «Вечно ты злословишь неведомо о ком!».

* * *

«А ваша экономка и молода, и хороша собой», — заметил я М*. «Возраст не так уж важен, важно сходство характеров», простодушно отозвался он.

* * *

— Бог ли бог-отец? спросили ребенка. — Да, бог. — А бог-сын? — Наверно, еще нет, но станет богом, когда умрет его отец.

* * *

Его высочество дофин сказал как-то, что в принце Лун де Рогане подлинный вельможа и достойный прелат удачно совокупаются с большим повесой. Эту фразу кто-то повторил в обществе, где присутствовали некий г-н де Надайак, человек, любивший почудачить, и дама, состоявшая в связи с принцем Лун. Встревоженная словами рассказчика, она переспросила, что же все-таки сказал дофин. «Ваш интерес вполне законен, сударыня. То, что вы услышите, приведет вас в восторг», отозвался де Надайак и повторил фразу дофина, лишь слегка изменив ее: «Принц — подлинный вельможа, достойный прелат и большой повеса, который удачно совокупляется»..

* * *

г-н де Лораге написал маркизу де Виллету: — «Я отнюдь не презираю горожан, господин маркиз: я не снисхожу до подобных чувств. Примите уверения, и т.д.».

* * *

В одном обществе рассуждали о том, что г-н де* рискует потерять свое место при дворе: его права на дворянство поставлены под сомнение, а бумаги, подтверждающие эти права и выписанные им с

острова Мартиники, до сих пор не пришли. Затем кто-то прочел стихотворение, сочиненное тем же г-ном де*. Все нашли, что первые восемь строк никуда не годятся, и г-н де Т* громко заявил: «Бумаги-то придут, но стихи от этого лучше не станут».

* * *

«Когда я вижу, как дворянин совершает низость, — говаривал М*, — мне всегда хочется повторить ему слова, брошенные кардиналом де Рецем человеку, который прицелился в него: „Несчастный, на тебя смотрит твой отец!“. Но, — добавлял М* — уж если кричать, то иначе: „На тебя смотрят твои праотцы“, ибо нынешние отцы подчас не лучше сыновей».

* * *

Танцмейстер Лаваль был в театре на репетиции оперы. Автор ее или кто-то из друзей последнего дважды окликнул его: «Господин де Лаваль! Господин де Лаваль!». Лаваль подошел к нему и сказал: «Сударь, вы дважды обозвали меня господином де Лавалем. В первый раз я смолчал, но во второй раз молчать не намерен. Вы, кажется, принимаете меня за одного из тех господ де Лавалей, которые неспособны сделать даже самое простое па менуэта».

* * *

Аббата де Тансена обвинили в сделке, носившей характер откровенной симонии. На суде Обри, обвинитель, сделал вид, будто исчерпал все доводы, и адвокат аббата с новым пылом принялся обелять своего подзащитного. Обри изобразил полную растерянность. Тогда аббат, который присутствовал при разбирательстве дела, решил воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами и предложил присягнуть в том, что он невиновен и стал жертвой клеветы. Однако Обри, прервав его, ответил, что в подобной клятве нет нужды, и предъявил суду подлинный текст сделки. Свист, улюлюканье и т.д. Де Тансену удалось все-таки удрать, и вскоре он уже состоял при посольстве в Риме.

* * *

Впав в немилость, г-н де Силуэт был страшно удручен и своей отставкой, и особенно теми последствиями, которые она могла для него иметь. Больше всего он боялся, как бы о нем не стали сочинять песенок. Однажды, на званом обеде, встав из-за стола (за которым не проронил ни слова), он подошел к знакомой даме, которой доверял, и, весь дрожа, спросил: «Скажите мне правду: песенки уже распевают?».

* * *

В гербе Марии Стюарт была ветвь лакричника с подписью: «Dulcedo in terra»[«Сладость в земле» (лат.)] — намек на безвременную кончину Франциска II.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предлагаемый читателю перевод сделан с последнего французского издания: *Maximes et pensees, caracteres et anecdotes par Chamfort. Presentation par Claude Roy. Paris, Union generale d'editions, 1963.*

«Максимы и мысли»

¹ «*Происходит то же, что в естественной истории...*» — намек на первую научную систематику растительного и животного миров, разработанную шведским натуралистом Карлом Линнеем (1707—1778).

² «*...поистине великий естествоиспытатель, в своем роде гений...*» — имеется в виду Жорж-Луи Леклер де Бюффон (1707—1788), натуралист, подвергший критике систематические единицы Линнея и утверждавший, что единственная реальность — это особь, а вид, род и т.д. — понятия отвлеченные.

³ *Лукиан* (120—после 180) — древнегреческий моралист и сатирик.

⁴ *Монтень* Мишель-Эйкем де (1533—1592) —

философ и писатель-моралист.

5 *Лабрюйер Жан де* (1645—1696)—писатель-моралист,

6 *Ларошфуко Франсуа, герцог де* (1613—1680)—писатель-моралист.

7 *Свифт Джонатан* (1667—1745)—английский сатирик.

8 *Мандевиль Бернард* (1670—1733)—английский писатель-моралист.

9 *Гельвеций Клод-Адриен* (1715—1771)—философ, автор трактата «Об уме» (1758).

10 *Шсфтсбери Энтони-Эшли Купер, граф* (1671—1713)—английский философ и моралист.

11 «...место в королевской карете». Право ездить в королевской карете считалось в дореволюционной Франции признаком знатности: оно давалось лишь тем, кто мог доказать свое дворянство начиная с 1400 г.

12 *Шерен Луи-Никола-Анри* (1762—1799)—генеалог и геральдик.

13 «...на Южном континенте...». В XVIII в. предполагалось, что в южном полушарии должен существовать какой-то огромный, пока еще не открытый континент.

14 *Генеральный викарий* — помощник католического епископа.

15 *Чичероне* (итал., от имени древнеримского оратора Цицерона) — проводник, дающий объяснения при осмотре достопримечательностей, музеев и т. д.

16 *Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.)— римский консул, оратор, писатель.

17 «... аллегория с деревом познания добра и зла...». Согласно библейскому преданию (Книга Бытия, II, 17), в раю росло дерево познания добра и зла, вкушать плоды которого бог запретил первым людям под страхом смерти.

18 *Дорилас* — собирательный псевдоним для обозначения реакционных философов и историков, вероятно заимствованный Шамфором у Лабрюйера, который в своих «Характерах» (I, 66) вывел под этим именем Антуана Вариласа (1624—1696), автора многочисленных бездарных исторических сочинений.

19 «... есть два начала...». Древнеперсидская религия сводила мировой процесс к борьбе двух одинаково вечных и божественных начал: Агурамазды, или Ормузда (добро, истина, свет), и Аримана (зло, отрицание, мрак).

20 *Буцефал*—конь Александра Македонского.

21 *Сан-Доминго*—старинное название острова Гаити, в XVIII в. колонии Франции.

22 *Шаплен* Жан (1595—1674)—бездарный поэт, постоянный предмет насмешек поэта и критика Буало, который в своей 9-й сатире (1667) восклицает: «Зачем рифмует он? Пусть пишет только в прозе».

23 *Сенека*—имеется в виду Марк-Анней Сенека-старший (58 до н. э.—32), римский ритор.

24 *Бэкон* Френсис (1561—1626)—английский государственный деятель и философ, разработавший методологические основы современного научного

исследования и классификацию наук.

25 *Бойль Роберт* (1627—1691)—английский физик, химик и философ.

26 *Локк Джон* (1632—1704)—английский философ.

27 *Фарсал* — город в Древней Греции, под которым в 48 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) разбил войска сенатской партии во главе с Помпеем, после чего стал фактическим владыкой Рима.

28 *Армида*—героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1581), прекрасная языческая волшебница. Шамфор имеет в виду эпизод из песни XVI: не сумев удержать любимого ею христианского рыцаря Ринальдо в своих очарованных садах и дворце, Армида предает их огню.

29 *Богадельня «Трехсот»*—приют для слепых в Париже, основанный в 1260 г.: обитатели его в старину промышляли попрошайничеством.

30 «...что творится в партере театра...». До конца XVIII в. все места в партере, кроме кресел, были стоячими.

31 «*Жавельская мельница*» (1696)—одноактная комедия Флорана Данкура (1661— 1725). Ниже приведена цитата из 2-й сцены.

32 *Милтоновы бесы*. В 1-й книге поэмы «Потерянный рай» (1667) английского поэта Джона Милтона (1608—1674), рассказывается о том, как бесам, созванным Сатаной на совет, пришлось

превратиться в пигмеев, чтобы разместиться в Пандемониуме — дворце их повелителя.

33 *Тантал*—герой древнегреческого мифа, любимец богов, оскорбивший их и низвергнутый в Аид, где он обречен был стоять в воде под деревом с плодами и вечно мучиться от голода и жажды: стоило ему протянуть руку к ветвям или нагнуться к воде, как ветви отодвигались, а вода отступала.

34 «*Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*» — цитата из «Божественной комедии» («Ад», III, 9) великого итальянского поэта Данте (1265—1321).

35 *Иксион* — герой древнегреческого мифа, восплававший любовью к супруге Зевса Гере. Зевс сотворил призрачное подобие Геры, которое Иксион и обнял, за что был прикован в Аиде к вечно вращающемуся колесу, увитому змеями.

36 «.... быть *Ахиллесом без пяты....*». Согласно древнегреческому мифу, мать Ахиллеса богиня Фетида окунула новорожденного сына в воды адской реки Стикса, чтобы сделать его неуязвимым, но при этом она держала его за пятку, которой не коснулась вода. В переносном смысле «ахиллесова пята» — уязвимое место.

37 *Тит*—Тит Флавий Веспасиан, римский император в 79—81 гг.; в традиционном представлении — образец государственного мужа.

38 Сеян Луций Элий (казнен в 31)—фаворит римского императора Тиберия (см. Максимы, прим. 126), запятнавший себя многочисленными злодеяниями; *Нарцисс* (казнен в 54) —

вольноотпущенник и любимец римского императора Клавдия, без застенчивый казнокрад; *Тигеллин* Софоний (казнен в 69)—префект преторианцев (командующий гвардией) при римском императоре Нероне и пособник последнего во всех его бесчинствах.

39 «*”Суетный”* первоначально означало “пустой”—французское «vain» («суетный») этимологически восходит к латинскому «vanus» («пустой»).

40 *Диоген* Синопский (ок. 404—323 дон. э.)—древнегреческий философ, всем. образом жизни пропагандировавший презрение к материальным благам. Согласно пре данию, он однажды зажег среди бела дня фонарь, объявив, что ищет Человека — этим он хотел сказать, что своих современников он не считает людьми.

41 *Руссо* Жан-Жак (1712—1778)—философ и писатель, идейный провозвестник французской буржуазной революции. Приводимое Шамфором утверждение Руссо вы сказано последним в «Письме к Даламберу о театральных представлениях» (1758).

42 *Плутарх* (ок. 46—после 120)—древнегреческий историк и моралист.

43 «... *предание о двух братьях-друзьях...*» — имеется в виду античный миф о близнецах Касторе и Поллуксе, прозванных Диоскурами. В награду за их любовь друг к другу Зевс удостоил их полубессмертия: пока один из братьев пребывал с богами на Олимпе, другой находился в Аиде, и

наоборот.

44 *Бейль Пьер* (1647—1706)—писатель и философ, автор «Исторического и критического словаря» (1695).

45 *Гатине* — в дореволюционной Франции область к северо-востоку от Орлеана.

46 *Монтескье Шарль-Луи де Секонда*, барон де (1689—1755)—историк и писатель, автор знаменитого политического трактата «Дух законов» (1748); был президентом бордоского парламента.

47 *Бретейль Луи-Огюст Ле Тоннелье*, барон де (1733—1807)—дипломат и придворный, любимец королевы Марии-Антуанетты, супруги Людовика XVI; в 1758— 1783 гг. посол в различных европейских странах, в 1783—1787 гг. министр двора и глава департамента по делам Парижа.

48 *Портрет королевы* — монархи в знак особого благоволения дарили свои миниатюрные портреты, усыпанные драгоценными камнями.

49 *Пейсото*—банкир маршала де Ришелье (см. Максимы, прим. 165).

50 *Гемене Анри-Луи-Мари де Роган*, принц де (1745—1810)—вельможа, отличавшийся крайней расточительностью. Наделал долгов на 33 млн ливров, был объявлен несостоятельным должником и последние годы перед революцией провел под домашним арестом.

51 *Лурди* — персонаж герой-комической поэмы Вольтера (см. Максимы, прим. 79) «Орлеанская девственница» (1762), жирный и ленивый монах,

попадающий на луну, во дворец Глупости. Ниже Шамфор цитирует названную поэму (III, 93—94).

52 «... *“блестящими грехами”*, как выражаются богословы...». Блаженный Августин (354—430), один из так называемых отцов церкви, учил, что язычникам чужда добродетель и что даже добрые их дела являются лишь «блестящими грехами».

53 *«Современные физиономисты понаписали немало глупостей»*. Конец XVIII в. был временем расцвета физиономики, искусства определять по чертам лица и мимике внутренние свойства и психическое состояние человека. Физиономисты сделали немало метких наблюдений, но попытка обобщить их и поднять физиономику до уровня науки окончилась полной неудачей.

54 *«... вознаградим себя тем, что посмеемся над ним»* — цитата из «Опытов» Монтеня (кн. III, начало 7-й главы «О стеснительности высокого положения»).

55 *Гераклит Эфесский* (ок. 530—470 до н. э.) — греческий философ, материалист и диалектик. Отдельные его высказывания носят пессимистический характер, в силу чего и сложилось представление о нем как о мизантропе.

56 *Очередной врач* — некоторым из лейб-медиков французских королей полагалось меняться через каждые три месяца.

57 *Красная лента* — знак ордена Святого Людовика, дававшегося за военные заслуги вне зависимости от происхождения и родовитости.

58 *Бурр* Афраний (ум. 62)—префект преторианцев при Нероне, отравленный им.

59 См. Максимы, прим, 38.

60 Сенека — имеется в виду Луций Анней Сенека-младший (между 6 и 3 до н. э.— 65), сын Сенеки-старшего (см. Максимы, прим. 23), римский философ, драматург и государственный деятель. Был воспитателем императора Нерона, который впоследствии казнил его.

61 «*Totus lores atque rolundus*»—цитата из «Сатир» (II, 7, 86) римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 до н. э.).

62 «... *ответом Медеи »Я!*»— имеется в виду реплика, которой Медея, героиня одноименной трагедии (1635) Пьера Корнея (1606—1684), отвечает на вопрос кормилицы (1, 5): «Кто после стольких бед с тобой остался?».

63 *Тацит* Публий Корнелий (55—ок. 120)—римский историк, чьи труды посвящены истории императорского Рима в период с 14 по 96 г. Шамфор цитирует его «Анналы» (IV, 3).

64 *Манон Леско*—героиня одноименного романа (1731) аббата Антуана-Франсуа Прево д'Экзиля (1697—1763), не отличавшаяся строгостью нравов.

65 *Элоиза* (ок. 1101—1164)—подруга видного средневекового ученого Пьера Абеляра (1079—1142), постригшаяся в монахини, после того как ее возлюбленный был из мести оскотлен ее родственниками; имя Элоизы стало нарицательным и обозначает верную возлюбленную.

66 «... как убежала вергилиева Галатея» — имеется в виду эпизод из «Буколик» (III, 64—65) Публия Вергилия Марона (70—19 до н. э.).

Девушка резвая, яблоко бросив в меня, Галатея,
В ветлы бежит, но жаждет, чтоб я ее раньше
увидел.

67 *Аристид*, по прозвищу Справедливый (ок. 540—467 до н. э.)—афинский политик и полководец; руководил финансами 1-го Афинского морского союза; в традиционном представлении — образец государственного деятеля.

68 *Терре Жозеф-Мари*, аббат (1715—1778)—генеральный контролер финансов в 1769—1774 гг., циничный казнокрад и придворный угодник.

69 «. .. не говорили бы, подобно Сатане....» — имеется в виду евангельский миф об искушении Христа Сатаной, который, указывая Христу на все царства мира, сказал: «Все это дам тебе, если, падши, поклонись мне» (Евангелие от Матфея, IV, 9).

70 *Стоики* — последователи философии стоицизма; здесь употреблено в переносном смысле — люди, стойко переносящие житейские испытания и способные противостоять соблазнам.

71 «... в надписи над входом в Телемскую обитель». Телемская обитель — идеальное человеческое общежитие, утопическая картина которого нарисована в 1-й книге романа Франсуа Рабле (1483 или ок. 1494—1553) «Гаргантюа и

Пантагрюэль». Шамфор неточен: «Делай, что хочешь»—единственная статья устава телемитов, а не надпись над воротами обители, гораздо более длинная и состоящая из 98 стихов.

72 «... *наперекор пословице...*» — имеется в виду французская пословица: «Кто выходит из игры, тот ее проигрывает».

73 «... *М* и я были уже связаны теснейшей дружбой...*». По мнению комментаторов, М* — это во многих случаях Габриэль-Оноре Рикетти граф де Мирабо (1749— 1791), знаменитый деятель первых лет революции, блестящий оратор. В молодости он вел чрезвычайно распущенную жизнь, за что не раз подвергался тюремному заключению.

74 *Янсенизм*—религиозно-общественное движение во Франции XVII—XVIII вв., возникшее на основе учения голландского богослова Корнелия Янсения (1585—1638) и пропагандировавшее строго благочестивую жизнь.

75 *Паскаль Блез* (1623—1662)—математик, физик, философ и писатель, в последние годы жизни тесно связанный с янсенизмом.

76 *Арно Антуан* (1612—1694).—философ и грамматист, один из вождей французского янсенизма.

77 *Фонтенель* Бернар Ле Бовье (1657—1757)—историк и писатель, в течение 58 лет состоявший непременным секретарем Французской академии.

78 *Поп* Александр (1688—1744)—английский поэт.

79 *Вольтер* (настоящая фамилия Аруэ) Франсуа-

Мари (1694—1778)—поэт, драматург, философ, один из крупнейших деятелей французского Просвещения.

80 «*O altitude!..*»—начало цитаты из Евангелия (Послание к римлянам, XI, 33): «О бездна богатства и премудрости и ведения божия!».

81 *Вьет Франсуа* (1540—1603)—математик.

82 *Скалигер Жозеф-Жюст* (1540—1609)—гуманист, филолог и критик.

83 *Даламбер Жан Ле Рои* (1717—1783)—математик и философ, деятель французского Просвещения.

84 *Аристотель* (384—322 до н. э.)—древнегреческий философ и ученый, сочинения которого охватывают все области тогдашней науки. Шамфор ссылается на его трактат «Риторика» (III, 4, § 5),

85 *Фемистокл* (527—459 до н. э.)—афинский полководец и государственный деятель. Изгнанный из родного города, нашел прибежище у врага греков персидского царя Артаксеркса 1. Плутарх («Сравнительные жизнеописания», глава «Фемистокл», XXIX) рассказывает, что однажды за обедом Фемистокл сказал детям приводимую Шамфором фразу, желая дать им понять, что они погибли бы с голоду, если бы их отец не погубил себя нравственно: он ведь бежал к врагам своего народа.

86 *Лукреций—Тит Лукреций Кар* (98—5.5 до н. э.), римский поэт и философ. Шамфор цитирует его поэму «О природе вещей» (II, 11).

87 «... в *Марлийском дворце....*» — в Марли,

около Версаля, находилась одна из вагородных резиденций французских королей.

88 *Грессе Жан-Батист-Луи* (1709—1777)—поэт и драматург. Шамфор цитирует его комедию «Злюка» (II, 7).

89 *Пинетти ди Вильдалле Джулио* (1750—1800)—известный итальянский фокусник.

90 *Архимед* (287—212 до н. э.)—древнегреческий математик и механик.

91 *Платон* (427—347 до н. э.)—древнегреческий философ, ученик Сократа.

92 *Теофраст* (372—287 до н. э.) — древнегреческий ученый и философ, автор морально-психологического трактата «Характеристики».

93 *Ксенократ* (406—314 до н. э.)—древнегреческий философ.

94 *Полемон* (340—273 до н. э.)—древнегреческий философ.

95 *Левкипп* (500—440 до н. э.)—древнегреческий философ. У Шамфора упомянут не Левкипп, а Эвсипп, между тем такого философа в Древней Греции не существовало.

96 *Сократ* (469—399 до н. э.)—древнегреческий философ.

97 «Сказки, не кем ты был, а что ты совершил»—цитата из трагедии Жана Расина (1639—1699) «Андромаха» (IV, 1), созданной в 1667 г.

98 *Спероне Сперони дельи Альваротти* (1500—1588)—итальянский поэт и драматург.

99 *Лафонтен Жан де* (1621—1695)—баснописец.

100 *Ламотт* Антуан Удар де (1672—1731)—драматург и баснописец.

101 «*Тартюф*» (1667)—комедия Жана-Батиста Мольера (1622—1673), обличающая ханжество и лицемерие.

102 *Герцог Тосканский* — имеется в виду Леопольд, великий герцог Тосканский в 1765—1790 гг.

103 *Плантен* Кристоф (1514—1589)—французский печатник, работавший в Антверпене (ныне принадлежащем Бельгии).

104 *Рубенс* Петер-Пауль (1577—1640)—фламандский художник.

105 *Этьены*—семья типографов и ученых: Анри (1460—1520) и его сыновья Робер (1503—1559) и Шарль (1504—1564).

106 *Дюшен* Андре (1584—1640)—историк.

107 *Валуа* Адриен де (1607—1692)—историк.

Основателем нумизматики во Франции был не Адриен де Валуа, а его сын Шарль де Валуа (1671—1747).

108 «Список Никола (1600—1667)—географ.

109 *Дюрье* Пьер (1606—1658)—поэт.

110 «Триста», точнее Тристан Л'Эрмит Франсуа (1601—1655)—драматург.

111 *Менар* Франсуа (1582—1646)—поэт.

112 *Буало* Никола (1636—1711)—поэт, теоретик классицизма.

113 *Кино* Филипп (1635—1688)—поэт и драматург, автор многочисленных оперных либретто.

114 *Лонгрю Луи Дюфур де*, аббат (1652—1733)—литератор и историк, выдающийся полиглот.

115 *«Знаменитый список литераторов...»*. Этот список был составлен в 1663 г. Шапленом, Перро, аббатом Бурзесом, аббатом Кассанем и Шарпантье.

116 См. Максимы, прим. 22.

117 *Перро Шарль* (1628—1703)—литератор, автор знаменитых сказок.

118 *Тальман Франсуа* (1620—1693)—литератор, переводчик.

119 *Галлда Жан*, аббат (1632—1707)—критик.

120 *Кольбер Жан-Батист* (1619—1683)—генеральный контролер финансов и фактический первый министр Людовика XIV в 1661—1683 гг.

121 *«... дворянство пополняется и обновляется людьми...»* — намек на широко практиковавшуюся в дореволюционной Франции торговлю дворянскими титулами. Особенно часто их приобретали откупщики, т. е. люди, вносившие авансом в казну определенную сумму и получавшие право собирать в уплату налоги с населения. Система откупов была одним из самых ненавистных народу атрибутов старого режима.

122 *«Капитаном первого ранга может быть только дворянин...»*. В последние годы перед революцией недворянам был окончательно закрыт доступ к государственным должностям. Ордонанс 22 мая 1781 г. разрешил присваивать офицерское звание лишь лицам, могущим доказать свое дворянское происхождение до четвертого колена включительно.

123 *Королевский секретарь* — в

дореволюционной Франции первый гражданский чин, дававший личное дворянство.

124 *Карусели*—в XVII—XVIII вв. конные состязания, заменившие средневековый рыцарский турнир.

125 См. Максимы, прим. 12.

126 *Тиберий Клавдий Нерон*—римский император в 14—37 гг., лицемерный и жестокий тиран.

127 См. Максимы, прим. 37.

128 См. Максимы, прим. 38.

129 *Тиберий Гракх* (163—133 до н. э.)—римский политический деятель, выступавший за ограничение крупного землевладения. Был ложно обвинен знатью в стремлении к единоличной власти и убит толпой сенаторов под предводительством Сципиона Назики.

130 *Сулла Луций Корнелий* (138—78 до н. э.)—римский полководец и государственный деятель, диктатура которого сопровождалась беспощадным истреблением политических противников и конфискацией их имущества.

131 *Скавры и Сципионы*—римские патрицианские семьи, давшие Риму ряд крупных полководцев и государственных деятелей.

132 *Тит Ливий* (59 до н. э.—17)—римский историк, в своем монументальном труде («Римская история от основания города») прославляющий республиканский Рим.

133 «*Короли и священники запрещают и осуждают самоубийство...*». И светское, и каноническое право дореволюционной Франции

считали самоубийство тяжким пре ступлением; оно каралось отлучением от церкви, труп самоубийцы предавался казни.

134 *Уголино*, граф делла Герардеска—тиран города Пизы в Италии, свергнутый в 1288 г. заговорщиками, во главе которых стоял архиепископ пизанский Руджери Убальдини. Последний приказал заточить Уголино с двумя сыновьями и двумя внуками в башню, а ключи от нее бросил в реку Арно. Мучительная голодная смерть Уголино и его детей описана Данте в XXXIII песне «Ада».

135 «... у крестьянки, которая удостоилась венка из роз». Во Франции существовал обычай награждать девушку за добродетельное поведение венком из роз и подарками.

136 *Святая Тереса* (1515—1582)—испанская монахиня, канонизованная католической церковью; автор «Писем», представляющих собой любопытный памятник эпохи.

137 *Гибер Шарль-Бенуа*, граф де (1715—1786)—генерал-лейтенант, с 1782 г. комендант Дома инвалидов.

138 *Дом инвалидов*—убежище для ветеранов; один из самых замечательных архитектурных памятников Парижа, построенный в 1670—1674 гг. Накануне революции там содержались не столько увечные солдаты, сколько бывшие слуги вельмож.

139 *Домициан Тит Флавий*—римский император в 81—96 гг., младший брат и преемник Тита; в традиционном представлении — жестокий тиран.

140 «... охота — подобие войны...». Одной из самых тягостных для французского крестьянства феодальных привилегий было право короля и дворян охотиться на крестьянских землях, не считаясь с тем, засеяны они или нет.

141 *Интендант*—должностное лицо, назначавшееся королем для управления отдельными провинциями.

142 «... испанские и французские владения на островах...» — имеются в виду Антильские острова.

143 *Ополченец*—солдат иррегулярных частей, создававшихся для пополнения армии в дни особенно тяжелых поражений.

144 *Кадм*—герой древнегреческого мифа, основатель Фив. Прежде чем построить город, Кадму пришлось убить дракона, владельца этих мест. Кадм вырвал у чудовища зубы и засеял ими землю. Из зубов выросли воины, которые тут же начали сражаться между собой и все, кроме пяти, погибли.

145 *Васко да Гама* (1469—1524)—португальский мореплаватель, в 1497—1498 гг. открывший морской путь в Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

146 *Колумб Христофор* (1451—1506)—знаменитый мореплаватель.

147 «.... записями одного знаменитого навигатора...». Многие биографы Колумба утверждают, что мысль о существовании западного морского пути в Индию, поиски которого привели затем Колумба к открытию Америки, была подана ему флорентийским физиком и астрономом Паоло

Тосканелли (1397—1482), состоявшим с ним в переписке.

148 *Филипп*—имеется в виду Филипп II, царь Македонии в 359—336 гг. до н. э. Покорив Грецию, он начал готовиться к походу на Персию, но был убит заговорщицами-аристократами. Покорение Персии осуществил его сын Александр.

149 *Лютер* Мартин (1483—1546)—основатель протестантской церкви в Германии.

150 *Кальвин* Жан (1509—1564)—деятель Реформации, идейный вождь швейцарского и французского протестантизма.

151 *Уиклиф* Джон (1320—1384)—английский богослов, предтеча Реформации.

152 «.... сам *Вальтер* признает....» — имеется в виду «История Российской империи при Петре Великом» (ч. 1, гл. 6) Вольтера, созданная в 1759—1763 гг.

153 *Авгиевы конюшни*. Согласно древнегреческому мифу, конюшни царя Авгия, не чистившиеся 30 лет, Геракл очистил за один день, запрудив реку Алфей и направив ее воды на скотный двор.

154 *Бьевр* Франсуа-Жорж Марешаль, маркиз де (1747—1789)—комедиограф и известный остроумец.

155 *Марешаль* Жорж (1685—1736)—первый лейб-хирург Людовика XIV.

156 *Люксембург* Анн-Шарль-Сижисмон, герцог де Монморанси-Люксембург, граф д'Олонн (1737—1803)—один из знатнейших французских вельмож.

157 «*Система природы*» (полное название «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного») — философский трактат Поля-Анри-Дитриха Гольбаха (1723—1789).

158 *Мария-Терезия* Австрийская (1638—1683) — дочь Филиппа IV Испанского, супруга Людовика XIV с 1660 г.; не играла никакой политической роли.

159 *Дофин, отец нынешнего короля* — Людовик Бурбон (1729—1765), сын Людовика XV. Первым браком был женат на Марии-Терезии Испанской, с которой прожил всего два года, вторым — на Марии-Йозефе Саксонской.

160 *Новый мост* — старейший мост через Сену в Париже, построенный в 1578—1607 гг.

161 «*Прости им, ибо не знают, что делают*» — цитата из Евангелия от Луки (XX111.34).

162 *Обинье* Теодор Агриппа де (1552—1630) — историк и поэт, один из предводителей гугенотов во время религиозных войн. Анекдот, приводимый Шамфором, не соответствует действительности: д'Обинье женился не на семнадцатилетней девушке, а на пятидесятипятилетней вдове Рене Бурламакки.

163 «*В собрании нотаблей...*». В 1787 г., отыскивая способ вывести страну из кризиса, Людовик XVI собрал нотаблей — делегатов от духовенства, дворянства и крупной буржуазии. Собрание нотаблей носило чисто совещательный характер и никаких положительных результатов не дало.

164 *Монсеньер* — титул, употреблявшийся при

обращении к принцам крови и прелатам.

165 *Ришелье* Луи-Франсуа-Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де (1696—1788)—маршал Франции с 1748 г., член Французской академии с 1720 г. (хотя он еле умел писать), государственный и военный деятель.

166 *Руа* Пьер-Шарль (1683—1764)—поэт и драматург, известный своим беспутством и неоднократно сидевший в тюрьме.

167 *Трюбле* Никола-Шарль-Жозеф, аббат (1697—1770)—критик и мемуарист.

168 *Мадам* — титул дочерей, сестер и теток короля.

169 *Артуа* Мария-Терезия Савойская, графиня де — с 1773 г. супруга графа д'Артуа (1757—1836), младшего брата Людовика XVI, будущего короля Карла X (1824—1830).

170 «.... Минерва, которая отбрасывает флейту....». Согласно античному мифу, богиня мудрости Афина (у римлян Минерва), изобретя тростниковую флейту, отбросила ее, так как сочла, что такой инструмент не идет к ее серьезному лицу.

171 «.... через ворота из слоновой кости» — пересказ строк 562—567 песни XIX «Одиссеи» Гомера.

172 *Омон* (Osmont) Рене-Эсташ, маркиз д' (1751—1838)—офицер и дипломат.

173 *Дидро* Дени (1713—1784)—философ и писатель, один из крупнейших деятелей французского Просвещения, основатель «Энциклопедии».

174 *Фонтанель* — заволока, гнойная рана, искусственно открываемая на теле с врачебной целью.

175 *Бувар Мишель-Филипп* (1717—1787)— известный врач.

176 *Ла Тремуиль Шарль-Арман-Рене*, герцог де (1717—1741)— обер-камергер при Людовике XV.

177 «... блаженный Августин утверждает...» — имеется в виду его сочинение «О граде божием» (1, VIII и IX).

178 «*Ab Jove principium Musae*»—цитата из «Буколик» (III, 60) Вергилия.

179 «*Меркюр*»—имеется в виду «Меркюр де Франс» («Французский Меркурий»), одно из старейших французских периодических изданий (1672—1825).

«Характеры и анекдоты»

1 *Данжюиль* (настоящее имя Мари-Анна Бото) (1714—1796)—комическая актриса.

2 *Дюмениль* (настоящее имя Мари-Франсуаза Маршан) (1711—1803)—трагическая актриса.

3 *Клерон* (настоящее имя Клер-Ипполита-Жозефа Легри де Латюд) (1723— 1803)—трагическая актриса.

4 *Сент-Юберти* (настоящее имя Анна-Антуанетта Клавель) (1756—1812)—оперная певица.

5 *Монтессон Шарлотта-Жанна Беро де Лаэ де Риу*, маркиза де (1737—1806)— морганатическая

супруга герцога Луи-Филиппа Орлеанского (1725—1785), автор ряда комедий, которые при ее участии ставились в ее домашнем театре.

6 *Жанлис* Стефани-Фелисите дю Кре де Сент-Обен, графиня де (1746—1830)— писательница, автор ряда нравоучительных пьес.

7 *Неккер* Сюзанна Кюршо (1739—1794)— писательница-моралистка, жена Жака Неккера (см. *Характеры*, прим. 225), мать писательницы Анны-Луизы-Жермены де Сталь (см. *Характеры*, прим. 401).

8 *Анживилье*, графиня д' (1735—1808)—хозяйка литературного салона, жена Шарля-Клода де Ла Бийардери, графа д'Анживилье (ум. 1810), главного смотрителя общественных зданий при Людовике XVI, мецената и покровителя Шамфора.

9 *«...именуемый мозжечком и как бы играющий роль зеркала...»*. В XVIII в. было распространено ложное представление о мозжечке, как главном центре восприятия.

10 *«...против возвращения протестантов...»*. В 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт 1598 г., гарантировавший свободу культа и гражданские права французским протестантам. Часть их была насильственно обращена в католичество, часть изгнана из Франции. В 1787 г. Людовик XVI издал «Королевский эдикт о тех, кто не исповедует католической веры», частично восстанавливавший веротерпимость и разрешавший французским протестантам вернуться на родину.

11 *Мадам*, дочь короля—Мария-Терезия-

Шарлотта, герцогиня Бурбонская (1778—1851), дочь Людовика XVI.

12 См. Максимы, прим. 165.

13 *Трессан* Луи-Элизабет де ла Вернь, граф де (1705—1783)—государственный деятель и литератор, переводчик ряда средневековых рыцарских романов на современный французский язык, член Французской академии с 1781 г. В 1750 г. был назначен губернатором Лотарингии и стал приближенным короля Станислава Лещинского (см. *Характеры*, прим. 34).

14 *Нивернуа* Луи-Жюль-Барбон Манчини-Мазарини, герцог де (1716—1798)—государственный деятель и литератор, член Французской академии с 1743 г.

15 *Бирон* Луи-Антуан де Гонто, герцог де (1700—1788)—маршал Франции с 1757 г., генерал-губернатор Лангедока.

16 *Дюкло* Шарль-Пино (1704—1772)—писатель, член Французской академии с 1747 г.

17 *Ренель* Жан-Франсуа, аббат де (1692—1761)—переводчик

английского поэта Попа (см. *Максимы*, прим. 78).

18 См. *Максимы*, прим. 83.

19 *Деффан* Мари де Виши-Шанрон, маркиза дю (1697—1780)—хозяйка литературного салона, где собирались энциклопедисты.

20 *Эно* Шарль-Жан-Франсуа (1685—1770)—историк, драматург и поэт, близкий друг маркизы дю Деффан. Был президентом одрой из камер

парижского парламента. поэтому обычно упоминается как президент Эно.

21 *Пон де Вейль* Антуан де Ферриоль, граф де (1697—1774)—государственный деятель и литератор.

22 *Тансен* Клодина-Александрина Герен де (1685—1749)—писательница и хозяйка литературного салона.

23 См. Максимы, прим. 167.

24 *Бройль* Виктор-Франсуа, герцог де (1718—1804)—маршал Франции с 1759 г. Цитируемый им ниже стих взят из трагедии Вольтера «Меропа» (1, 3).

25 См. Максимы, прим. 79.

26 *Аржансон* Марк-Пьер, граф д (1696—1764)—государственный деятель, военный министр в 1743—1757 гг.

27 См. Максимы, прим. 138.

28 *Конде* Луи-Жозеф де Бурбон, принц де (1736—1818)—государственный и военный деятель.

29 *Ришелье* Арман-Жан дю Плесси, герцог де (1585—1642)—кардинал и государственный деятель, в 1624—1642 гг. первый министр Людовика XIII и фактический правитель Франции.

30 *Иероним* (342—420)—христианский богослов, причисленный церковью к лику святых; автор латинского перевода Библии, ряда трактатов и писем. Шамфор имеет в виду его «Письмо к Гелиодору».

31 *Марсан* Мари-Луиза Роган принцесса де (род. 1710)—воспитательница дочерей Людовика XVI.

32 *Бисси* Клод де Тиар, граф де (1721—1810)—

генерал-лейтенант, литератор.

33 *Бассомпьер Шарлотта де Бово*, маркиза де (род. 1717)—жена маркиза Леопольда-Клемана де Бассомпьера, камергера короля Станислава.

34 *Король Станислав*—Станислав Лещинский (1677—1766), король польский в 1704—1735 гг. После отречения от престола Станислав жил во Франции, в Нанси, столице герцогства Лотарингского, отданного ему в пожизненное владение.

35 *Ла Галезьер Антуан-Мартен Шомон*, маркиз де (1697—1787)—в 1737—1765 гг. канцлер герцогства Лотарингского.

36 «*Королевский*» пирог—рождественский пирог, в который, по французскому обычаю, запекается боб. Тот, кому достанется кусок с этим бобом, объявляется, соответственно полу, «королем» или «королевой».

37 См. Максимы, прим. 77.

38 «...до покушения *Дамьена*...». 5 января 1757 г. в Версале на Людовика XV совершил неудачное покушение Робер-Франсуа Дамьен (1715—1757): после жестоких пыток его четвертовали 28 января того же года.

39 *Беррье Никола-Рене* (1703—1762)—государственный деятель, с 1747 г. начальник полиции.

40 *Мальзерб Кретьен-Гийом де Ламуаньон де* (1721—1794)—государственный деятель, в 1775—1776 гг. министр двора.

41 *Роган Луи-Рене-Эдуар*, принц де (1734—

1803)—кардинал и дипломат, посол в Австрии в 1772—1774 гг.

42 *Шатле* — имеется в виду так называемый Малый Шатле, старинная тюрьма в Париже, снесенная в 1782 г.

43 *Мори Жан-Сифрен*, аббат (1746—1817)—духовный писатель и оратор, член Французской академии с 1784 г.

44 *Ла Рош-Эмон Шарль-Антуан де* (1697—1777)—кардинал, неизменный председатель всех съездов духовенства с 1760 по 1775 г.

45 *Ла Люзерн Сезар-Гийом де* (1738—1821)—аббат, затем кардинал, видный богослов.

46 *Рейналь Гийом-Тома-Франсуа* (1713—1796)—историк и философ, видный деятель французского Просвещения.

47 *Ла Порт Жозеф де* (1713—1779)—литератор и критик; вместе с Шамфором составил в 1776 г. «Драматический словарь».

48 *Динуар Жозеф-Антуан-Туссен* (1716—1786)—литератор.

49 *Мария-Терезия* (1717—1780)—императрица Священной Римской империи германской нации в 1740—1780 гг.

50 «.... о разделе Польши....» — имеется в виду первый раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией (1772).

51 *Мальборо Джон Черчилль*, герног (1650—1722)—английский государственный деятель и полководец, неоднократно командовавший

британской армией во время войн с Францией.

52 *Герцогиня Мэнская*—Анна-Луиза-Бенедикта де Бурбон (1676—1753), супруга Людовика-Августа де Бурбона, второго сына Людовика XIV и его фаворитки маркизы де Монтеспан.

53 См. Максимы, прим. 169.

54 *Герцог Шартрский*—до 1785 г. титул Луи-Филиппа-Жозефа де Бурбона (1747—1793), герцога Орлеанского, единственного принца из дома Бурбонов, перешедшего на сторону революции, во время которой он принял фамилию Эгалите (по-франц. «равенство»). Однако переход этот был продиктован не убеждениями, а честолюбием, и за контрреволюционные происки герцог Орлеанский был казнен на эшафоте.

55 *Меран Жан-Жак Дорту де* (1678—1771)—физик и математик, член Французской академии с 1743 г.

56 См. Максимы, прим. 73.

57 *«Ифигения»*, точнее *«Ифигения в Авлиде»* (1674)—трагедия Расина (см. Максимы, прим. 97).

58 *«Забавное варьете»* — один из так называемых парижских бульварных театров, основанный в 1779 г. актером Леклюзом (1711—1792), в прошлом зубным врачом.

59 *Шуазель Этьен-Франсуа*, герцог де (1719—1785)—государственный деятель, фактический руководитель французской политики в 1758—1770 гг. По увольнению в отставку был сослан в свое имение Шантелу.

60 *Шовлен Франсуа-Клод*, маркиз де (1716—1774)—военный деятель, гардероб-мейстер и постоянный карточный партнер Людовика XV.

61 *Орсе Пьер-Гаспар-Мари*, граф д' (род. 1748)—офицер.

62 *Шуааель-Гуффье Мари-Габриэль-Флоран-Огюст*, граф де (1752—1817)—дипломат, знаток античности; в 1792—1802 гг. жил в России, где был директором Академии художеств.

63 *Купеческий старшина*— в дореволюционной Франции городской голова Парижа.

64 *Арно Франсуа*, аббат (1721—1784)—литератор.

65 *Отре Анри-Жан-Батист-Фабрис де Монко*, граф д' (1723—1777)—литератор.

66 *Хименес Огюстен-Луи*, маркиз де (1726—1817)—литератор.

67 *Спитхед*—гавань Портсмута, главной английской военно-морской базы на Ла-манше. Петр 1 посетил Спитхед в начале 1698 г.

68 *Килевание*—телесное наказание в парусном флоте, состоявшее в протаскивании матроса под килем судна.

69 *Вокансон Жак де* (1709—1782)—выдающийся механик, создатель ряда машин-автоматов.

70 *Помпадур Жанна-Антуанетта Пуассон*, маркиза де, в первом браке г-жа Ле Норман д'Этиоль (1721—1764)—фаворитка Людовика XV.

71 *Машо Жан-Батист д'Арнувиль* (1701—1794)—генеральный контролер финансов в 1745—1754 гг.,

морской министр в 1754—1757 гг.

72 *Дюбарри* Мари-Жанна Гомар де Вобернье, графиня (1743—1793)—фаворитка Людовика XV.

73 *Эгийон* Арман Виньеро дю Плесси-Ришелье, герцог д' (1720—1788) - министр иностранных дел в 1771—1774 гг., бездарный дипломат, но ловкий интриган

74 *Верженн* Шарль Гравье, граф де (1717—1787)—дипломат, в 1755—1768 гг. посол в Турции, в 1771—1774 гг.—в Швеции, в 1774—1787 гг. министр иностранных дел.

75 *Айо* Жан-Гаспар (1674—1756)—врач, стяжавший в XVIII в. известность своими слабительными порошками, которые он объявил универсальным лекарством.

76 *Фонсемань* Этьен Лорео де (1694—1779)—литератор, член Французской академии с 1737 г.

77 *Сорен* Бернар-Жозеф (1706—1781)—драматург.

78 Року— бельгийская деревня, под которой 11 октября 1746 г. французы разбили австрийцев.

79 *Турин, Уденард, Мальплаке, Рамильи, Гохштедт*—места, где в войне за испанское наследство (1700—1713) французы потерпели поражение (в 1706, 1708, 1709, 1706, 1704 гг. соответственно).

80 *Этен* Жан-Батист-Шарль-Анри-Эктор, граф д' (1729—1794)—адмирал, командующий французским флотом в Америке во время войны за независимость США (1775-1783), в которой Франция выступала на

стороне США против Англии. В июле 1779 г. Этен захватил принадлежавший Англии о. Гренаду в Карибском море,

81 *Королева—супруга* Людовика XVI Мария-Антуанетта (1755—1793).

82 *Маленький Лаборд*—Франсуа-Луи-Жан-Жозеф,

маркиз де Лаборд-Меревиль (1761—1801), офицер, сын придворного банкира Жана-Жозефа де Лаборда (1724—1794).

83 «... кюре церкви святого Сульпиция...» — имеется в виду Жан-Батист Ланге де Жержи (1675—1750), который в 1714 г. был назначен кюре церкви св. Сульпиция, заложенной еще в средние века, и сумел добыть средства на достройку ее с помощью разных коммерческих предприятий. В частности, он основал воспитательный дом— «Дом младенца Иисуса», воспитанницы которого изготовляли на продажу различную галантерею.

84 *Мазарини* Франсуаза де Майи, герцогиня де (1688—1742)—гардеробмейстерина королевы Марии Лещинской.

85 *Лигер* — член так называемой Католической лиги, партии воинствующих католиков, которая во время религиозных войн во Франции в 80-х годах XVI в. выступала против протестантов и главы их Генриха Бурбона (1553—1610), с 1589 г. (фактически с 1594 г.) ставшего королем Генрихом IV. Латинский текст, приводимый ниже, представляет собой парафразу 3-го стиха псалма XXXIX:

«Извлек [господь] меня из страшного рва, из болота тинистого....».

86 *«Господи, избави нас от Бурбонов»*. В оригинале непере译имый каламбур, основанный на созвучии французских глаголов «debourber» — «извлекать из болота, из грязи» и «debourbonner» — «избавлять от Бурбонов».

87 См. Максимы, прим. 141.

88 *Монтескью* Анн-Пьер, маркиз де (1739—1798)—генерал-лейтенант, литератор. В 1777 г. семейство Монтескью исхлопотало разрешение присоединить к своему имени фамилию Фезанзак, поскольку Монтескью считались младшей ветвью этого графского рода, старшая ветвь которого к тому времени угасла.

89 *Морепа* Жан-Фредерик Фелипо, граф де (1701—1781)—государственный деятель; в 1749 г. уволен в отставку из-за происков г-жи де Помпадур; в 1774 г. назначен министром без портфеля.

90 *«У графа д'Артуа есть дети»*. У Людовика XVI долго не было детей, его брат граф Прованский был вообще бездетен; потомство было только у их меньшого брата графа д'Артуа (см. Максимы, прим. 169), к которому и перешел бы трон в случае смерти старших братьев. Морепа хочет сказать, что Монтескью незачем торопиться со своими аристократическими притязаниями: их найдется кому удовлетворить, поскольку династии Бурбонов вымирание не угрожает.

91 *Регент*—герцог Филипп Орлеанский, до

смерти своего отца герцог Шартрский (1674—1723), регент Франции в 1715—1723 гг., во время малолетства Людовика XV.

92 *Ла Реньер* Лоран Гримо де (1735—1793)—откупщик и директор почт.

93 *Женевьева* — католическая святая, считающаяся покровительницей Парижа.

94 «... не влечет за собой столь же тяжелых последствий, как позорный столб...». Выставление у позорного столба обычно сопровождалось тяжким наказанием, например ссылкой на галеры.

95 «... о чревоугодии, которому предаются многие государи» — намек на Людовика XVI, отличавшегося неумеренным аппетитом.

96 *Брекиньи* Луи-Жорж Удар-Федри де (1716—1795)—историк.

97 «.... как там пляшут знаменитое корнелавское “Умереть!”....» — намек на оперу Антонио Сальери (1750—1825) «Гораций», поставленную в Королевской музыкальной академии (Парижская опера) 7 декабря 1786 г. и изобиловавшую вставными балетными номерами. Либретто оперы было написано по одноименной трагедии (1640) Пьера Корнеля (1606—1684). «Умереть!»—ставший поговоркой ответ старого Горация из этой трагедии (III, 6).

98 *Новерр* Жан-Жорж (1727—1810)—балетмейстер и танцовщик.

99 См. Максимы, прим. 6.

100 *Мольер* Жозеф Прива, аббат де (1677—

1742)—философ,

физик и математик, автор четырехтомного труда «Уроки физики и принципы ее, изложенные на основе законов механики» (1733—1739), где он развивает идеи Декарта.

101 *Декарт Рене* (1596—1650)—философ, физик, математик.

102 «... чтобы *изобрести спички...*» — имеются в виду не современные спички, зажигающиеся от трения и изобретенные лишь в 1809 г., а старинные—палочки, обмазанные серой и воспламенявшиеся искрой от огнива.

103 *Буффлер-Руврель Мари-Шарлотта-Ипполита*, графиня де (1724—1800)—хозяйка литературного салона и подруга Луи-Франсуа де Бурбона, принца де Конти (1717—1776).

104 *Монморен*, графиня де (1742—1794)—жена графа Армана-Марка де Монморена де Сент-Эрен (1745—1792), дипломата, в 1789—1790 гг. министра.

105 *Шон Анна-Жозефа Бонье де Ла Моссон*, герцогиня де — великосветская дама, первым мужем которой был Мишель Фердинанд д'Альбер д'Айи, герцог де Шон (1714—1769).

106 *Жиак Марсиаль*, шевалье де (1737—1794)—королевский советник, суперинтендант двора королевы Марии-Антуанетты.

107 *Креки Рене-Каролина де Фруле*, маркиза де (1714—1803)—хозяйка литературного салона.

108 *Сен-Жюльен Луи Гийом Байе*, барон де (род. 1715)—литератор.

109 *Тилорье Анжелика де Санктюари* (1754—1794)—светская

дама, известная благотворительница.

110 *Булленвилье Анри, граф де* (1658—1722)—историк.

111 *Синяя лента*—знак ордена Святого Духа, дававшийся лишь самым знатным вельможам.

112 *Шатлю Франсуа-Жан, маркиз де* (1734—1788)—литератор.

113 *Пралш Сезар-Габриэль де Шуазель, герцог де* (1712—1785)—генерал-лейтенант и дипломат, в 1761—1766 гг. министр иностранных дел, в 1766—1770 гг. морской министр.

114 *Ла Врийер Луи Фелипо, герцог де Ла Врийер, граф де Сен-Флорантен* (1705—1777)—государственный деятель, занимавший ряд министерских постов при Людовиках XV и XVI.

115 См. Максимы, прим. 2.

116 *Леблан Жан-Бернар, аббат* (1707—1781)—драматург.

117 *Жювиньи Жан-Антуан Риголе де* (ум. 1788)—литератор, автор памфлетов против энциклопедистов.

118 *Лорри Анн-Шарль* (1726—1783)—известный врач.

119 *Борде Теофиль де* (1722—1776)—известный врач.

120 См. Максимы, прим. 47.

121 *Клермон-Тоннер Станисла, граф де* (1747—1792)—политический деятель.

122 *Кайава* д'Эстанду Жан-Франсуа (1731—1813)—драматург.

123 См. *Характеры*, прим. 70.

124 *Маон* — город на о. Минорка, дважды взятый военачальниками-французами: герцогом де Ришелье в 1756 г. и герцогом де Крийоном в 1782 г. Ришелье (см. *Максимы*, прим. 165) осаждал Маон почти два месяца, но, убедившись, что город правильной осадой не взять, решился на отчаянный импровизированный штурм (27 июня 1756 г.), который, сверх ожиданий, увенчался успехом.

125 *Крийон*—Луи де Бальб де Бертон, герцог Маонский (1718—1796), генерал-лейтенант; с 1762 г. состоял на испанской службе.

126 *Лауфельд* — голландская деревня, под которой во время войны за австрийское наследство (1740—1748) французы под командованием маршала Саксонского 2 июля 1747 г. разбили австрийцев и англичан, которыми командовал герцог Кемберлендский.

127 *Тианж* Жан-Пьер Дама, маркиз де (1734—1800)—бригадный генерал.

128 *Маршал Саксонский*—Герман-Мориц, граф Саксонский (1696—1750), побочный сын курфюрста саксонского, позднее короля польского Августа II, маршал Франции с 1744 г., выдающийся полководец.

129 «*Антимакиавелли*» (1740)—трактат короля Фридриха II Прусского (1712—1786, царствовал с 1740 г.), где он развивает принципы просвещенного абсолютизма; в действительности Фридрих Нине

думал проводить в жизнь выдвинутые им в этом трактате идеи.

130 *Дени Мари-Луиза*, урожденная Миньо (1712—1790)—племянница и спутница жизни Вольтера. Пробовала свои силы на сцене и в литературе, но без большого успеха. На 68-м году жизни вторично вышла замуж за провиантского чиновника Дювивье.

131 *Заира*—героиня одноименной трагедии (1732) Вольтера.

132 *Пуассонье Пьер* (1720—1798)—хирург. В 1758—1761 гг. жил в России, лечил императрицу Елизавету, которая произвела его в генерал-лейтенанты; одновременно выполнял секретные поручения французского правительства.

133 *ферне* — поместье Вольтера недалеко от швейцарской границы, где он почти безвыездно провел последние двадцать лет своей жизни.

134 *Хранитель печати*—в дореволюционной Франции помощник канцлера. В 1784 г. хранителем печати был Арман-Тома Ю деМиромениль (1723—1796), занимавший эту должность в 1774—1787 гг.

135 *Аббат де Перигор*—Шарль-Морис де Талейран-Перигор (1754—1838), будущий принц Беневентский и знаменитый дипломат.

136 *Ла Вальер Луи-Сезар де Ла Бом Ле Блан*, герцог де (1708—1780)—библиофил.

137 *Бомарше Пьер-Огюстен Карон де* (1732—1799)—комедиограф, автор «Се-вильского цирюльника» и «Свадьбы Фигаро».

138 *Георг III*—король Англии в 1760—1820 гг.

Выдумка о заговоре с целью похитить его могла казаться правдоподобной в годы войны за независимость США, временной столицей которых был тогда город Филадельфия (штат Пенсильвания).

139 Донн Джон (1573—1631)—английский поэт.

140 *Ловен*—Арман-Луи де Гонто, герцог де Лозен, затем герцог де Бирон (1747—1793), генерал.

141 Олюк (Aurnont) Луи-Мари-Огюстен, герцог д' (1709—1782)—первый камергер Людовика XV, коллекционер предметов искусства.

142 См. Максимы, прим. 175.

143 См. Максимы, прим. 41.

144 *Ноайль* Луи, герцог де (1713—1793)—маршал Франции с 1775 г., сын герцога Адриена-Мориса де Ноайля (1678—1766), маршала Франции с 1734 г.; до смерти отца носил титул герцога д'Эйена.

145 *Гийсн* Жанна-Мари Бувье де Ламотт (1648—1717)—писательница, проповедница мистицизма.

146 *Стенвиль* Жак-Филипп де Шуазель, граф де (1725—1790)—брат герцога де Шуазеля, маршал Франции с 1783 г.

147 «... приказ о заточении своей жены». В дореволюционной Франции глава знатного рода мог добиться заключения в тюрьму без суда или заточения в монастырь любого члена своей семьи.

148 *Вобекур* Жан-Шарль-Франсуа де Неттанкур, маркиз де (1726—1822)—бригадный генерал при Людовике XV, генерал-лейтенант при Людовике XVI,

149 *Монпансье* Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де (1627—1693)—двоюродная сестра

Людовика XIV.

150 *Марвиль* Клод-Анри Федо, щевалье де (1705—1787)—один из начальников полиции при Людовике XVI.

151 *Перегон*.—расстояние между двумя почтовыми станциями, составляющее обычно 2 лье (8 км).

152 *При Жанна-Аньес Вертело де Пленеф*, маркиза де (1698—1727)—любовница регента, а затем герцога Бурбонского. В затруднениях с хлебом, которые приписала ей молва, она не виновата: урожай этого года (1726) погиб из-за обильных дождей. Отец ее, Жан-Этьен Вертело де Пленеф (1663—1727), был не откупщиком, а чиновником военного министерства.

153 *Авежан* Луи де Банн, маркиз д' (1683—1738)—офицер.

154 «... письмо короля г-ну де Морепе...». К моменту смерти Людовика XV и Морепе, и Машо, бывшие министры, впавшие в немилость из-за интриг г-жи де Помпадур, жили вдали от двора. Людовик XVI хотел назначить первым министром Машо, но не сумел преодолеть сопротивление клерикальных кругов, которые ненавидели Машо за то, что, будучи генеральным контролером финансов, он попытался подвергнуть духовенство налоговому обложению. Король уступил и назначил первым министром Морепе, но не дал ему определенного портфеля.

155 *Люксембург* Мадлен-Анжелика де Невиль-Вильруа, маркиза де Буффлер, герцогиня де (1707—

1787)—жена Шарля-Франсуа-Фредерика де Монморанси, герцога де Люксембурга (1702—1764), маршала Франции с 1757 г.; светская дама, покровительница Руссо.

156 *Делиль Жак* (1738—1813)—поэт, переводчик Вергилия. Цитируемый ниже стих взят из IV песни поэмы Делиля «Сады, или Искусство умножать красоту природы» (1782).

157 *Бальи*—в средние века правитель провинции, совмещавший административные и судебские функции; начиная с XVII в. почетный титул, лишенный реального содержания.

158 *Лонфлак*—Луи-Габриэль де Конфлан д'Армантьер (1735—1789), генерал-лейтенант.

159 *Фронсак* Луи-Антуан-Софи де Виньеро дю Плесси-Ришелье (1736—1791)—сын маршала Ришелье, бригадный генерал.

160 *Массильон Жан-Батист* (1663-1742)—выдающийся духовный оратор.

161 *Бодо Никола*, аббат (1730—1792)—экономист, сторонник Тюрго.

162 *Тюрго* Анн-Робер-Жак, барон де Л'Он (1727—1781)—экономист, генеральный контролер финансов в 1774—1777 г., безуспешно пытавшийся оздоровить хозяйственную жизнь Франции.

163 *Претендент*—прозвище Чарлза-Эдуарда Стюарта (1720—1788), внука короля Иакова II и претендента на английский престол, предпринявшего в 1745—1746 гг попытку реставрировать династию Стюартов.

164 *Ла Вольтер* Луиза де Ла Бом Ле Блан, герцогиня де (1644—1710)—одна из фавориток Людовика XIV.

165 *Фрагье* Клод-франсуа аббат (1666—1728)—литератор, член Французской академии с 1707 г.

166 *Люсьенн* - местность в 7 км к северу от Версаля, где находился замок некогда подаренный Людовиком XV г-же Дюбарри.

167 *Бово Шарль-Жюст*, принц де (1720—1793)—маршал Франции с 1783 г член Французской академии с 1771 г.

168 *Грамон* Беатриса де Шуазель-Стенвиль, герцогиня де (1730—1794)—сестра герцога де Шуазеля, противница г-жи Дюбарри.

169 См. Характеры, прим. 114.

170 *Буамон* Никола Тир, аббат де (1715—1786)—богослов и проповедник член Французской академии с 1755 г.

171 «...для похвального слова ему а Академии». Лицо, избранное во Французскую академию (что возможно лишь в случае смерти одного из 40 постоянных ее членов) произносит в качестве вступительной речи похвальное слово своему предшественнику.

172 *Ловендаль* Франсуа-Ксавье-Жозеф, граф де (1746—1808)—бригадный генерал, сын графа Ульриха-Фридриха-Вальдемара Ловендаля (1700—1755), маршала Франции с 1747 г.

173 См. Максимы, прим. 21.

174 *Калонн* Шарль.Александр де (1734—1802)—

генеральный контролер финансов в 1783—1787 гг., циничный казнокрад и придворный угодник.

175 *Фурке Мишель Бувар де* (род. 1720)—генеральный контролер финансов в 1787 г.

176 *Дюпон*— Пьер-Самюэль Дюпон де Немур (1739—1817), экономист.

177 *Архиепископ Тулуаский*—Этьен-Шарль де Ломени де Бриенн (1727—1794), генеральный контролер финансов в 1787—1788 гг., в 1763—1788 гг. архиепископ Тулузский, с 1788 г.—архиепископ Санский и кардинал.

178 *Сен-При Франсуа-Эмманюэль де Гиньяр, граф де* (1735—1821)—дипломат; в 1787 г. был назначен послом в Голландию, но пробыл там всего несколько месяцев.

179 *Сен-При Мари-Жозеф-Эмманюэль, виконт де* (1732—1794)—интендант Лангедока.

180 *Креки Жак-Шарль, маркиз де* (1700—1771)—генерал-лейтенант.

181... сова — это *птица Минервы*». У древних римлян сова считалась атрибутом Минервы (у греков — Афины), богини ремесл, искусств и мудрости.

182 *«Деревенский колдун»* — одноактная опера Ж.-Ж. Руссо на его же либретто, впервые поставленная 18 октября 1752 г. в Фонтенебло, на сцене придворного театра.

183 *«... успели увидеть там и монаха, и белую лошадь»* — намек на старинную французскую поговорку: «Когда по Новому мосту ни пройдешь, всегда встретишь там монаха, белую лошадь и

Шлюху».

184 *Нынешний принц Конти* — Луи-Франсуа-Жозеф де Бурбон, принц де Конти (1734—1814). Конти, близкие родственники правящей династии, считались принцами крови.

185 *Водрейль Жозеф-Жасент-Франсуа де Поль*, граф де (1740—1817)—генерал и придворный, покровитель Шамфора.

186 *Фонтенебло* — город во Франции, старейшая загородная резиденция французских королей.

187 *Потсдам*—резиденция Фридриха II Прусского, где Вольтер жил в 1750— 1753 гг.

188 «... почти сраю же, его назначили архиепископом Санским». Шамфор неточен: уходя с военной службы, Поль д'Альбер де Люин (1703—1788) был назначен архиепископом города Байе.

189 *Аранда*, дон Педро-Пабло Абарка-и-Болеа, граф д' (1718—1799)—испанский дипломат и государственный деятель. Будучи в 1765—1773 гг. первым министром, пытался провести прогрессивные реформы, но был свергнут придворной камарильей. В 1773—1784 гг. был послом во Франции.

190 «...от принца Астурийского, нынешнего короля...»—т. е. Карла IV (1748— 1819), короля испанского в 1788—1808 гг.

191 *Мармонтель Жан-Франсуа* (1723—1799)—романист и драматург.

192 *Жоффрен Мари-Тереза Роде* (1699—1777)—хозяйка литературного салона, где собирались энциклопедисты.

193 См. Максимы, прим. 9.

194 *Госсен Жанна-Катрина* (1711—1767)—драматическая актриса.

195 *Самсон*—согласно библейскому преданию, судья (вождь) израильский, богатырь, сохранявший силу до тех пор, пока волосы его не были острижены.

196 *Пломбьер*—городок на востоке Франции (департамент Вож), славящийся своими целебными водами.

197 *Жиаор Анриетта-Жюли-Розали Манчини-Мазарини де Невер, герцогиня де* (род. 1740)—дочь герцога де Нивернуа (см. Характеры, прим. 14).

198 См. Максимы, прим. 101.

199 см. Максимы, прим. 120.

200 *Дюбуа Гийом* (1656—1723)—аббат, с 1721 г. кардинал, во время регентства первый министр.

201 См. Максимы, прим. 99.

202 *Субиа Шарль де Роган, принц де* (1715—1787)—маршал Франции с 1758 г.

203 *Нель Луи де Майи, маркиз де* (род. 1700)—генерал-лейтенант.

204 *Грасс Франсуа-Жозеф-Поль, маркиз де Грасс-Тийи, граф де* (1723—1788)—адмирал. В апреле 1782 г. у берегов о. Гаити эскадра под его командованием была разгромлена английскими адмиралами Родни и Гудом, а сам он взят в плен. По возвращении во Францию

де Грасс был предан военному суду, заседавшему в марте 1784 г. в городе Лориане, но

оправдан.

205 *Кастри Шарль-Эжен-Габриэль де ла Круа*, маркиз де (1727—1801)—маршал Франции с 1783 г., морской министр в 1780—1784 гг.

206 «... *Бомарше не пожелал драться с герцогом де Шоном...*». Мари-Жозеф-Луи д'Альбер д'Айи, герцог де Шон (1741—1793), оскорбленный тем, что актриса Дезире Менар предпочла ему Бомарше, вызвал последнего на дуэль, потом пытался устроить покушение на его жизнь, а затем добился заточения соперника в тюрьму.

207 «... *вызов от г-на де Ла Блаша...*». В 1770 г. умер богатый подрядчик Пари-Дюверне; по бумагам он остался должен Бомарше 150000 ливров, уплатить которые наследник Дюверне граф Александр Фалькоз де Ла Блаш отказался, что привело к скандальному судебному процессу,

208 *Бертен Анри-Леонар-Жан-Батист* (1719—1792)—генеральный контролер финансов в 1759—1763 гг., щедрый меценат. С его помощью был опубликован ряд документов, рукописей и научных трудов, в том числе работы иезуита-миссионера Жозефа Амио (1718—1794) о Китае. Шамфор оговаривается, что имеет в виду Бертена-министра, чтобы читатель не спутал его с многочисленными современниками-однофамильцами, в частности с поэтом Антуаном Бертеном.

209 *Сен-Жермен* (точнее Сен-Жермен-ан-Лэ) — городок к западу от Парижа, служивший королевской резиденцией до перенесения ее при Людовике XIV в

Версаль.

210 *Тессе* Адриенна-Катрина де Ноайль, графиня де (род. '1741)—дочь маршала Луи де Ноайля.

211 *Дюрас*. Эмманюэль-Фелисите де Дюрфор, герцог де (1715—1789)—обер-камергер при Людовике XV, маршал Франции с 1783 г.

212 «.... сделать что-нибудь и для семьи *Дамьена....*»—т. е. позаботиться о семье еще одного цареубийцы (см. Характеры, прим. 38). Орден иезуитов, запрещенный во Франции с 1764 по 1814 г., не раз был вдохновителем покушений на монархов, мешавших осуществлению его замыслов.

213 *Бриссак* Жан-Поль-Тимолеон де Косее, герцог де (1698—1784)—маршал Франции с 1768 г.

214 *Квинт Ицилий*—прозвище Карла-Теофиля Гишара (1724—1775), офицера прусской службы и приближенного Фридриха II, который прозвал его так по имени одного из любимых центурионов Юлия Цезаря (но неточно — центуриона звали Квинт Цецилий). Гишар генеральского чина не имел и лишь в 1773 г. был произведен в полковники.

215 *Россбах* — деревня в Саксонии, под которой во время Семилетней войны (1756—1763) Фридрих II в 1757 г. разбил французов и австрийцев под командованием принца де Субиза.

216 *Монбаре* Луи-Мари-Франсуа, шевалье де (1756—1794)—гвардейский офицер.

217 *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797)—фаворит императрицы Елизаветы Петровны. В

1763—1777 гг. жил за границей,

218 «... *просто господина де Тюренна*» — имеется в виду Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611—1675), маршал Франции с 1643 г., один из крупнейших полководцев XVII в.

219 *Лаваль* Ги-Андре-Пьер, герцог де Монморанси (1723—1798)—маршал Франции с 1783 г.

220 *Коннетабль* — в средневековой Франции главнокомандующий вооруженными силами.

221 *Монморанси* — имеется в виду либо Матье 11 Монморанси, по прозвищу Великий коннетабль (1174—1230), либо—что вероятнее—Анн де Монморанси (1492—1567), коннетабль Франции.

222 «...*в появлении назарейской секты...*»—т. е. христиан: согласно Евангелию, Иисус Христос провел детство в палестинском городке Назарете, почему его и называли Назареем.

223 *Амело*—Антуан-Жан Амело де Шайу (ум. 1795), министр двора при Людовике XVI. Министерство двора ведало и делами Парижа.

224 *Биньон* Жан-Фредерик (1747—1784)—королевский библиотекарь.

225 *Неккер* Жак (1732—1804)—женевский банкир и генеральный контролер французских финансов в 1777—1781 гг.

226 *Нешатель*—город в Швейцарии, столица одноименного кантона, с 1707 по 1806 г. принадлежавшего Пруссии.

227 *Принц Генрих*—Генрих-Фридрих-Людвиг

Гогенцоллерн (1726—1802), брат Фридриха II Прусского.

228 «... не назначить ли его послом в Россию» — намек на фаворитизм, процветавший при дворе русских императриц Елизаветы и Екатерины II.

229 См. Максимы, прим. 173.

230 *Шатле* Габриэль-Эмилия Ле Тоннелье де Бретейль, маркиза дю (1706—1749)— писательница, подруга Вольтера, который в 1733—1745 гг. жил в ее имении Сире на границе Шампани и Лотарингии.

231 *Вилькье* Антуан д'Омон де Ротбарон, маркиз де (1601—1669)—маршал Франции с 1651 г.

232 *Великий Конде*—Людовик II Бурбон, принц де Конде (1621—1686), один из крупнейших полководцев XVII в. В 1650 г. за интриги против регентши Анны Австрийской (1601—1666) и первого министра кардинала Джулио Мазарини (1602—1661) был арестован и на год посажен в Венсенский замок.

233 *Моттвиль* Франсуаза Берто Ланглуа де (1621—1689)—приближенная Анны Австрийской, автор интересных мемуаров.

234 *Эгмонт* Софи-Жанна-Арманда-Элизабет Септимарен де Виньеро дю Плесси-Ришелье, графиня д' (1740—1773)—дочь маршала Ришелье (см. Максимы, прим. 165), хозяйка литературного салона.

235 «При этом имени...» — новоприбывший был однофамильцем Бертрана Дюгек-лена (1314—1380), коннетабля Франции, одного из крупнейших полководцев средневековья.

236 «... как дельфин из басни...» — имеется в виду басня Лафонтена «Дельфин и обезьяна» (IV, 7), сюжет которой заимствован им у Эзопа. Еще древние греки считали дельфинов друзьями людей, спасающими жертвы кораблекрушения.

236 Буэнден Никола (1676—1751)—драматург.

237 «Встретимся у Прокопа» — имеется в виду парижское кафе, основанное еще в XVII в. сицилийцем Франческо Прокопе и усиленно посещавшееся в XVIII в. многими известными литераторами.

238 Болинброк Генри Сент-Джон, виконт (1678—1751)—английский политический деятель и философ.

239 Бутвиль Пьер де Бюиссон, шевалье де — генерал-лейтенант, дипломат времен Людовика XV.

240 Женевские представители — представители Женевской республики.

241 Берна? Пьер-Жозеф (чаще упоминается как Жан-Бернар) (1710—1775)— поэт, писавший эротические стихи, автор поэмы «Искусство любви».

242 Арну Софи (1744—1802)—оперная певица.

243 Герцог Энгиенский—Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде

(1772—1804). В 1804 г. по приказу Наполеона был схвачен на баденской территории, предан военному суду и расстрелян.

244 см. Максимы, прим. 5.

245 Базе Никола (1717—1789)—грамматист, член Французской академии с 1772 г.

246 Дюбрейль — врач.

248 *Пемежа Жан де* (1741—1785)—литератор.

249 *«Институции»* — систематический очерк римского государственного права, со ставленный при византийском императоре Юстиниане 1 (483—565, царствовал с 527).

250 *Ла Поплиньер* (точнее Ла Пуплиньер) Александр-Жан-Жозеф Ле Риш де (1691—1762)—богатый откупщик.

251 *Боссюэ Жак-Бенинь* (1627—1704)—знаменитый духовный оратор, в 1670— 1681 гг. наставник дофина.

251 *Великий дофин*—Людовик Бурбон (1661—1711), старший сын Людовика XIV, умерший раньше отца.

253 *Рур Луиза-Виктория де Комон де Ла Форс*, графиня дю — фаворитка Вели кого дофина.

254 *«Мой брак с госпожой де Бройль закрыл мне дорогу во все ордена»*. Ари стократ, вступивший в неравный брак, не мог стать кавалером высших орденов.

255 *Ноайль Луи-Мари*, виконт де (1756—1804)—военный и политический деятель.

256 *«.... стала некоронованной королевой Франции»* — намек на г-жу Дюбарри, чьи происки привели к падению Шуазеля.

257 *Войсковые инспекторы* — в дореволюционной Франции офицеры, проверявшие состояние дисциплины в войсках.

258 *Монтенар Луи-Франсуа*, маркиз де (1703—

1791) — военный министр в 1771—1774 гг.

259 См. Максимы, прим. 46.

260 *Дюпен Пьер* (ум. 1769) — юрист, автор «Замечаний о „Духе законов”» (1757—1758).

261 «... *отправил ли тот уже свое столовое серебро на монетный двор*». Для пополнения казны Людовик XV прибегал к таким мерам, как переплавка на монету золотых и серебряных изделий.

262 См. Максимы, прим. 74.

263 *Архиепископ Лионский* — имеется в виду Антуан де Мальвен де Монтазе (1712—1788), духовный писатель, архиепископ Лионский с 1759 г.

264 «... *тоже удлинял на дюйм воротник своего плаща*». В XVII—XVI вв. католическое духовенство носило более короткие воротники на плащах, чем миряне. Удлиняя воротник, архиепископ Лионский как бы хвастался тем, что нарушал обет целомудрия, приносимый каждым католическим духовным лицом при посвящении в сан.

265 *Барт Никола-Тома* (1734—1785) — поэт и драматург.

266 *Руше Жан-Антуан* (1745—1794) — поэт, пользовавшийся покровительством Тюрго, автор дидактической поэмы «Месяцы» (1779).

267 *Флери Омер Жоли де* (1715—1810) — генеральный прокурор парижского парламента, старший брат Жана-Франсуа Жоли де Флери (1718—1802), генерального контролера финансов в 1781—1783 гг.

268 *Херви Джон* (1696—1743) — английский

государственный деятель и литератор.

269 «*Значит, эти места — наши*» — намек на великодержавные притязания Англии считавшейся с конца XVII в. «владычицей морей».

270 *Бюссон Жюльен* (1717—1781) — врач.

271 *Ленге Симон-Никола-Анри* (1736—1794) — адвокат и видный публицист, выступавший на стороне герцога д'Эгийона во время процесса генерального прокурора бретонского парламента Луи-Рене де Карадек де Ла Шалоте (см. *Характеры*, прим. 363). Когда в 1774 г. Ленге был исключен из парижского парламента за памфлет на своих коллег, д'Эгийон не поддержал его жалобы в королевском совете.

272 *Эпине де* - писательницы и хозяйки литературного салона Луизы-Флоранс д'Эпине (1726—1783), гуляка и распутник, промотавший огромное наследство оставленное ему откупщиком де Ла Лив де Бельгардом.

273 *Флориан Жан-Пьер Клари де* (1755—1794) — баснописец и автор пасторальных повестей.

274 «... *всего лишь титул шевалье*». В XVIII в. титул шевалье давался младшим сыновьям знати.

275 См. *Максимы*, прим. 164.

276 *Лассе Арман-Леон де Мадайон де л'Эспар*, маркиз де (1652—1738) — военный деятель и литератор.

277 См. *Характеры*, прим. 130.

278 «*Георгики*» («*О земледелии*») — поэма римского поэта Публия Вергилия Ма-рона (70—19 до н. э.).

279 *Сабатье де Кабр* Оноре-Огюст (1745—1816)—юрист и дипломат.

280 *Принц Евгений*—Евгений Савойский, принц Кариньянский (1663—1736), выдающийся австрийский полководец.

282 *Бранкас*—Луи де Бранкас де Форкалькье, маркиз де Сере (1672—1750), маршал Франции с 1747 г.

282 См. Максимы, прим. 79.

283 «.... в сопровождении всех четырех статс-секретарей....». В дореволюционной Франции статс-секретарями считались министры иностранных дел, двора, военный и морской.

284 *Бланшар* Франсуа (1753—1809)—один из первых воздухоплавателей, изобретатель парашюта.

285 См. Характеры, прим. 263.

286 *Театинец* — член монашеского ордена, основанного в 1524 г. кардиналом Ка-раффой, епископом городка Теате в Италии.

287 *Буаье* Жан-Франсуа (1675—1755)—епископ городка Мирпуа в Лангедоке, наставник дофина Людовика, отца Людовика XVI.

288 *Латур* Морис Кантон де (1704—1788)—художник-портретист.

289 *Верно* Клод-Жозеф (1714—1789)—живописец-маринист.

290 *Брут* — имеется в виду Луций Юний Брут Старший, по римскому преданию — вождь народного восстания против царя Тарквиния Гордого и первый консул Римской республики; осудил на смерть своих

сыновей, сторонников Тарквиния; был убит предположительно в 509 г. до н. э.

292 *Лемьер Антуан-Марен* (1723—1793)—драматург. Действие его трагедии «Ма-лабарская вдова», неудачно поставленной в 1770 г. и с успехом возобновленной в 1780 г., происходит в Индии. Героиня ее, следуя древнему индийскому обычаю и подчиняясь требованиям жрецов, должна предать себя самосожжению на погребальном костре своего умершего мужа.

292 *Кино* (чаще упоминается как мадмуазель Кино) *Жанна-Франсуаза* (1700—1783)—комическая актриса, хозяйка литературного салона.

293 *Вулкан* (у греков Гефест) — в римской мифологии бог огня и кузнечного ремесла, супруг Венеры, не раз изменявшей своему невзрачному хрому мужу.

294 *Император*—имеется в виду Иосиф II (1741—1790), император Священной Римской империи германской нации в 1780—1790 гг.

295 *Кардинал-датарий* — начальник особой канцелярии римской курии, ведающей назначениями в церковные приходы, раздачами всевозможных привилегий и т. д.

296 См. *Характеры*, прим. 177.

297 «... королевская власть... не выходила за пределы, которыми была ограничена при Людовике XIV». Именно при Людовике XIV, девизом которого было: «Государство—это я», королевская власть окончательно стала неограниченной.

298 *Эпарбе де Люссан*, графиня (род. 1725)— светская дама, известная своим остроумием.

299 *Омон (Aumont) Жак*, герцог д' (172.3—1799)— вельможа, отличавшийся хромотой и глупостью.

300 *Ментенон Франсуаза д'Обинье*, маркиза де (1635—1719)—последняя фаворитка и морганатическая супруга Людовика XIV; первым мужем ее был поэт Скар-ро», человек незнатный.

301 *Келюс Мари-Маргарита Ле Валуа де Виллетт де Мюрсе*, графиня де (1673— 1729)—родственница г-жи де Ментенон.

302 См. Максимы, прим. 87.

303 *Колле Шарль* (1709—1783)—поэт-песенник и драматург.

304 *Доменикино* (настоящее имя Доменико Дзампъери) (1581—1641)—знаменитый итальянский художник так называемой болонской школы.

305 *Покойная герцогиня Орлеанская*—Луиза-Генриетта де Бурбон-Конти (1726— 1759), супруга герцога Луи-Филиппа Орлеанского (1725—1785).

306 *Пале-Рояль*—в XVIII в. дворец герцогов Орлеанских в Париже.

307 *Вдовствующая герцогиня* — речь идет о Франсуазе-Марии де Бурбон, герцогине Орлеанской (1677—1749), супруге регента.

308 *Оливе Пьер-Жозеф Тулье*, аббат д' (1682—1768)—писатель и грамматист.

309 *Рошфор Мари-Тереза де Бранкас*, графиня де (1716—1782)—светская дама, известная своим остроумием.

310 *Кокле*—Шарль-Жорж Кокле де Шосспьер (1711—1790), юрист и литератор, известный острослов.

311 *Алигр* Франсуаза-Мадлен Талон, маркиза д' (1730—1767)—первая жена маркиза Этьена-Франсуа д'Алигра (1726—1798), президента парижского парламента.

312 *Эпремениль* Жан-Жак Дюваль д' (1746—1794)—советник парижского парламента.

313 *Калиостро* Александр, граф (настоящее имя Джузеппе Бальзаме) (1743—1795)—итальянский авантюрист и шарлатан, подвизавшийся перед самой революцией в Париже.

314 *Философский камень* — вещество, способное, по представлениям средневековых алхимиков, превращать любой металл в золото.

315 *Андуйе* Жан-Батист-Антуан (1718—после 1791)—лейб-хирург Людовика XV и Людовика XVI.

316 *Ламартиньер* Жермен Пишо де (1698—1783)—первый лейб-хирург Людовика XV.

317 *Лассон* Жозеф-Мари-Франсуа де (1717—1788)—первый лейб-медик Людовика XV.

318 См. Максимы, прим. 68.

319 *Ормессон* Анри-Франсуа де Поль Ле Февр—д'Ормессон

д'Амбуаль (1751—1801), генеральный контролер финансов в 1783 г.

320 См. Максимы, прим. 112.

321 «... вы занимаете то же место, что и человек...» — имеется в виду предок тестя

д'Ормессона—Клод Ле Пельтье, сеньер де Морфонтен (1630—1711), генеральный контролер финансов в 1683—1689 гг.

322 См. Максимы, прим. 97.

323 *Флери* Андре-Эркюль де (1653—1743)—кардинал, первый министр в 1726—1743 гг.

324 «, .. письмо короля Станислава к дочери...». Дочь короля Станислава Мария Лещинская (1703—17'68) была супругой Людовика XV.

325 *Жена маршала де Муши* — Анна-Клод-Луиза д'Арпажон, герцогиня де Муши (1719—1794), обергофмейстерина Марии Лещинской.

326 *Драгонады* — военные постои драгун в домах гугенотов. Драгуны получали разрешение и даже предписание бесчинствовать, пока их домохозяева не перейдут в католичество.

327 *Пор-Рояль* — янсенистский монастырь под Парижем, крупный литературный центр в XVII в.

328 *Молинисты*—последователи испанского богослова Луиса Молины (1535—1601).

329 *Квиетисты* — оппозиционное мистическое течение в галликанской церкви XVII в., осужденное папой и королевской властью.

330 *Леере* Андре (1703—1780)—известный врач-акушер.

331 «.... у дофины, ныне покойной....» — имеется в виду Мария-Иозефа Саксонская (см. Максимы, прим. 159).

332 *Мирпуа* Анна-Маргарита-Габриэль де Бово, герцогиня де (1707—1791)—фрейлина Марии

Лещинской.

333 *Виллар Луи-Эктор*, герцог де (1653—1734)—маршал Франции с 1702 г., один из крупнейших полководцев XVIII в.

334 «*В 1734 году, прибыв после начала войны...*»—имеется в виду так называемая война за польское наследство между Россией и Австрией с одной стороны, Францией, Испанией и Сардинией — с другой.

335 *Ла Ферте-Энбо Мари-Тереза Жоффрен*, маркиза де (1715—1791)—хозяйка литературного салона, где, в отличие от салона ее матери г-жи Жоффрен (см. *Характеры*, прим. 192), царил крайне реакционный дух.

336 *Рочестер Джон Уилмот*, граф (1647—1680)—английский поэт.

337 «...разногласия *среди епископов*». В 1713 г. папа Климент XI (см. *Характеры*, прим. 536) буллой «*Unigenitus*» (лат. «Единородный»; буллы именуются по первому слову их текста) осудил 101 положение книги янсениста Паскье Кенеля (1634—1719) «Новый завет с нравственными размышлениями» (1671). Булла вызвала сильную оппозицию в среде галликанского епископата. Восемь прелатов (Шамфор ошибочно называет цифру 9) во главе с архиепископом парижским де Ноайлем обратились с протестом против нее в Рим.

338 *Грамм Филибер*, граф де (1621—1707)—герой биографического романа графа Антуана Гамильтона (1646—1720) «Мемуары графа де

Грамона» (1713). Анекдот, приводимый Шамфором, не соответствует действительности: «Мемуары» вышли в свет лишь через шесть лет после смерти Грамона.

339 *Тимон* — афинский философ V в. до н. э., резко критиковавший своих современников за развращенность и слывший мизантропом.

340 *Бель-Иль* Шарль-Луи-Огюст Фуке, герцог де (1684—1761)—маршал Франции с 1741 г.

341 *Невиль* Шарль Фре де (1693—1774)—иезуитский богослов и проповедник, автор «Надгробного слова Шарлю-Луи-Огюсту Фуке де Бель-Илю» (1761).

342 Энво Этьен Менон д' (род. 1721)—генеральный контролер финансов в 1768—1769 гг.

343 *Грамон* Антуан-Антонен, герцог де (1722—1799)—бригадный генерал, шурина герцога де Шуазеля.

344 «... ваш город охраняют собаки?». В Сен-Мало держали специальных собак для охраны города. Этот обычай был поводом для постоянных насмешек над жителями города.

345 «Во время американской войны..»—т. е. во время войны за независимость США (1775—1783).

346 *Пегу* — область в Бирме; в XVI—XVII вв. европейцы называли так всю Бирманскую империю.

347 *Орри* Филибер, граф де Виньори (1689—1747)—генеральный контролер финансов в 1730—1747 гг.

348 *Немур* Мария д'Орлеан-Лонгвиль, герцогиня

де (1625—1707)—последняя владетельная принцесса Нешательская.

349 *Бондом* Луи-Жозеф, герцог де (1654—1712)—побочный

правнук Генриха IV, генерал-лейтенант.

350 *Шароле* Шарль де Бурбон, граф де (1700—1760)—сын Людовика III Бур-бона, принца де Конде (1668—1710), принц крови.

351 «*В дни ссоры Дидро и Руссо...*». В 1758 г. Дидро и Руссо поссорились по личным мотивам.

352 . характеры, прим. 205.

353 *Миньо* Венсан, аббат (1725—1791)—историк, племянник Вольтера, брат г-жи Дени (см. Характеры, прим. 130).

354 *Ламуаньон* Гийом де (1617—1677)—президент парижского парламента при Людовике XIV.

355 *Можирон* Луи-Франсуа, маркиз де (1725—1767)—генерал-лейтенант.

356 *Главный прево* — начальник полевой жандармерии.

357 «*Фонтенель написал оперу...*» — имеется в виду его опера «Фетида и Пелей» (1689), в III акте которой выведен хор жрецов Судьбы.

358 *Минден*—город в Германии (Вестфалия), под которым в 1759 г. во время Семилетней войны пруссаки под командованием герцога Фердинанда Брауншвейгского (1721—1792) разбили французов под командованием Луи-Жоржа-Эразма маркиза де Контада (1704—1795), маршала Франции с 1758 г. Последний объяснял впоследствии свое поражение

недисциплинированностью маршала де Бройля (см. Характеры, прим. 24).

359 *Порке* Пьер-Шарль-Франсуа, аббат (1728—1796)—поэт, капеллан короля Ста нислава Лещинского.

360 *Бройль* Шарль-Франсуа, граф де (1719—1781)—министр без портфеля, со ветник Людовика XV.

361 *Фавье* Жан-Луи (1717—1784)—публицист и дипломат, помогавший графу де Бройлю вести тайную переписку с королем.

362 *Торговый договор 1786 года*—в 1786 г. министр иностранных дел Людо вика XVI Верженн подписал крайне невыгодный для Франции торговый договор с Англией.

363 *Ла Шалоте* Луи-Рене де Карадек де (1701—1785)—генеральный прокурор бретонского парламента. Был безвинно посажен в тюрьму по навету герцога Эгийона (см. Характеры, прим. 73), которого Ла Шалоте открыто обвинил в трусости, вероломстве и лихоимстве. Герцог Шуазель (см. Характеры, прим. 59) под держивал Ла Шалоте, но безуспешно. Последний был освобожден только при Людо вике XV.

364 *Тансен* Пьер-Герен, кардинал де (1680—1758)—архиепископ Лионский в 1741—1758 гг.

365 *Г-жа де Мазарини* — имеется в виду Луиза-Жанна де Дюрфор-Дюрас, герцо гиня де Мазарини (1735—1781), дочь маршала де Дюраса (см. Характеры, прим. 211).

366 *Лиссабонское землетрясение*. В 1755 г. в португальской столице произошло сильное землетрясение, которое привело к многочисленным жертвам и совершенно раз рушило город.

367 *Белен*—в XVIII в. городок в 7 км к востоку от Лиссабона, загородная ко ролевская резиденция; ныне предместье Лиссабона.

368 См. Характеры, прим. 24.

369 *Жокур Луи-Пьер*, граф де (род. 1726)—бригадный генерал.

370 *Рут Шарль-Эдуар*, граф де (род. 1710)—генерал-лейтенант.

371 *Силуэт Этьен де* (1709—1767)—генеральный контролер финансов в 1759 г.

372 *Шатору Мари-Анна де Майи Нель*, маркиза де Ла Турнель, герцогиня де (1717—1744) — фаворитка Людовика XV.

373 «*Он копит его как жаба...*». В старину жаба ошибочно считалась ядовитым животным.

374 «*...после того как обнародовал дефицит...*». 22 февраля 1787 г. в собрании нотаблей (см. Максимы, прим. 163) Калонн назвал цифру дефицита государственного бюджета, раньше державшуюся в строгом секрете. Дефицит в этот момент составлял 650 млн ливров против 283 млн ко времени назначения Калонна генеральным контролером финансов.

375 «*Предпочитаю итальянскую комедию — там по крайней мере импровизируют*» — речь идет об итальянской комедии масок, где актеры

произносили не заранее написанный текст, а импровизировали по определенному сценарию.

376 «Сент.-Ф.—Жермен-Франсуа Пуллен де Сент-Фуа (1698—1776), литератор, известный дуэлист.

377 См. *Характеры*, прим. 177.

378 *двустиише Расина*—цитата из трагедии «Баязет» (II, 3), созданной в 1672 г.

379 *Кребильон* — имеется в виду Клод-Проспер Жолио де Кребильон-младший (1707—1777), сын драматурга Кребильона-старшего, автор фривольных романов.

380 *Буайе*— Марк-Рене, маркиз де Буайе д'Аржансон (1722—1782), военный деятель, главный инспектор конных заводов.

381 *Бертен Роза* (1744—1813)—в последние годы перед революцией хозяйка модного магазина, поставщица королевы Марии-Антуанетты.

382 *Тома Антуан-Леонар* (1732—1785)—поэт, приятель Шамфора.

383 *Индекс*—публикуемый с 1543 г. список книг, чтение которых запрещено католической церковью.

384 «...воевали из-за Корсики...». Корсика, с 1559 г. принадлежавшая республике Генуя, в 1729 г. отложилась от нее и до 1768 г., когда островом окончательно завладела Франция, была предметом соперничества европейских держав.

385 «*Льежский альманах*»—в XVII—XVIII вв. дешевый календарь, рассчитанный на самые широкие слои населения. Издание его было начато в

1636 г. льежским каноником Матье Лансбером.

386 «*После возвращения Карла II...*»—т. е. после реставрации монархии Стюартов в Англии (1660).

387 «... *Милтону предложили вновь занять его былую и весьма доходную должность*». В 1649—1660 гг. Милтон (см. Максимы, прим. 32) занимал пост латинского секретаря Государственного совета и вел всю дипломатическую переписку Английской республики.

388 *Бен Джонсон* (точнее Бенджамен Джонсон) (ок. 1573—1637)—английский драматург.

389 «.... *где будет председательствовать еврей....* ». В дореволюционной Франции евреи не пользовались никакими гражданскими правами.

390 «.... *у кюре, тоже состоящего во втором браке....*». Католическая церковь запрещает развод, а католические священнослужители обязаны соблюдать безбрачие.

391 *Мир 1783 года*—Версальский мирный договор 3 сентября 1783 г. между США, Францией, Испанией, Нидерландами с одной стороны и Англией с другой, завершивший войну США за независимость.

392 См. Максимы, прим. 163.

393 *Кларисса*—героиня одноименного романа (1747—1748) английского писателя Сэмюэля Ричардсона (1689—1761), олицетворение нравственной чистоты.

394 *Зеновия* — в 267—272 гг. царица Пальмиры, государства в Сирии; в античной традиции — образец мудрой правительницы.

395 *Марк Аврелий* (121—180)—римский император в 161—180 гг., выдающийся государственный деятель, философ и писатель.

396 *Воксал* (от англ. *Wauxhall*, названия знаменитого лондонского увеселительного сада)—так в XVIII в. назывались в городах Европы общественные увеселительные сады.

397 *Сегюр* Филипп-Анри, маркиз де (1724—1801)—маршал Франции с 1783 г., военный министр в 1781—1787 гг., автор ордонанса от 22 мая 1781 г., запрещавшего лицам недворянского происхождения занимать офицерские должности.

398 *Досею Шарль*, аббат (1730—1814)—математик.

399 См. *Максимы*, прим. 12.

400 *Брак Пирама и Бавкиды* — ироническое соединение героев из разных античных мифов: Пирама—из мифа о юных любовниках Пираме и Тисбе, и Бавкиды—из мифа о дружных супругах Филемоне и Бавкиде, доживших до глубокой старости.

401 *Г-же С** — по мнению комментаторов, это Анна-Луиза Жермена де Сталь (1766—1817), известная писательница, автор романов «Дельфина», «Коринна» и книги «О Германии».

402 см. *характеры*, прим. 267.

403 См. *Максимы*, прим. 63.

404 *Тибулл Альбий* (ок. 54—19 до н. э.)—римский поэт, автор любовных элегий.

405 «*Сегодня я потерял день*». По преданию, эту фразу сказал император Тит (см. *Максимы*, прим.

37), вспомнив однажды вечером, что за весь день не сделал ни одного доброго дела.

406 *Гельмонт* Иоганн-Баптист ван (1577—1644)—нидерландский химик и врач,

407 *Г-н де К** — по мнению комментаторов, это Мари-Жан-Антуан-Никола Карита, маркиз де Кондорсе (1743—1794), философ и социолог.

408 *Дюплесси* Жозеф-Сифрен (1725—1802)—художник-портретист.

409 *Бурбулон* — помощник генерального интенданта финансов, казначей графа д'Артуа.

410 *Энен* Пьер-Мишель д' (1728—1807)—дипломат,

начальник королевской канцелярии при Людовике XVI.

411 *Ренневаль* Жозеф-Матиас Жерар де (1746—1812)—дипломат.

412 *Орнано* Джованни-Батиста, граф д' (1742—1794)—бригадный

генерал, уроженец Корсики. Назначенный при Людовике XVI губернатором Байонны, возглавлял комиссию по демаркации франко-испанской границы.

413 *Лувда* Луи-Шарль-Сезар Ле Телье, маркиз де Куртансо, герцог д'Эстре, ше-валье де (1697—1774)—маршал

Франции с 1757 г., министр без портфеля с 1758 г.

414 *Озье* Шарль-Рене д' (1640—1732)—королевский

генеалог, хранитель фран цузской гербовой книги.

415 *Куапель Ноэль* (1628—1707)— художник.

416 *Герцог Бургундский*—Людовик

Бурбон (1682—1712), внук Людовика XIV, сын Великого дофина и отец Людовика XV, в 1711—1712 гг. наследник престола.

417 *Буавенон Клод-Анри де Фюзе*, аббат де (1708—1775)—писатель.

418 *Монгольфье Жозеф-Мишель* (1740—1810) и *Жак-Этьен* (1745—1799)—изобретатели воздушного шара, совершившие в 1784 г. первый полет на нем.

419 *Антреэ Эмманюэль-Луи-Анри де Лонэ*, граф д' (1755—1812)—публицист; по святил братьям Монгольфье ряд хвалебных статей.

420 *Сидни Томас*, лорд Таунсенд, виконт (1733—1800)—английский министр внутренних дел в 1783—1789 гг.

421 «...в Квебеке у него живет...». До 1763 г. Канада, где и поныне треть населения составляют французы, принадлежала Франции.

422 *Глостер Уильям-Генри*, герцог (1743—1805)—брат английского короля Георга III.

423 *Троншен Теодор* (1709—1781)—швейцарский врач, с 1766 г. лейб-медик герцога Орлеанского.

424 *Сен-Пьер Шарль-Ирене Кастель*, аббат де (1658—1743)—публицист и филантроп.

425 См. Характеры, прим. 3.

426 *Лекен* (настоящая фамилия Кен) *Анри-Луи*

(1728—1778)—трагический актер.

427 *«Андромаха»* (1667)—трагедия Расина.

428 *Доберваль* (настоящая фамилия Берше) Луи (1728—1803)—драматический актер.

429 *«Доспехи Ахилла по плечу лишь ему одному»*. В *«Илиаде»* (XVI) рассказывается о том, как Ахилл, рассорившись с вождем греков Агамемноном, перестал принимать участие в Троянской войне. Воспользовавшись этим, троянцы оттеснили греков к морю и подожгли их суда. Лишь тогда Ахилл, по-прежнему отказываясь вступить в бой, позволил своему другу Патроклу взять его доспехи и сразиться с троянцами. Патрокл отбросил врага, но сам был убит.

430 *Делон Шарль* (1750—1786)—медик, последователь австрийского врача Фридриха-Антоня Месмера (1733—1815), создателя учения о «животном магнетизме» (месмеризм) и основанной на нем терапии.

431 *Данжо* Луи де Курселон, аббат де (1643—1723)—литератор и филолог.

432 *«...военные поражения, постигшие Францию»* — речь идет о неудачной для Франции войне за испанское наследство (1700—1713).

433 *Мазарини Джулио* (1602—1661)—кардинал, государственный деятель, занимавший пост первого министра в годы регентства Анны Австрийской, матери Людовика XIV.

434 *Ламотт Жанна де Люс де Сен-Реми де Валуа*, графиня де (1756—1791)— героиня

скандальной истории с «ожерельем королевы» (1784—1786); 31 мая 1786 г. была приговорена к публичному наказанию кнутом, клеймению и пожизненному заключению, но вскоре, не без помощи королевы Марии-Антуанетты, бежала из тюрьмы.

435 *Симиан* Полина д'Адемар де Монтейль де Гриньян, маркиза де (1674—1737)—внучка известной писательницы Мари де Рабютен-Шанталь маркизы де Севинье (1626—1696).

436 *Оратория*—церковь ордена ораторианцев в Париже, построена в 1616—1630 гг. архитекторами Метезо, Лемерсье и Какье.

437 *Ватри* Рене, аббат (1697—1769)—филолог-эллинист.

438 *Королевский коллеж*—так со времен Людовика XIII до революции именовался Коллеж де Франс, второй парижский университет, основанный в 1530 г.

439 См. *Характеры*, прим. 323.

440 «.... *известные стихи*....» — следует цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» (III, 2).

441 *Террассон* Жан, аббат (1670—1750)—литератор, известный острослов.

442 *Мопертюи* Пьер-Луи Моро де (1698—1759)—физик и геодезист.

443 *Бассомпьер* Франсуа, барон де (1579—1646)—маршал Франции с 1622 г., известный острослов. В течение 6 лет вел тяжбу с мадмуазель д'Антраг, сестрой маркизы де Вернейль, фаворитки

Генриха IV: она вчинила ему иск о нарушении брачного обещания.

444 *Король* — имеется в виду Людовик XIV.

445 *Навайль* Филипп де Монто де Бенак, герцог де (1619—1684)—маршал Франции с 1675 г.

446 *Эстрад* Годафруа, граф д' (1607—1686)—маршал Франции с 1675 г.

447 *Бенсерад* Изаак де (1613—1691)—придворный поэт Людовика XIV.

448 *Барон* (настоящая фамилия Буарон) Мишель (1653—1729)—трагический актер.

449 «*Меропа*»—одна из лучших трагедий Вольтера, созданная в 1743 г.

450 *Конклав* — совет кардиналов, созываемый для избрания папы римского после смерти его предшественника.

451 *Кане* Этьен, аббат де (1694—1782)—филолог.

452 *Каюзак* Луи де (1700—1759)—драматург.

453 *Вильруа* Никола де Невиль, сеньер де (1542—1617)—дипломат, статс-секретарь при Генрихе IV.

454 *Жаннен* Пьер (1540—1622)—юрист, интендант финансов при Генрихе IV; обычно упоминается как президент Жаннен, так как он был президентом дижонского парламента.

455 *Сюлли* Максимильен де Бетюн, герцог де (1560—1641)—фактический первый министр и личный друг Генриха IV.

456 *Парабер* Мари-Мадлен де ла Вьевиль,

графиня де (1693—1750)—любовница регента.

457 *Бурдалу Луи* (1632—1704)—знаменитый проповедник.

458 *Башелье Жан-Жак* (1724—1805)—художник.

459 *Сен-Жермен Шарль-Луи*, граф де (1707—1778)—генерал-лейтенант, военный министр в 1775—1777 гг.

460 *Рекуперо Джузеппе* (1720—1778)—итальянский минералог, автор «Естественной и общей истории Этны».

461 «... земле не менее 14 000 лет...». Согласно христианским воззрениям, от сотворения мира до рождения Христова протекло примерно 5500 лет. Таким образом, возраст земли в середине XVII в. не мог, по расчетам церковников, превышать 7200—7300 лет.

462 *Ла Трамбле*, шевалье де (1739—1807)—баснописец.

463 *Мариво Пьер Карле де Шанблен де* (1688—1763)—драматург и романист.

464 «*Королю сардинскому доложили, что савойское дворянство...*». В 1718—1860 гг. Савойя, принадлежащая теперь Франции, входила в состав королевства Сардинского.

465 См. Максимы, прим. 9.

466 «*Девственница*», точнее «*Орлеанская девственница*» (1755)—сатирическая поэма Вольтера.

467 *Габриэлли Катарина* (1730—1796)—итальянская оперная певица. В 1768—1777 гг. по

приглашению Екатерины II пела в Петербурге.

468 *Арле*—Ашиль де Арле, граф де Бомон, сеньер де Гробуа (1639—1712), президент парижского парламента в 1689—1712 гг.

469 *Дюте Розали* (1752—1820)—дама полусвета.

470 *Шуазель Ла Бом* Клод-Антуан-Клерадиус де Шуазель Бопре, маркиз де (1733—1794)—генерал-лейтенант, камергер двора короля Станислава Лещинского.

471 См. Максимы, прим. 166.

472 *Виллет Шарль*, маркиз де (1736—1793)—поэт, друг Вольтера.

473 См. Максимы, прим. 50.

474 «...театр Французской комедии перенесли на площадь Карусели...». В 1770—1782 гг. Французская комедия помещалась во дворце Тюильри, один из фасадов ко торого выходил на площадь Карусели.

475 *Анвиль Жан-Батист Бургиньон д'* (1697—1782)—географ.

476 *Тайроли Джеймс О'Хара*, лорд Килмейн (1690—1773)—английский посол в Португалии в 1728—1741 гг.

477 *Вен Жан де* (1733—1803)—финансист и литератор.

478 «.... памфлет *Мирабо о биржевой спекуляции....*» — речь идет о памфлете «Обли чение спекуляции, предназначенное для короля и нотаблей» (1788).

479 *«История Пор-Рояля, написанная Расином»* — имеется в виду «Краткая история Пор-Рояля» (1693) Расина.

480 *Мать Агнесса*—Жанна-Катрина-Аньес де Сен-Поль, в монашестве Агнесса (ум. 1671), сестра Антуана Арно (см. Максимы, прим. 76), монахиня Пор-Рояля.

481 *Арно Франсуа-Мари-Тома де Бакюлар д'* (1718—1805)—драматург.

482 (*Рризен* Генрих-Август, граф (1728—1755)—племянник маршала Саксонского (см. Характеры, прим. 128), бригадный генерал.

483 *Бриссо де Варвиль Жан-Пьер* (1754—1793)—публицист и политический деятель. Казнен во время революции как один из вождей жирондистов.

484 *Тальмон*. принцесса де (ум, 1773)—двоюродная сестра короля Станислава Лещинского.

485 *Делавиль Жан-Иньяс*, аббат (1690—1774)—дипломат.

486 *«Королевский альманах»*— официальный справочник, издававшийся с 1679 г. и содержащий перечень европейских государей и наиболее важных должностных лиц Франции.

487 *Сикст V* (в миру Фелипе Перретти) (1521—1590)—папа римский в 1585— 1590 гг.

488 *Пеае* Александр-Фредерик-Жак Массон, маркиз де (1741—1777)—наставник будущего короля Людовика XVI.

489 *Коллин*— город в Чехии, под которым 18 июня 1757 г. Фридрих II Прусский был разбит австрийцами под командованием Дауна.

490 *Христина* (1626—1689)—королева Швеции в 1632—1654 гг.

491 *Ноле* Габриэль (1600—1653)—ученый-библиограф; в 1652—1653 гг. был библиотекарем Христины Шведской в Стокгольме.

492 *Майбомуус* (латинизированная форма фамилии Майбом) Иоганн-Генрих (1590—1635)—немецкий врач и историк.

493 *Бурдело* Пьер Мишон, аббат (1610—1685)—с 1651 г. лейб-медик Христины Шведской.

494 *Агессо* Анри-Франсуа д' (1668—1751)—юрист и государственный деятель, канцлер Франции в 1717—1718, 1720—1722, 1727—1751 гг.

495 *Привилегия*—до 1870 г. авторского права во Франции не существовало и его заменяли привилегии, т. е. разрешения на монопольное печатание книг, выдававшиеся автору или издателю.

496 «*Кливленд*», точнее «История Кливленда, незаконного сына Кромвеля, или Английский философ» (1732—1739)—восьмитомный роман аббата Прево (см. Максимы, прим. 64).

497 *Ла Кальпренед* Готье де Кот де (1614—1663)—романист и драматург.

498 *Верто* Рене Обер, аббат де (1655—1735)—историк, перебивавший монахом нескольких орденов, а затем перешедший в ряды белого духовенства. Эти частые метаморфозы получили

насмешливое прозвище «революций» (от лат. «revolutio» — «поворот», «превращение»), в связи с тем что Верто написал ряд исследований о революциях: «История революций в Португалии» (1689), «История революций в Швеции» (1696), «История революций в Римской республике» (1719).

499 *«Книдский храм»*—прозаическая пастораль Монтестье (см. Максимы, прим. 46), созданная в 1724 г. и изобилующая намеками на современную автору светскую хронику,

500 *Апокалипсис* (греч. «откровение») — последняя книга Евангелия, содержащая туманные пророчества о конце мира.

501 Фоке Чарлз-Джеймс (1749—1806) — английский государственный деятель, выдающийся оратор.

502 *Дюбюк Жан-Батист* (1717—1795) — экономист и государственный деятель.

503 *Человек, в железной маске* — во времена Людовика XIV таинственный узник Бастилии, лицо которого было постоянно закрыто черной бархатной маской. Личность его, которой впервые заинтересовался Вольтер в главе XXV своего труда «Век Людовика XIV» (1751), не выяснена и поныне.

504 *Ганганелли Джованни-Виченцо-Антонио* (1705—1774) — римский папа в 1769—1774 гг., занимавший папский престол под именем Климента XIV.

505 *Ла Уз Матье де Баскиа, барон де* (1724—1794) — дипломат, посол в Парме.

506 *Король Иаков*—Иаков II Стюарт (1633—1701), король Англии в 1685— 1688 гг. Свергнутый с престола революцией 1688 г., остаток жизни провел во Франции, существуя на пенсию, которую назначил ему Людовик XIV. Несмотря на это, Иаков считал себя королем не только Англии, но и Франции, так как был сыном Ген-риетты Французской, дочери Генриха IV, 507 «... чтобы лечить от золотухи.. .». Существовало поверье, будто короли Франции наделены способностью излечивать золотуху, возлагая руки на голову больного.

508 *Серутти* Жозеф-Антуан-Жоакен (1738—1792)—литератор.

509 «*О старец из Ферне, о пон-шартренский старец...*». Имеются в виду Вольтер (см. Характеры, прим. 133) и Луи Фелипо де Пон-Шартрен (1643—1727)—государственный деятель, канцлер, меценат, в конце жизни удалившийся от дел и поселившийся в своем замке Пон-Шартрен.

510 См. Характеры, прим. 338.

511 *Нарбонн* Луи, шевалье, позднее граф де (1755—1813)—бригадный генерал, военный министр в 1791—1792 гг., друг Шамфора.

512 *Берньер* Маргарита-Мадлена дю Мутье, маркиза де (1688—1757)—вдова президента руанского парламента.

513 *Суассонская академия*—речь идет не об официальном учреждении, а об одном из провинциальных обществ, объединявших местных ученых и любителей словесности.

514 *Левис Франсуа-Гастон*, герцог де (1720—1787)—маршал Франции с 1783 г., губернатор провинции Артуа, главным городом которой был Аррас.

515 *Принцесса Конти*—Мария-Анна де Блуа (1666—1739), внебрачная дочь Людовика XIV и Луизы де Ла Вальер (см. Характеры, прим. 164), жена Луи-Армана де Бурбона, принца де Конти (1661—1685), отличавшаяся редкой красотой.

516 *Дофина, принцесса Баварская* — Мария-Анна-Христина-Виктория Баварская (1660—1690), с 1680 г. супруга Великого дофина, сына Людовика XIV.

517 *Вашингтон Джордж* (1732—1799)— главнокомандующий американской армией во время войны за независимость и первый президент США.

518 *Петтио*, аббат—литератор.

519 *Рюльер Клод-Карломан де* (1735—1791)— адъютант маршала Ришелье, историк и поэт, член Французской академии с 1787 г.

520 «*Увидев в опере расплывшуюся Армаду и на редкость уродливого Ринальдо...*». Армида и Ринальдо—герои оперы Христофа Виллибальда Глюка (1714—1787) «Армида» на либретто Ф. Кино, поставленной 23 октября 1777 г. в Королевской музыкальной академии.

521 «*.. .о Геракле, совладавшем с пятьюдесятью девственницами...*». Согласно античному мифу, Геракл за одну ночь стал мужем пятидесяти дев, дочерей беотийского царя Феспия.

522 *Крамер*, г-жа—жена Жана-Франсуа-Луи

Крамера (1752—1813), офицера швей царской гвардии при Людовике XVI.

523 «*Beati qui pop viderunt et crediderunt*»—цитата из Евангелия от Иоанна (XX, 29).

524 «*Фанфан и Кола*»—басня аббата Жана-Луи Обера (1731—1814).

525 *Маленький отец Андре*—прозвище проповедника Андре Булланже (1578—1657).

526 *Конде*—имеется в виду Великий Конде (см. Характеры, прим. 232).

527 «...не все *тело твое было ввержено в геенну*» — цитата из Евангелия от Матфея (V, 29).

528 *Эди Блез-Мари*, шевалье, затем аббат д' (1692—1761)—военный деятель, по том духовное лицо. Известен главным образом благодаря своей трагической любви к черкешенке Айше, которая описала историю их отношений в своих «Письмах» (1787).

529 *Божон Никола* (1708—1786)—придворный банкир.

530 *Беарнские штаты*—Беарн, область на юго-западе Франции, фактически присоединенная к ней только при Генрихе IV, а формально еще позднее (1620), до самой революции сохранял свой средневековый представительный орган — провинциальные штаты, а также ряд вольностей и привилегий, так называемых «tors».

531 *Рамус* (латинизированная форма фамилии Ла Раме) Пьер (1515—1572)—философ и ученый.

532 «.. ..его *amat* столь же *правильный*

латинский оборот, как и „его ато”» - насмешка над варварской латынью средневековых схоластов: «его amat» («я любит») — грубая ошибка против латинской грамматики (правильно «его ато»—«я люблю»)..

533 См. Максимы, прим. 44.

534 *«Послушав оратора, совсем не владевшего искусством декламации, Юлий Це-варь...»*. Анекдот заимствован из «Обучения оратора» (1, 8)—руководства по риторике у римского оратора Марка Фабия Квинтилиана (около 30—90).

535 См. Характеры, прим. 337.

536 Климент XI (в миру Джузеппе-Франческо Альбани) (1649—1721)—папа римский в 1700—1721 гг.

537 Ле Телье Мишель (1643—1719)—богослов-иезуит, духовник Людовика XIV в 1709—1714 гг.

538 *Нерико-Детуш* Филипп (1680—1754)—комедиограф.

539 *«... Дидро нарисовал императрице...»*. Дидро посетил Россию в мае 1773—июне 1774 г. по приглашению Екатерины II.

540 Карл Смелый (1433—1477)—последний владетельный герцог Бургундии (правил в 1467—1477 гг.), крупнейший французский феодал.

541 *Ганнибал* Барка (247 или 246—183 до н. э.)—карфагенский полководец и государственный деятель.

542 *Муртен* (франц. Мора)—городок в окрестностях Берна, под которым 21 июня 1476 г. швейцарцы разгромили армию Карла Смелого.

543 «...во взятый им Дрезден...». 9 сентября 1756 г. пруссаки взяли Дрезден, столицу курфюршества Саксонского, выступавшего в Семилетней войне на стороне противников Пруссии.

544 Брюль Генрих, граф (1700—1763)—в 1745—1756 гг. первый министр Саксонии, противник Фридриха II Прусского.

545 Соляном налог—во Франции с XIV в. существовала так называемая соляная регалия—государственная монополия на торговлю солью, и каждый человек был обязан покупать ежегодно около 3 кг соли. За отказ от покупки и контрабандную торговлю солью полагались жестокие наказания. В разных областях страны уровень цен на соль был разный. Приморские районы, в частности Нижняя Бретань, где расположены солеварни, были от соляного налога (габели) освобождены.

546 Мадмуазель — титул незамужних внучек, племянниц и двоюродных сестер короля, а также принцесс крови. Шамфор, вероятно, имеет в виду Луизу-Аделаиду де Бурбон, принцессу де Конде (1757—1824).

547 «.... когда на Сен-Лоранской ярмарке еще разыгрывались фарсы...-». Привилегированный королевский театр Французской комедии чинил всякие препятствия другим драматическим театрам в Париже. Поэтому актерам конкурирующих трупп пришлось прибегнуть к созданию театров на ярмарках—Сен-Жерменской (в феврале—апреле) и Сен-Лоранской (в июле—сентябре). С 60-х годов XVIII

в. место ярмарочных театров заняли так называемые бульварные.

548 *Бисетр* — одна из парижских тюрем.

549 *Большой совет*—высший апелляционный суд в дореволюционной Франции.

550 *Эстре* Виктор-Мари, герцог д' (1660—1737)—адмирал, маршал Франции с 1703 г.

551 *Суд по монетным делам*—судебная палата, с 1551 г. ведавшая всеми делами и преступлениями, связанными с денежным обращением.

552 «... маршала де Люксембурга два года продержали в Бастилии...». Франсуа-Анри де Монморанси-Бутвиль герцог де Люксембург (1628—1695), маршал Франции с 1675 г. и один из крупнейших полководцев XVII в., после ссоры с военным министром Лувуа был по его проискам на полтора года брошен в тюрьму по ложному обвинению в чернокнижии и сношениях с дьяволом. Освобожденный в 1681 г., он только в 1689 г. был вновь отправлен на театр военных действий, где одержал ряд блестящих побед.

553 *Прадон* Никола (1632—1698)—посредственный драматург, автор трагедии «Федра и Ипполит» (1677), написанной с целью провалить «Федру» Расина.

554 *Питт* Энн (1720—1799)—английская актриса.

555 *Монкальм*—Луи-Жозеф маркиз де Монкальм де Сен-Верен (1712—1759), бригадный генерал, командующий французскими войсками в Канаде в

1756— 1759 гг.

556 *Монморанси* — фамилия одного из самых аристократических семейств во Франции.

557 *Мам Анри де* (1585—1650)—купеческий старшина Парижа, затем президент парламента.

558 *Вобрен*, аббат де (1662—1746)—придворный чтец при Людовике XV.

559 *Бомон ле Тур*— имеется в виду мадмуазель де Вермандуа, сестра Луи-Анри герцога Бурбонского, принца де Конде (1692—1740), первого министра в 1723— 1726 гг., который пытался выдать ее за Людовика XV. После того как эти попытки кончились неудачей, она стала аббатиссой монастыря Бомон ле Тур.

560 *Мадам Клотильда*—мстри Людовика XVI Мария-Клотильда (1759—1802), с 1775 г. супруга наследного принца Сардинского, будущего короля Карла-Эмма-нуила IV (царствовал в 1796—1802 гг.).

561 См. Характеры, прим. 144.

562 *Провинциал* — глава монашеского ордена в данной стране.

563 *Лораге* Луи-Леон-Фелисите де Бранкас, граф де (1733—1824)—литератор, ученый и меценат.

564 *Рец* Жан-Франсуа-Поль де Гонди, кардинал де (1614—1679)—архиепископ Парижский, политический деятель и писатель, автор «Мемуаров» (1717). Повествуя о событиях 1648 г. (начало Фронды), де Рец рассказывает, как во время схватки горожан с королевской гвардией он попытался предотвратить кровопролитие, но его сшибли с ног

камнем, а один из горожан прицелился в него из мушкета. Не потеряв присутствия духа, де Рец крикнул: «Несчастный, на тебя смотрит твой отец¹». Горожанин решил, что целится в кого-то из друзей своего отца, и не выстрелил.

565 *Лаваль* — балетмейстер парижской оперы при Людовике XV, однофамилец де Лавалей, одной из знатнейших аристократических фамилий Франции.

566 См. Характеры, прим. 364.

567 *Симония* (по имени волхва Симона, просившего, по церковному преданию, апостолов продать ему дар творить чудеса) — купля и продажа церковных должностей.

568 *Мария Стюарт* (1542—1587)—супруга Франциска II (1544—1560), короля Франции в 1559—1560 гг.; затем королева Шотландская.

569 Лакричник — солодка, растение из семейства бобовых, имеющее сладкий корень.